

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Серия «Научно-биографическая литература»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин,
С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,
А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя), А. П. Юшкевич,
А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский*

П. Е. Матвиевский А. В. Ефремов

**Петр Иванович
РЫЧКОВ**

1712 – 1777

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Г. Е. ПАВЛОВА

**МОСКВА
«НАУКА»**

1991

ББК 72.3

МЗЗ

УДК 001(092) Рычков «1712/1777»

Рецензенты:

кандидат географических наук

О. А. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,

кандидат исторических наук

С. С. ИЛИЗАРОВ

М $\frac{1401020000-088}{054(02)-91}$ 38-90 НП

ISBN 5-02-003438-X © Издательство «Наука», 1991

Введение

Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели в сравнении с современными требованиями, а по тому, что они дали в сравнении со своими предшественниками.

В. И. Ленин

Петр Иванович Рычков (1712—1777), замечательный ученый-самородок XVIII в., первый член-корреспондент Петербургской Академии наук, член Вольного экономического общества и Вольного русского собрания при Московском университете, был одним из тех современников М. В. Ломоносова (1711—1765), к кому он обращался с призывом:

«Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Научная деятельность П. И. Рычкова чрезвычайно разнообразна. Географ, натуралист, историк, экономист, он был автором многочисленных печатных трудов, вышедших отдельными изданиями и публиковавшихся в научных журналах того времени — «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» и «Трудах Вольного экономического общества». Более полусотни произведений, увидевших свет, и не менее двадцати, оставшихся в рукописях, убедительно свидетельствуют о необыкновенном трудолюбии автора, его научном даровании и широте познаний. П. И. Рычков, всегда конкретный и точный, писал: «Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить» [334. С. 139]. Его труды, содержащие богатейший фактический материал, были замечательным явлением своего времени и сохраняют научное значение до наших дней.

Всей жизнью П. И. Рычков дал пример фанатической преданности науке. Заброшенный судьбой в молодости в пустынный тогда и дикий Оренбургский край, он вместе со своими руководителями и наставниками — «птенцами гнезда Петрова»: И. К. Кириловым, В. Н. Татищевым и И. И. Неплюевым, стал первопроходцем этого края и исследователем его природных богатств. Свыше 40 лет провел он здесь: сначала в качестве бухгалтера Оренбургской экспедиции, затем секретаря губернской канцелярии, ответственного чиновника, занимавшегося вопросами международной торговли и «секретными и иноверческими делами», а под конец жизни — в должности правителя Илецкого соляного промысла и Екатеринбургских казенных заводов. Пунктуально выполняя служебные обязанности, он никогда не отодвигал на второй план задачи, которые ставил перед собой как ученый. В их решении он видел свой гражданский долг и выбрал в качестве жизненного девиза слова: «Век жить, век учиться и трудиться» [334. С. 105].

За приверженность к науке, неутомимость в трудах и плодотворность работы биографы называли П. И. Рычкова Ломоносовым [147] и Колумбом Оренбургского края [149. Т. 2. С. 298]. Он был первым ученым-краеведом. Проникая в самые далекие уголки края, Рычков внимательно изучал природу и наблюдал жизнь, собирал полезные сведения у купцов и путешественников и аккуратно отмечал все заслуживающее внимания. Он дал первое историко-географическое и этнографическое описание Юго-Восточной России, а также Башкирии, Казахстана, некоторых районов Средней Азии, писал о природных богатствах необозримого Оренбургского края, о том, что Южный Урал заключает в своих недрах «самый первый и обществу полезнейший продукт — металлы и минералы», что «самая лучшая железная руда» — магнитогорская, что из пахотных земель края еще «и сотая часть в пашне не употребляется» и что все это, как он уверен, трудом потомков будет подчинено общественному благу. Открытия Рычкова, данные им описания месторождений полезных ископаемых, условий земледелия, местных народных промыслов способствовали освоению ресурсов Южного Урала, развитию промышленности в этом регионе, торгово-экономическому общению народов, населявших край. В его статьях пропагандировались рациональные методы использования при-

родных богатств и ведения сельского хозяйства, охрана лесов и приемы лесоводства, пчеловодство и т. д.

Сотрудничество П. И. Рычкова с Академией наук, начавшееся его помощью В. Н. Татищеву в историко-географических исследованиях, длилось много лет и было весьма плодотворным. С 1759 г., когда он стал первым корреспондентом Петербургской академии, его научные сообщения регулярно заслушивались на ее заседаниях, отмечались в «Протоколах» и публиковались в академических изданиях. Он также активно содействовал работе академических экспедиций, исследовавших Оренбургский край, и щедро делился своими познаниями с их руководителями и участниками П. С. Палласом, И. И. Лепехиным, И. П. Фальком, И. Г. Георги и др. Несомненную пользу русской науке принес сын П. И. Рычкова Николай, который по ходатайству отца был включен в экспедицию П. С. Палласа и стал известным в свое время ученым-нагуралистом. Путевые заметки Н. П. Рычкова были опубликованы Академией наук [370—372], а затем вышли и в немецком переводе.

Из опубликованных трудов П. И. Рычкова наиболее известной в России и за рубежом стала «Топография Оренбургской губернии». Первая часть сочинения была представлена М. В. Ломоносовым в Академию наук и получила одобрение в 1755 г. Полностью оно вышло из печати в 1762 г. Порайонное изучение России, начатое П. И. Рычковым на примере Оренбургского края, нашло тогда же немало последователей и подражателей.

Жизнь и деятельность П. И. Рычкова приходились на «суровый» век, о котором А. Н. Радищев писал:

«Нет, ты не будешь забвенно,
Столетье безумно и мудро...»

Он родился в начале XVIII в., когда, говоря словами А. С. Пушкина, «Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра». Страна превращалась в сильную державу, европейскую и азиатскую. Государство к этому времени уже расширилось и обогатилось путем присоединения к нему Казанского и Астраханского ханств, Башкирии и Приуралья, а затем и Западной Сибири благодаря героическому походу Ермака и царских войск за «Каменный пояс» в 1581—1585 гг.

В XVII—XVIII вв. постоянно усиливалось тяготение к России соседних народов, которые стремились получить ее покровительство и добровольно переходили в

русское подданство. Так было в 1556 г. с башкирами, калмыками, пришедшими в Заволжье в начале XVIII в. и принятыми в подданство в 1655 г.; так было и с казахским народом, делавшим не одну попытку вступления в русское подданство начиная с конца XVI в. В XVIII в. постепенно осваивалось Заволжье, пустынные и дикие пространства Зауралья и начал заселяться Оренбургский край.

П. И. Рычков был современником и непосредственным участником крупнейших событий в России и, в частности, на юго-востоке страны. Его имя связано с закладкой и строительством города-крепости Оренбурга — форпоста освоения этого региона. Непосредственный свидетель образования Оренбургского края, добровольного вхождения в состав России казахского народа, башкирских восстаний и Крестьянской войны 1773—1775 гг. под водительством Е. И. Пугачева, он стал добросовестным летописцем этих событий. Они правдиво представлены в его «Истории Оренбургской». Рычкову принадлежат также описание одного из наиболее драматичных моментов Крестьянской войны — шестимесячной осады Оренбурга и воспоминания о личной встрече с вождем восставших.

Как представитель администрации, действовавшей в «многонародном» крае, П. И. Рычков вплотную сталкивался с вопросами межнационального общения и задумывался над принципами их решения. Он считал, что политика должна быть основана на обходительности и гуманности по отношению к «иноверцам», и сам всегда относился к ним очень уважительно, без малейшего пренебрежения или унижения. Администраторам он предлагал поступать с башкирами, татарами, казахами, представителями других народов Оренбургского края и Средней Азии во всех случаях «справедливо, ласково и без насилия».

П. И. Рычков испытывал искренний интерес к истории, обычаям и культурным традициям народностей Юго-Восточной России. Он первый в русской литературе обратился к их этногенезу и описал их первичную этническую территорию. Поэтому и в наше время столь часты обращения к его трудам как к первоисточникам.

Хотя П. И. Рычков не поднимался до критики существующего государственного строя, порой он все же смело осуждал его пороки. Народные мятежи, по его мнению, происходили более всего от невежества чинов-

ников и генералов и их неумения «управлять народами». П. И. Рычков обличал их как носителей зла, открыто порицал их непомерное честолюбие и карьеризм. Сам он никогда не заискивал перед вельможами и утверждал, что «та токмо знатность... предпочтения достойна, которая с заслугами отечеству, с достоинством и добродетелями соединена» [59. С. 292].

П. И. Рычков принадлежал своему веку и был одним из характерных для того времени людей, которые умели отдавать себя без остатка полюбившемуся делу и служению долгу. Его биография вместила в себя множество событий, которых бы хватило и на две жизни. Умный и деятельный чиновник, талантливый ученый, не получивший специального образования, но благодаря одержимости в любви к науке достигший замечательных для того времени результатов, П. И. Рычков оставил о себе память и как яркая личность. Самыми большими человеческими достоинствами он считал честность, справедливость и бескорыстие. Отстаивая свои принципы и мнения, он был бескомпромиссен до резкости и никогда не называл белым то, что, с его точки зрения, было черным. Это затрудняло существование, но в конце своих дней он с полным правом мог сказать: «Я во всю мою жизнь ласкателем и клеветником не бывал; держусь справедливости и резону во всех моих поведеньях» [334. С. 141, 150].

Изучающий отечественную историю XVIII в. не может не обратить внимание на то, что многие черты личности П. И. Рычкова заставляют вспомнить великого М. В. Ломоносова. Этим русским самородкам, отмеченным несомненным духовным родством, в равной степени были присущи огромная энергия, здравый смысл, тяга к знанию, разносторонность интересов и безграничная любовь к Отечеству, на благо которого они работали, не зная усталости. Оба в своей деятельности руководствовались заветами великого гражданина России Петра I, которого почитали как наивысший авторитет.

Результаты своих трудов П. И. Рычков не преувеличивал, но вполне осознавал их значение. Он надеялся на будущее, когда, как он был уверен, их справедливо оценят, дополнят и используют.

Однако и современники хорошо понимали их значение. Труды эти получили одобрение виднейших российских ученых — М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера, А. А. Нартова, И. И. Ле-

пехина и др. В. Н. Татищев называл П. И. Рычкова «любомудрым асессором оренбургским», П. С. Паллас — «преученым мужем», И. И. Лепехин знал его как «мужа... знаменитого». Г. Ф. Миллер писал: «Подробное описание России возможно будет только тогда, когда во всякой губернии будет человек, прилежанием и искусством подобный Рычкову» [149. Т. 2. С. 298—299].

Выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях», вышедшем в 1772 г., поместил статью о П. И. Рычкове, в которой назвал его «мужем великого разума, искусства и знания в древностях российских». Перечислив «многие полезные его сочинения», Н. И. Новиков заключил: «Сей трудолюбивый и рачительный муж, полезными своими трудами заслужил вечную себе похвалу» [316. С. 197].

За рубежом труды П. И. Рычкова также получили признание. Его «Топография Оренбургской губернии», которую П. С. Паллас сразу нашел достойной перевода на иностранные языки, вышла в двух немецких изданиях (в 1767 г. в Гамбурге, в 1772 г. в Риге). Отрывки из нее, также в немецком переводе, опубликовал известный историк А. Шлёцер, включив их в 1762 г. в свою хвалебную рецензию на «Топографию».

В 1784 г. в вышедшей в Берлине «Экономической энциклопедии» [438] была помещена статья о П. И. Рычкове и его гравированный портрет. Тем самым он был причислен к наиболее известным экономистам XVIII в.

В XIX в. труды П. И. Рычкова, не устаревшие и не утратившие своего значения как исторические источники, часто цитировались. В 1844 г. В. Г. Белинский писал, что они наряду с трудами таких писателей и ученых, как Феофан Прокопович, И. И. Голиков, И. И. Лепехин, Г. Ф. Миллер, Н. Я. Озерецковский и др., «очень бы стоили нового издания» [116. С. 345]. П. И. Рычкова как ученого и политика упоминал в 1823 г. известный историк и чиновник Азиатского департамента А. И. Левшин [300. Т. 4. С. 438], ему посвятил статью в «Словаре достопамятных людей Русской земли» (1847 г.) Д. Н. Бантыш-Каменский [112], а в 1854 г. П. И. Небольсин писал, что с его трудами «не сравнялись ничьи еще труды» [312. С. 243].

Серьезное изучение научного наследия П. И. Рычкова предпринял академик П. П. Пекарский. В 1865 г. он

представил работу «Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии» [359], а в 1867 г. закончил обширное исследование «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова» [334].

Подробно рассмотрев биографию и труды ученого оренбуржца, Пекарский пришел к выводу, что «в истории просвещения России XVIII столетия он является представителем лучших людей современного ему общества». При этом он пожелал, чтобы и в XIX в. «являлись люди с такою же любовью к науке, с такою же готовностью оказывать представителям ее помощь словом и делом, какие выказывал сын купца, чиновник и помещик более чем за сто лет до нас». Особо была отмечена роль П. И. Рычкова в изучении Оренбургского края. Пекарский заключил, что он «не забудется в истории русской литературы как писатель, оставивший достоверные и разнообразные сведения о малоизвестном в его времена крае и о событиях, которые там совершались на его глазах» [339. С. 13, 16].

В своей работе Пекарский использовал огромный материал: помимо всех печатных сочинений Рычкова, он рассмотрел и частично обнародовал его переписку с Г. Ф. Миллером и В. Н. Татищевым, а кроме того, привлек к исследованию документы из семейного архива, предоставленные ему потомком ученого Д. Н. Рычковым. После выхода книги Д. Н. Рычков преподнес эти рукописи в дар Академии наук [221, С. XXXVII].

Наибольший интерес вызвала рукопись автобиографических «Записок Петра Ивановича Рычкова», законченных им в 1777 г. Они предназначались для его детей и содержали «некоторые правила и наставления», сформулированные отцом на основе его богатого жизненного опыта. Значительно позднее, в 1905 г., этот интереснейший памятник мемуарного жанра был опубликован издателем журнала «Русский архив» П. Бартевым [59]. Столь же любопытным документом является очерк, составленный праправнуком П. И. Рычкова — Н. Рычковым на основе материалов семейного архива, который он озаглавил «Отрывок из семейных записок Рожновых» [369] (изменив по какой-то причине фамилию).

Среди упоминаний о Рычкове в литературе XIX в. особо следует отметить высказывания А. С. Пушкина, который, работая над историей крестьянской войны 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева, обнаружил рукопись П. И. Рычкова с описанием осады Орен-

бурга. Высоко оценив эту, как он назвал, летопись «нашего славного академика Рычкова», А. С. Пушкин включил ее полностью в свое издание «Истории Пугачева» в качестве приложения. Он писал: «Трудолюбивый Рычков, автор Оренбургской топографии и многих других умных и полезных изданий, оставил любопытную рукопись о сем времени. Я имел случай ею пользоваться. Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушием и дельным изложением оной, которые составляют неоценимое достоинство ученых людей того времени» [62. Т. 9, ч. 1. С. 389, 400].

С появлением труда П. П. Пекарского пробудилось внимание к П. И. Рычкову — одному «из самых, — по словам рецензента этого труда академика А. В. Никитенко, — почтенных русских деятелей в момент едва пробудившихся у нас высшей мысли и знания... достопамятному лицу, представлявшемуся смутно и неясно в истории нашей литературы, по недостатку положительных о нем сведений» [314. С. 7]. Другой рецензент — П. Щербальский — заметил, что жизнь Рычкова «похожа на страницу, вырванную из интересной книги: эта книга — наш едва раскрывающийся перед нами XVIII век» [423. С. 95].

Наибольший интерес к вновь открытой яркой фигуре российской истории был проявлен в Оренбурге — городе, с которым связана вся творческая деятельность Рычкова. Оренбуржцы впервые после В. Г. Белинского заговорили об издании сочинений Рычкова, а затем и осуществили это издание.

Вопрос был поднят в 1867 г. Оренбургским отделом Русского географического общества (РГО) и губернским статистическим Комитетом и освещен в работах активно работавшего краеведа Р. Г. Игнатьева [212—220], который намеревался также составить комментарий и дополнения к «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова. На издание этого сочинения пожертвовал значительную сумму член РГО И. Ф. Базилевский. Вначале предполагалось опубликовать книгу вместе с хранившейся в Академии наук рукописью, датированной 1752 г. и озаглавленной «Ландкарты или Чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными к ней местами». Первая часть «Топографии» была написана П. И. Рычковым как сопроводительный текст к этим ландкартам. К сожалению, по различным, в основном техническим, причинам совместное издание

осуществлено не было. Оренбургский отдел РГО смог опубликовать «Ландкарты» в 1880 г. [55], а «Топографию Оренбургской губернии» — только в 1887 г. [56]. Оба издания, особенно первое, в настоящее время представляют собой библиографическую редкость. В предисловии к «Топографии» отмечалось, что «она нисколько не утратила своего ученого достоинства, несмотря на слишком столетнее существование: можно безошибочно утверждать, что ни один исследователь Оренбургского края не может обойтись без того, чтобы не почерпнуть чего-либо из этого замечательного для своего времени труда» [56. С. VI].

В 1896 г. в Оренбурге губернским статистическим Комитетом под редакцией и с примечаниями Н. М. Гутьяра была переиздана «История Оренбургская» П. И. Рычкова. Это переиздание, несмотря на некоторые проблемы, имело в свое время и продолжает сохранять до сих пор значение «важного и почти совершенно неизвестного первоисточника» по истории Оренбургского края [58. С. 1].

Сочинения П. И. Рычкова послужили основой исследований краеведа В. В. Витевского [147—149], который приложил немало сил для популяризации его творчества. В 1877 г. в статье, напечатанной в газете «Оренбургский листок» по случаю столетней годовщины со дня кончины ученого, В. В. Витевский писал: «Счастлив и благодарен должен быть Оренбургский край, что он имел у себя такого бытописателя, как Петр Иванович Рычков» [147]. Краевед опубликовал общий обзор сочинений Рычкова, исследовал места, связанные с его именем, и уделил ему много места в своей трехтомной исторической монографии «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1759 г.» [149]. «Если Неплюева можно назвать Петром Великим Оренбургского края, — утверждал В. В. Витевский, — то Рычков, без сомнения, достоин имени Ломоносова этого края» [147]. В другом месте В. В. Витевский, заметив, что «Рычков сделал много, много полезного для истории Оренбургского края и проложил путь его позднейшим исследователям», заключил: «Если Пушкин назвал Н. М. Карамзина „Колумбом древней Руси“, то Рычкова без преувеличения можно считать „Колумбом Оренбургского края“» [149. Т. 1. С. 298].

Изучением его жизни и деятельности занимался А. В. Попов, врач, один из основателей Оренбургской

ученой архивной комиссии и ее председатель с 1903 г. [345, 346]. По случаю 200-летия со дня рождения П. И. Рычкова 1 декабря 1912 г. состоялось специальное заседание этой комиссии, на котором было решено начать работу по изданию его биографии, сочинений и переписки, а также установить памятник на могиле [399. 1913. Вып. 29. С. 207—208].

В 1916 г. П. В. Жуковский опубликовал «Дополнения к „Истории Оренбургской“ П. И. Рычкова» [208] по архивным материалам и печатному изданию 1759 г. (разделы, не вошедшие в издание 1896 г.). Таким образом, изучение научного наследия П. И. Рычкова не прекращалось. Однако и в 1916 г. А. В. Попов был вынужден сказать, что все еще «даже не собраны и не опубликованы самые материалы для биографии этого знаменитого человека. Они хранятся здесь, в местных архивах, в центральных архивах Москвы и Петербурга, в Академии наук, у потомков Рычкова, или опубликованы в старинных изданиях, ставших давно библиографической редкостью» [346. С. 79]. В обзорах же истории Оренбургского края [92 и др.], выходявших в конце XIX — начале XX в., роль П. И. Рычкова была отражена определенно недостаточно.

Серьезное исследование разных сторон деятельности оренбургского ученого началось в советское время в послевоенный период.

Прежде всего было обращено внимание на то, что вне поля зрения биографов оказалось творчество П. И. Рычкова как крупного русского экономиста XVIII в. Его взгляды проанализировал в 1945 — 1955 гг. И. С. Бак [108, 110]. Им были обнаружены и впервые исследованы некоторые материалы (например, «Хозяйственная переписка Академии наук»), оставшиеся неизвестными П. П. Пекарскому. Экономические воззрения П. И. Рычкова исследовались Н. К. Каратаевым, который в 1950 г. опубликовал специальную статью по этому вопросу [232], а позднее осветил их в монографии «Очерки по истории экономических наук в России XVIII века» [233].

Творчество П. И. Рычкова как экономиста рассматривается также в обобщающих трудах, например в «Истории Академии наук СССР» [225. Т. 1. С. 288]. Здесь показано, что в трудах о российской «коммерции», под которой он понимал не только торговлю, но также промыслы и все, «что есть и может быть в коммерции

к общенародной пользе», ему удалось избежать узко-меркантилистского подхода к определению задач внешней торговли. П. И. Рычков настаивал на первоочередном развитии и расширении обрабатывающей промышленности, считая экспорт продуктов мануфактурного производства более предпочтительным, чем экспорт сырья.

В 1947 — 1948 гг. началось основательное исследование историко-географических трудов П. И. Рыčkова. Изучая деятельность естествоиспытателей Оренбургского края, Ф. Н. Мильков [303] в 1949 г. опубликовал в книге «Оренбургские степи в трудах П. И. Рыčkова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неустроева» [306] отрывки из «Топографии Оренбургской губернии».

К тому же времени относятся первые работы П. Е. Матвиевского о творчестве П. И. Рыčkова. Обратившись к архивным документам XVIII в., касающимся истории Оренбургского края, он обнаружил рукопись «Лексикона, или Словаря топографического Оренбургской губернии» [69] — последнего сочинения ученого, которое считалось утерянным [287]. В дальнейшем он постоянно возвращался в своих работах к личности П. И. Рыčkова как оренбургского летописца, администратора, занимавшегося вопросами торговли со Средней Азией и межнациональными связями, свидетеля Крестьянской войны 1773—1775 гг. [227, 281, 283, 288—290, 295]. Одновременно шел сбор материала для научной биографии Рыčkова.

Ф. Н. Милькову принадлежит всестороннее освещение роли П. И. Рыčkова в истории русской географической науки. Отметив в 1952 г. специальной статьей в «Известиях АН СССР» [304] 175-летие со дня смерти ученого, он в 1953 г. опубликовал книгу «П. И. Рычков. Жизнь и географические труды» [307]. В ней приведены «Обзорная карта районов, описанных П. И. Рычковым» и «Описание города Оренбурга» по неопубликованной рукописи Рыčkова «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии». Книга Ф. Н. Милькова, в которой автор не ограничивается одними лишь географическими проблемами, до сих пор остается самым обстоятельным исследованием о жизни и творчестве П. И. Рыčkова.

Как выдающийся русский географ П. И. Рычков показан также в работах П. А. Лярского [270, 271], который справедливо причислил оренбургского исследо-

вателя к зачинателям регионального направления в географии. Он составил также список опубликованных сочинений Рычкова и дал обзор некоторых архивных материалов [271. С. 76—78].

Множество документов, позволяющих судить о значении деятельности П. И. Рычкова в области географии и картографии, хранится в Архиве АН СССР и других архивах. Они в большинстве своем описаны [101, 155, 156, 269 и др.] и вместе с другими послужили основой исследований о состоянии географической науки в России XVIII в.

В то же время выяснялась роль, которую сыграл Рычков в развитии других областей русской науки. Так, М. В. Птуха показал значение его работ в истории статистики [360]. Н. И. Павленко в «Истории металлургии в России XVIII в.» проанализировал собранные П. И. Рычковым «данные о рудных месторождениях Урала, начале их разработок и строительстве первых металлургических предприятий» [329. С. 227—231, 419—422, 433—434]. Основываясь на архивных документах, он осветил деятельность Рычкова как заводладельца. Впоследствии различные проблемы истории горнозаводского Урала, развития его экономики, непосредственно связанные с научной биографией Рычкова, привлекли и продолжают привлекать все большее внимание исследователей.

В 1962 г. к 250-летию со дня рождения П. И. Рычкова была опубликована статья Е. С. Кулябко и А. М. Черникова «Первый член-корреспондент Академии наук» [254], где сведения о его научной деятельности подтверждены документами из Архива АН СССР. Особое внимание было обращено на его связи с М. В. Ломоносовым. Этот юбилей был отмечен также статьей М. Г. Новлянской [320].

Немалый интерес вызвал вопрос о П. И. Рычкове как историке. Его заслуги в исторической науке отмечались в 1955 г. в «Очерках истории исторической науки. в СССР» [328. С. 216, 219], в 1957 г.— в «Русской историографии до XIX в.» Л. В. Черепнина [414. С. 248]. Основательный анализ исторических взглядов П. И. Рычкова дал в 1965 г. С. Л. Пештич, посвятивший ему главу своей книги о русской историографии XVIII в. [341. С. 265—295]. Помимо обзора дореволюционной и советской литературы о Рычкове-историке, здесь впервые приведены результаты историографического изучения воп-

роса о формировании его научных взглядов. Автор пришел к выводу, что «П. И. Рычков занимает почетное место в развитии русской исторической мысли XVIII столетия» и что его «труды, несмотря на присущие им недостатки ...свидетельствуют о внимании к новой исторической проблематике, присущей для нарождающейся буржуазной историографии». Пештич считает Рычкова «одним из первых историков-краеведов большого масштаба, работавших по широкой программе изучения истории огромной территории страны, начиная с вопросов этногенеза до современности», занимающим «особое место в источниковедении крестьянской войны под предводительством Пугачева» [341. С. 294—295].

Роли П. И. Рычкова в развитии русской исторической науки второй половины XVIII в., когда в недрах феодализма все интенсивнее развивались капиталистические отношения, посвятил в 1975 г. специальные статьи С. А. Сидоренко [378, 379]. Он отметил богатство собранного Рычковым фактического материала по истории народов Южного Урала и прилегающих к нему областей, обстоятельность данного им освещения деятельности Оренбургской экспедиции, строительства крепостей и хозяйственного освоения края, важность сведений о яицком казачестве и др.

Энциклопедичность познаний Рычкова, немаловажное значение его исторических трудов подчеркнуты и в статье Р. В. Овчинникова в «Советской исторической энциклопедии» [325], где в то же время отмечается их компилятивность и отсутствие строгой критики исторических источников.

Творчество Рычкова как историка вызывает постоянный интерес у исследователей Крестьянской войны 1773 — 1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева. «Летопись» осады Оренбурга, составленная П. И. Рычковым, нашла отражение в работах об этом значительном событии отечественной истории и, в частности, в публикациях в честь его 200-летия (1975 г.). Она послужила также источником для литературоведов Н. В. Измайлова [222] и Р. В. Овчинникова [323] в их исследованиях о работе А. С. Пушкина над «Историей Пугачева».

Не меньшее значение имеют труды Рычкова как источники для изучения отношений между народами Юго-Восточной России, Казахстана и Средней Азии в XVIII в. Они цитируются в работах по истории Казахской ССР, Башкирской АССР, Каракалпакской АССР,

Татарской АССР, в исследованиях о русско-казахских связях.

Следует отметить, что с течением времени для широких кругов ученых становятся доступными новые материалы о Рычкове-историке. Так, в 1972 г. Л. З. Мильготина обнародовала полный текст его сочинения о восстании Степана Разина [63], которое оставалось неопубликованным, причем имя автора в сохранившейся рукописи отсутствовало; была установлена принадлежность ее П. И. Рычкову, что, впрочем, и ранее не вызывало сомнения [127. С. 99]. В 1976 г. Г. В. Яровой, изучив статью П. И. Рычкова «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии» [26], пришел к выводу, что этот труд, давно ставший библиографической редкостью, не потерял своего значения как важный источник по истории сельского хозяйства и крестьянства Южного Урала второй половины XVIII в. Им были опубликованы отдельные фрагменты сочинения и изложено содержание разделов, наиболее интересных для историков, изучающих указанные вопросы [427].

Поэтому не вызывает сомнения, что постепенно многостороннее творчество П. И. Рычкова, интерес к которому не уменьшается, получит в дальнейшем более основательное освещение. В этом убеждают многие исследования последних лет, в том числе работы А. К. Абилева [86], И. Г. Акманова [90], А. С. Майоровой [273], А. П. Прусса [359] и др.

Несмотря на то, что в сравнении с другими российскими деятелями XVIII в. П. И. Рычков получил значительно меньшую известность, имя его нередко встречалось в популярной литературе, в газетах и журналах, например, в связи с юбилейными датами [278, 279, 375, 420, 428 и др.]. Немаловажными для изучения его жизни, эпохи и многих моментов его деятельности имеют работы краеведов Оренбурга и Татарской АССР. Особый интерес представляют оригинальные исследования по истории Оренбуржья, принадлежащие ныне покойному С. А. Попову, долгие годы возглавлявшему Оренбургский краеведческий музей [349—355], и преподавателю Оренбургского педагогического института В. В. Дорофееву, опубликовавшему с 1979 г. ряд работ на ту же тему [186—190 и др.].

Приведенный выше краткий обзор литературы показывает, что о П. И. Рычкове в настоящее время написано немало. Однако имеется еще не использованный материал для биографии этого замечательного ученого, без которой картина развития русской науки и культуры XVIII в. остается неполной. В ней должны быть учтены автобиографические сведения, имеющиеся в его собственных трудах, в воспоминаниях детей и внуков, а также источники, по которым можно судить о его связях с обществом, с выдающимися деятелями той поры. Появление такой биографии было бы в высшей степени своевременным к 230-летию со дня рождения П. И. Рычкова и 250-летию образования Оренбургского края, одним из первопроходцев которого он был.

Авторы настоящей книги — профессор Оренбургского педагогического института П. Е. Матвиевский и преподаватель из г. Бугульмы кандидат педагогических наук А. В. Ефремов. Каждый из них отдал много сил изучению жизни и творчества П. И. Рычкова.

П. Е. Матвиевский в течение 40 лет изучал историю Оренбуржья и вопросы внешней политики России XVIII в., связанные с Оренбургским краем (русско-казахские отношения, русско-индийская торговля), основываясь на материалах архивов и главным образом Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Познакомившись с множеством ранее не известных документов, либо составленных П. И. Рычковым, либо непосредственно с ним связанных, он смог по первоисточникам воссоздать картину многосторонней деятельности замечательного ученого-оренбуржца. Многие публикации П. Е. Матвиевского прямо или косвенно касаются П. И. Рычкова.

А. В. Ефремов, краевед, ведет активную работу по пропаганде наследия П. И. Рычкова, выступает в печати и по радио с сообщениями об ученом, который провел долгие годы в с. Спасском, недалеко от г. Бугульмы, и много потрудился для изучения природы и развития здесь сельского хозяйства и промышленности. А. В. Ефремов обратился в Академию наук СССР с предложениями об увековечивании памяти П. И. Рычкова и сам сделал немало для охраны памятников, связанных с его именем.

При написании биографии ученого авторы объединили свои усилия. «Введение», разделы «Предпосылки создания Оренбургской экспедиции 1734 г.», «Подготов-

ка к походу» в главе «Купеческий сын»; глава «Службы в Оренбургской экспедиции и комиссии»; разделы «Русско-казахские отношения», «Управление Оренбургской губернией», «П. И. Рычков и организация торговли со странами Азии», «Домашние заботы», «Администратор и политик» в главе «Служба в Оренбургской губернской канцелярии»; разделы «Сотрудничество с Академией наук», «Медаль Е. Д. Рычковой» и «Спасское десятилетие» в главе «Время научной зрелости», главы «В годы крестьянской войны (1773—1775)» и «Труды последних лет» написаны П. Е. Матвиевским. Глава «Вместо послесловия» написана А. В. Ефремовым. Остальные разделы — результат совместной работы авторов¹.

Авторы попытались дать жизнеописание П. И. Рычкова и раскрыть основные этапы его научного творчества на основе доступного сейчас материала. Они не претендуют на полное освещение темы, так как его биография связана со столь многочисленными и разнообразными событиями истории Оренбургского края, что описание их потребовало бы значительно большего объема книги.

Материал, служивший для написания работы, можно разделить на две группы. К первой относятся опубликованные источники. Это в первую очередь труды П. И. Рычкова и автобиографические «Записки» [59], его переписка с учеными — В. Н. Татищевым [96, 334], М. В. Ломоносовым [126, 265], Г. Ф. Миллером [165, 334], И. И. Таубертом [334]. Сюда относятся также материалы и исследования по истории Академии наук и академических экспедиций.

Важным источником являются исследования о выдающихся людях XVIII в., в том числе о И. К. Кирилове [223, 239, 317—319], В. Н. Татищеве [97, 98, 253, 347, 348, 425 и др.], А. Т. Болотове [123, 131], Н. И. Новикове [276, 311], А. Н. Радищеве. Особый интерес представляют мемуары современников Рычкова — Г. С. Винского [145, 146], Д. В. Волкова [153], Д. В. Мертваго [301], И. И. Неплюева [313], И. А. Рейнсдорпа [365], П. С. Рунича [367], которые позволяют наглядно представить обстановку, в которой он жил.

В работе использована литература по истории Российского государства в XVIII в., о политике правитель-

¹ В связи с кончиной П. Е. Матвиевского (1987 г.) рукопись подготовила к печати его дочь Г. П. Матвиевская.— *Ред.*

ства на юго-восточной границе, международной торговле и т. д.

Вторую группу использованных материалов составляют рукописи: труды П. И. Рычкова не исчерпываются известными опубликованными сочинениями. В Государственном архиве Оренбургской области, в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы и Ленинграда нередко встречаются написанные его рукой «Журналы», «Экстракты», «Записки» и разного рода официальные бумаги.

Встречаются также рукописные копии и варианты уже изданных сочинений Рычкова, представляющие большой научный интерес. Так, в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (АЛО ИИ АН СССР) хранится рукописная «Топография; или Описание Оренбургской губернии», датированная 1755 г. (фонд Воронцовых. № 524/85). Такая же рукопись, приобретенная в 1927 г., находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ. Рукописный отдел, № 200).

В ЛО ИИ АН (фонд Воронцовых, № 523/307) и в ГПБ (№ 276/47) хранятся рукописи неопубликованной книги П. И. Рычкова «Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии по то самое время, как она комиссия... целою губерниею учинена», датированная 1744 г. [66]. Рукопись из ГПБ снабжена карандашными и акварельными рисунками, изображающими экспедицию И. К. Кирилова на 11 судах, виды городов — Уфы, Яицка (Уральска), Оренбурга, Самары и др.

В ЛО ИИ АН (фонд Воронцовых, № 521/442) нами был обнаружен считавшийся затерянным «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии» [69], законченный П. И. Рычковым в 1777 г., — одно из лучших его произведений, в котором дано описание природы, населения, хозяйства, культуры, истории колонизации Оренбургского края и отчасти Зауральской казахской степи по данным 50—60 годов XVIII в.

Эти и другие рукописные материалы, которые существенно расширяют имеющиеся данные о жизни и деятельности П. И. Рычкова, использованы при составлении его научной биографии. Он прямой участник всех описанных им событий, из которых, возможно, многие вообще забылись бы, если бы П. И. Рычков не запечатлел их в служебных бумагах, научных трудах, письмах и мемуарах.

Купеческий сын

«Истинное благородство наипаче в честном воспитании и в добродетелях, нежели в породе состоит».

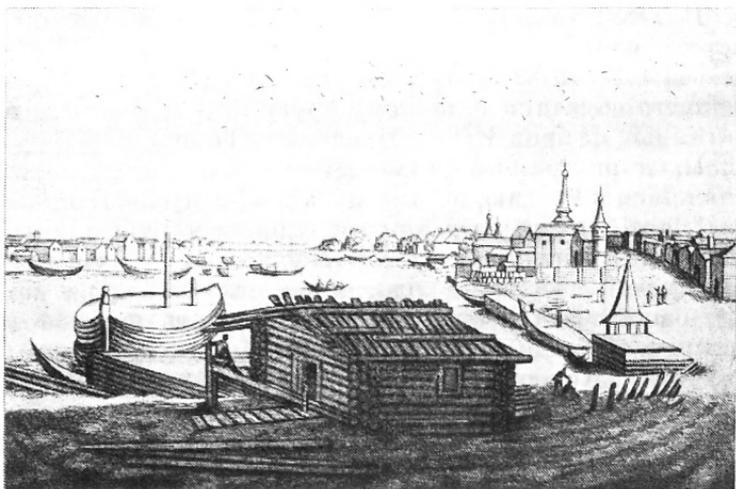
П. И. Рычков

Детство, юность, обучение и первая служба

В науку Петр Иванович Рычков пришел не совсем обычным и далеко не легким путем, напоминающим путь его великого земляка М. В. Ломоносова. Он родился на год позже, в 1712 г., на том же необъятном русском Севере, где, по словам В. Г. Белинского, «подобно северному сиянию» явился из поморов первый русский академик. Родиной будущего первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук была Вологда, куда в смутное время переселились его предки. «Род и прозвание» Рычковых происходили, как рассказывал П. И. Рычков в своих «Записках», от Ферапонта, называвшегося «по народному» Рычак, или Рычко, которого он считал «первейшим и знатнейшим из своих предков» [59. С. 292—293].

Рычковы занимались торговлей — в Вологде и Архангельском порту «купечество производили». Автор «Записок» писал: «Подлинно в предках наших, сколько я сведом, не только бояр и генералов, но и полководцев не было», однако, наставляя детей, заметил: «Вам... предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однако и стыдиться причины нет». Видимо, не раз П. И. Рычкова попрекали незнатностью происхождения, но он был убежден, что «та токмо знатность и древность породы во всех случаях предпочтения достойна, которая с заслугами отечеству, с достоинством и добродетелями соединена» [59. С. 292].

П. И. Рычков вырос в купеческой семье, в которой ценили трудолюбие и усердие в науках. Он был единственным оставшимся в живых из детей Ивана Ивановича Рычкова и его жены Капитолины Ивановны, дочери именитого вологодского купца Свешникова. Вместе с братом Михаилом Иван Рычков торговал хлебом и

**Вологда. С гравюры по рисунку голландского художника
Корнелия де-Брюина, путешествовавшего по России
в 1701–1708 гг.**

иными товарами, отправляя их для вывоза за границу по рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине в Архангельск — в то время большой портовый город, через который шла торговля морским путем с Англией, Голландией и другими странами.

Иван Рычков, по словам сына, «великую склонность имел к коммерции..., да и сведения как о внутренних, так и о внешних торгах был весьма достаточного». Он поддерживал дружеские связи с иноземцами — голландскими купцами, шведскими пленными, сосланными в Вологду, — и это не осталось без влияния на малолетнего Петра. Любознательный, многое схватывавший на лету мальчик в возрасте около восьми лет «читать и писать по-русски умел уже нарочито» и смог быстро овладеть иностранными языками.

В 1720 г. торговые дела Рычковых в результате недуманных действий Михаила пришли в расстройство, братья разорились. И. И. Рычкову пришлось оставить Вологду и перебраться с семьей в Москву в поисках службы. Здесь, несмотря на трудности, он сделал все, чтобы его сын получил образование и стал «отечеству не беспотребен, а и себе не бесполезен» [59. С. 298]. Для этого, по его мнению, было необходимо знать языки, бухгалтерскую науку и «внешнюю коммерцию».

Начальные познания в голландском языке и арифметике мальчик получил, по-видимому, в частной школе [427. С. 20—21], а затем был определен для дальнейшего обучения к давнему другу отца, директору полотняных фабрик Ивану Павловичу Тамесу.

Предприимчивый голландский купец Тамес, переселившийся в Россию, пользовался покровительством Петра I, который видел в нем сотрудника в деле промышленного развития русского государства. Он управлял московской казенной полотняной мануфактурой, которая была создана с целью удовлетворить потребности армии в обмундировании [14]. Это было одно из самых крупных и хорошо оборудованных по тем временам российских текстильных предприятий. Сюда по приказу Петра I присылались молодые люди обучаться бухгалтерскому делу. Социальную и бытовую обстановку, в которую попал Рычков, описал в своих дневниковых записях датчанин Ф. В. Берхгольд [125], посетивший фабрику Тамеса в 1722 г., сопровождая голштинского герцога Карла-Фридриха, будущего зятя Петра I.

Юный Рычков был предельно высокого мнения о своем наставнике. Он подчеркивал, что царскими милостями Тамес пользовался за разум и представленные им проекты мануфактур, которые предполагалось основать в России. По его словам, «Тамес был подлинно муж великого сведения не только в коммерции, но и во многих статских делах» [59. С. 298].

Пройти обучение у Тамеса для купеческого сына Рычкова означало очень много, тем более что учитель относился к нему с большой симпатией. «Он меня как сына любил,— отмечал в «Записках» Рычков,— и в своей конторе не только языкам и бухгалтерству учил, но и при всех своих рассуждениях и представлениях к размножению мануфактур и к пользе российской коммерции употреблял. И хотя я тогда несовершенно еще возраста был, следственно, и понятия ко всему тому достаточного не имел, однако в познании оных дел еще тогда и суше от него нарочитое основание получил» [59. С. 299].

Со смертью Тамеса образование Петра Рычкова закончилось. Материальным невзгодам семьи не было видно конца, и молодой человек должен был искать заработка. Впоследствии, вспоминая юность, он писал: «В таких наших обстоятельствах принужден я был, не только мое ученье, но и родителей моих оставляя, сис-

каты способы к их облегчению и где б себя употребити, что как мне, так и им было не без печали, тем наипаче, что они, покойные, никакого беспутства во мне не видели, но еще и годность нарочитою с немалою и всегдашнею охотою к наукам примечали; а где и как меня пристроить по тогдашнему своему состоянию, способов не находили» [59. С. 299].

В 1730 г. во время поездки с отцом в Петербург П. И. Рычков познакомился с англичанином Вильямом Эльмсенем, который в том же году, получив в аренду казенные стекольные заводы в городе Ямбурге и селе Жабино, стал их главным директором. На заводах работало много мастеровых из иностранцев, не знавших русского языка. Эльмсен был очень рад знакомству с русским юношей, который «немецкий язык не худо умел» и предложил ему место управляющего заводами. Рычков принял предложение Эльмсена и прослужил у него около трех лет. В Ямбурге он женился на Анисье Прокофьевне Гуляевой, дочери управителя дворцовых волостей. Положение семейного человека заставляло серьезно подумать о жизненных перспективах. Кроме того, менялись и обстоятельства на службе: стеклянные заводы, значительно удаленные от Петербурга, переводились на новые места — на южный берег Ладоги и в столицу.

Это поставило Рычкова перед необходимостью искать новое «фундаментальное себе место и действительное на службу определение». В своих «Записках» он рассказывает, как приехал в Петербург и узнал, что в портовую таможню как раз приглашен по контракту иноземный бухгалтер, для того чтобы «содержание книг и счетов по европейской регуле установить» и обучить этому искусству нескольких русских молодых людей. Но, поскольку он вел дела на немецком языке, требовался переводчик. П. И. Рычков предложил свои услуги, явившись к обер-секретарю правительствующего Сената И. К. Кирилову и объяснив, что «бухгалтерству с издетства учился». Из разговора с ним Кирилов понял, что дело он разумеет, и велел подать прошение. Вскоре молодой человек был назначен на должность переводчика и помощника бухгалтера в Санкт-Петербургскую таможню.

Так пересеклись жизненные пути П. И. Рычкова и Ивана Кириловича Кирилова (1689—1737) — замечательного деятеля русской истории, одного из воспитан-

ников и сотрудников Петра I, энергичного поборника промышленного прогресса, просветителя и ученого [318]. Он был автором первого статистико-экономического и географического описания России («Цветущее состояние Российского государства» [239], написанное в 1727 и изданное в 1831 г.), составителем «Атласа Всероссийской империи и Генеральной карты России» [162; 317—319], руководителем топографо-картографических работ, организатором экспедиций в Сибирь [163, 317].

В момент знакомства с Рычковым И. К. Кирилов задумывал новую экспедицию. В 1733 г. он составил и подал в Сенат «записку» о необходимости укрепить безопасность юго-восточных границ Русского государства от набегов кочевников, расширить торговые связи со Средней Азией и Индией, усилить политическое влияние России на страны Востока. В 1734 г. им был представлен проект «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» [182. С. 1—39], в котором содержались предложения по поводу задач, вставших после присоединения казахов Малого жуза к России.

Предпосылки создания Оренбургской экспедиции 1734 г.

Русское государство еще в эпоху Ивана Грозного наружило интерес к изучению своих ближних соседей на Востоке. Из «Книги Большому Чертежу» (XVII в.), написанной на основании непосредственного географического исследования, видно, что Зауральская степь была известна как «кочевье Казацкия орды» [240. С. 322]. Казахи также проявляли внимание к России и еще в XVI в. сделали первую попытку вступления в русское подданство. Такие попытки повторялись затем неоднократно¹, но привели к окончательному результату лишь в первой половине XVIII в.

При Петре I, который «ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики... по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше...»², интерес к областям на юго-востоке от России выразился

¹ По этому вопросу в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ЦГАДА), по описи «Киргиз-кайсацкие дела» (№ 164), значится за XVI в. два дела (1594 и 1595—1599 гг.); за XVII в. такие дела отсутствуют; сношения казахов с Россией в XVIII в. начинаются делом 1716 г. (см. также: [300]).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16, ч. 2. С. 12.

с полной определенностью. Успех промышленного производства и торговой политики России заставляли правительство и купцов обратить пристальное внимание на богатейшие страны Востока, что нашло выражение в экспедициях в Малую Бухару (1714 г.) и Хиву (1716 г.). Особую важность приобретали в этой связи русско-казахские отношения.

В XV в. на руинах Золотой орды образовался ряд независимых феодальных государств. Тогда же появилось и Казахское ханство. Природа степей определяла вначале (как и везде на заре истории) занятия и общественный быт казахов-скотоводов, вечно передвигавшихся по степи, так как «их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума»³. Племена и роды крепко хранили патриархально-родовые пережитки при весьма слабом развитии производительных сил. Однако внешняя меновая торговля с народами Средней Азии, Китаем и Россией и внедрение частной собственности на скот внутри общин явились факторами, которые постепенно разлагали прежние отношения и создавали новые, свойственные кочевому феодализму.

Этот процесс протекал медленно, что объясняется условиями пастушеского образа жизни и постоянной борьбы казахского народа за степь, за этнографическую и экономическую территорию, в окружении по преимуществу таких же пастушеских народов. Тем не менее уже в XVI—XVII вв. окончательно сформировался класс феодалов-собственников, превращавших казахов-скотоводов из лично свободных в зависимых и из зависимых в крепостных.

Так появилась «белая кость» — аристократия, из которой выбирались ханы жузов (орд), султаны — родственники ханов, управлявшие отдельными родами. Появилась «черная кость» — баи, батыры, владельцы крупных стад, бии — судьи и, наконец, ходжи, ишаны, шейхи — феодальное духовенство. Класс зависимого и крепостного населения составляли простые казахи-скотоводы, рабы, рекрутируемые из военнопленных и разорившихся бедняков, теленгуты — полукрепостные из бедноты и пленных, считавшихся собственностью ханов, и пр.

В политическом отношении еще не было основательных признаков существования казахского государства

³ Там же. Т. 9. С. 278.

как такового. Союзы племен и родов не отличались прочностью. Во второй половине XVII в. при хане Хакк-Назаре борьба казахов против врагов привела к их объединению и образованию трех жузов: Старшего (или Большого), Среднего и Младшего (или Малого). Но после убийства Хакк-Назара в 1580 г. наступил длительный период внутренних смут и внешних войн.

Только в конце XVII в. хану Тауке удалось объединить казахов всех трех жузов, но и в этом союзе вскоре обнаружилась политическая слабость. Она проявилась особенно после того, как в соправители хану Тауке, вероятно по причине его старости, были избраны ханы Каип и Абулхаир (1693—1748). Разделение ханской власти привело к новым смутам, которыми не замедлили воспользоваться внешние враги. То были на западе — волжские калмыки, на севере — башкиры, на востоке — джунгары, приводившие в трепет соседей и возбуждавшие опасения даже Китая и России [175, 247].

В момент наступившего отчаяния казахские ханы обратились к русскому царю с просьбой о принятии в подданство [149. Т. 1. С. 135, 248]. Их посланцы в 1716 г. явились к сибирскому губернатору с предложением вечного мира и союза для войны против джунгар⁴. Петр I, занятый Северной войной, подданство отклонил и реальной помощи не оказал. Однако, будучи в Астрахани в 1722 г. по случаю войны с Персией, он однажды пристально посмотрел в сторону казахских степей, сказав при этом: «Всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата» [397. С. 15].

Между тем в 1723 г. для казахов наступило роковое время. Джунгары, видя неудачу в их расчетах на русскую помощь, завоевали столицу казахских ханов Туркестан, города Ташкент и Сайрам разорили и покорили некоторые роды Большого и Среднего жузов. Всенародное бедствие заставило враждовавшие между собой роды двинуться общими силами на врагов, а вождем объединенных сил был избран хан Абулхаир, человек практического ума и большого мужества, типичный выразитель интересов средней феодальной знати [281]. С редким мужеством сражались казахи с джунгарами и, разбив их, заняли свои прежние кочевья.

⁴ ЦГАДА. Оп. 164, кн. 1, № 1.

Однако отсутствие единства привело к тому, что затем жузы разошлись в разные стороны и образовали самостоятельные политические единицы. Средний жуз занял землю от реки Ори до Уя⁵ и признал вассальную зависимость от Китая. Малый жуз, вытеснив волжских калмыков и частично башкир, занял пространство между реками Эмбою и Уралом. Большой жуз вскоре был почти полностью покорен джунгарами.

Угроза порабощения и очевидная невозможность образовать прочное государство без помощи извне вызвали среди феодалов Малого жуза мысль о русском протекторате — по примеру башкир и калмыков, состоявших в подданстве у России. Русскую партию возглавил хан Абулхаир, пользовавшийся огромной популярностью у единоплеменников. Руководствуясь желанием объединить свой народ под одной наследственной ханской властью и помочь ему обрести родину, он в июле 1730 г. отправил в Петербург посланцев с прошением о принятии казахов в российское подданство.

Послы прибыли ко двору императрицы Анны Иоанновны в начале 1731 г. и занялись выяснением характера и условий подданства. Малый жуз, по их заявлениям, готов был, в частности, служить верно и платить ясак, пользоваться «защитением» при нападении неприятелей, не только не чинить препятствий, но содействовать развитию русской караванной торговли со среднеазиатскими странами, «с башкирцами быть в миру» и вообще с подвластными России народами жить «мирно и бессорно» [175. Л. 4—4 об.; 183. С. 7]. Россия же должна была не допускать от своих подданных «обид и разорения» казахам, гарантировать в случае необходимости «защитение» и не вмешиваться во внутренние дела жуза.

Перспектива подданства привлекала русское правительство возможностью без кровопролития присоединить к России население Малого жуза и обеспечить спокойствие на юго-восточных границах государства. Кроме того, с подданством казахов у русских купцов и промышленников появилось много блестящих надежд на торговлю со Средней Азией. Таким образом, с решением и юридическим оформлением этого политического вопроса разрешались многие проблемы внутренней и внешней политики России на юго-востоке.

⁵ Река Уй — левый приток Тобола.

Ответный посольский визит от русского правительства возглавил сотрудник Иностранной коллегии, в прошлом старший переводчик Петра I по секретным делам Кутлу Мухаммед Мамешев, или Алексей Иванович Тевкелев. Это был активнейший участник международных событий петровского и послепетровского времени, замечательная историческая личность, до сих пор не обратившая на себя в науке должного внимания.

Происхождение Тевкелева окончательно не выяснено. Имелись предположения, что он был «выезжим ордынцем» [411. С. 16], «осколком татарских мурз Уфимской губернии» [247. С. 23; 183. С. 8] или, как думал А. С. Пушкин, «природным башкирцем» [310. С. 59].

Дипломатическую деятельность Тевкелев начал в ранней молодости в петровскую эпоху и продолжал ее до глубокой старости в екатерининское время. По велению Петра I в 1716 г. князь А. Бекович-Черкасский избрал мурзу Тевкелева как верного человека для участия в экспедиции в Хиву [149. Т. 3. С. 669]. По дороге был получен приказ «отправить через Персию в Индию знающего тамошние языки человека с поручением собрать все возможные сведения о лежащих на пути его странах, преимущественно о золотых россыпях, а затем возвратиться через Китай и Бухарию» [138. С. 275]. Таким человеком оказался Тевкелев, который отправился в путь, но попал в плен к персидскому наместнику Астрабада и был освобожден усилиями русского посланника при персидском дворе. Узнав о гибели Бековича, Тевкелев вернулся в Россию. В роли дипломата А. И. Тевкелев выступал в персидском походе Петра I и позднее засвидетельствовал его высказывание о «казатцкой орде» как о «ключе и вратам» ко всем азиатским странам [397. С. 15].

Это был, несомненно, образованный для своего времени человек, знавший, по-видимому, в совершенстве не только восточные, но и некоторые европейские языки, отличавшийся, кроме того, «выдающимся красноречьем» [247. С. 24]. Когда в 1733 г. проектировалось открытие Азиатской академии в России, в списке ученых, знатоков восточных языков, значился и «Муртаза Тевкелев». Он участвовал в переговорах с турецкими послами на Немировском конгрессе вместе с И. И. Неплюевым, П. П. Шафировым и А. П. Вольтским, заменив отсутствующего австрийского переводчика [385. Т. 12. С. 1371].

Однако наиболее ярко Тевкелев проявил себя как искусный дипломат и государственный деятель в истории Оренбургского края, Башкирии и Казахстана. Прекрасное знание быта башкирского и казахского народов и понимание классовых интересов знати обеспечило ему беспримерный авторитет. Популярность Тевкелева была столь велика, что казахи «поставляли его за такого умного, который больше человеческого разума имеет» [58. С. 6].

Казахская проблема пробудила интерес у многих. Решение ее пришлось на время, когда в России торжествовала бироновщина. Уцелевшие сподвижники Петра I, в том числе И. К. Кирилов и А. И. Тевкелев, тяготившиеся атмосферой немецкого засилья, постоянного страха, неуверенности, готовы были приложить знания и силы для осуществления петровских идеалов хотя бы и в отдаленных от столицы местах.

Тевкелев возглавил ответное посольство к хану Абулхаиру, которое отправилось в казахскую степь 26 августа 1731 г. с посольскими дарами, с грамотой от русского двора и с задачей — казахский народ «в подданство совершенно утвердить и присягой верности обязать» [300. С. 485].

Феодальная консервативная аристократия Малого жуза встретила посольство крайне враждебно, так что Тевкелеву и русской партии пришлось затратить немало усилий, прежде чем народный съезд, собравшийся в 1732 г., принес присягу на верность России. Однако и после этого разногласия не прекратились.

Только в декабре 1733 г. Абулхаир смог снарядить посольство во главе со своим сыном Эрали, которое двинулось через Уфу и прибыло в Петербург в январе 1734 г. Оно доставило прошение о постройке города за Уралом, на казахской стороне, в целях защиты и извлечения выгод для кочевой знати от меновой торговли в этом городе. В ответ было объявлено, что желание казахов русское правительство «за благо приемлет и обнадеживает милостию, протекцией и защищением» [183. С. 12].

Осуществление правительственных обязательств перед Малым жузом было возложено на И. К. Кирилова и А. И. Тевкелева, а также на специально созданную экспедицию. Указом Анны Иоанновны от 18 мая 1734 г. Кирилов был пожалован в статские советники, а «мурза Тевкелев» — в полковники [373. Т. 108. С. 162].

И. К. Кирилов в своем проекте обосновал строительство в устье реки Орь крепости — военного опорного пункта и центра торговли. Проект был утвержден 1 мая 1734 г., а указом от 7 июня 1734 г. предписывалось городу, «вновь строить назначенному», именоваться Оренбургом. Начальником экспедиции, сначала получившей название «Известной», а позднее Оренбургской, назначался И. К. Кирилов.

Подготовка к походу

Экспедиция, которую возглавил И. К. Кирилов, ставила перед собой самые широкие цели. С одной стороны, она должна была строить укрепления и города, закрепить русское влияние в Башкирии, привести казахов к «подлинной подданнической верности» и установить торговые связи со среднеазиатскими государствами. С другой стороны, ее участникам вменялось в обязанность изучение экономики и быта населения края, истории и географии новых областей, картографические съемки и т. д. [163. С. 70—71; 182. Т. 1. С. 65]. Таким образом, политические цели теснейшим образом переплетались с задачами научного исследования и культурного освоения края.

Поэтому понятно, что в огромную по числу участников (95 человек) экспедицию Кирилов стремился включить людей разных профессий и самой высокой для того времени учености и квалификации. Поиски подходящих специалистов велись и в Петербурге, и в Москве.

Для такого большого предприятия, как запланированная экспедиция, особое значение имела личность человека, который займет должность бухгалтера. Кирилов предложил кандидатуру П. И. Рычкова. В представлении Сенату о личном составе Оренбургской экспедиции, датированном 3 июня 1734 г., он писал: «Бухгалтера ныне достойного еще не приискал, токмо в бухгалтерском деле знающего из русских Петра Рычкова нижайше прошу на первый случай со мной отпустить, который был здесь при портовой таможне у бухгалтерских дел и по-немецки читать умеет» [182. Т. 1. С. 90]. Приглашая молодого, не обладавшего большим опытом человека, Кирилов шел на известный риск. Однако пожалеть о своем выборе ему не пришлось. Рычков приступил к делу летом 1734 г. с присущей ему энергией, ко-

торая была по достоинству оценена руководством экспедиции⁶.

В переписке с Сенатом, отражающей хлопоты по формированию и обеспечению экспедиции, Кирилов указывал, что, кроме офицеров, рядовых солдат и матросов, ему потребны военные инженеры, геодезисты, архитектор, математик-астроном, ботаник, священник, переводчик, канцелярские работники и т. д. Из этой переписки видно, что комплектование экспедиции стоило Кирилову немалых трудов. Он стремился, чтобы «в сию службу могли охотники, а не невольники набраться». Некоторые из намеченных им ученых, работавших в Академии наук, от поездки решительно отказались. К ним относился профессор натуральной истории и физики И. Амман, который, по словам Кирилова, «не столько пужен для истории, сколько для пробы металлов и минералов, в чем он довольно искусство имеет, к тому же и докторское дело отправит» [298. Т. 2. С. 269, 471]. Так же поступил и архитектор К. Ф. Шеслер, приглашенный «для публичных и частных строений». Несмотря на уговоры, они предложения не приняли, заявив, что «оне в ту далекую экспедицию ехать не желают, понеже в их контрактах объявлено, что им быть в службе токмо в Санкт-Петербурхе»⁷. Вместо Аммана был приглашен ботаник и историограф И. Г. Гейнцельман, служивший в походной канцелярии фельдмаршала Миниха. Кирилову были особенно важны его познания «в бергверках или в пробах руд или минералов»⁸. Оказавшись чрезвычайно полезным работником, Гейнцельман провел важные исследования по ботанике и сотрудничал с И. К. Кириловым в изучении географии и истории Башкирии, а также многих районов Средней Азии.

Особое внимание И. К. Кирилов обратил на подготовку к исследованиям по географии и картографии — предмету своих любимых занятий, намереваясь продолжить картографические работы в экспедиции. Поэтому в ее состав была включена группа опытных геодезистов [317]. Кирилов исхлопотал разрешение поддерживать связь как с Академией наук, так и с «обретающимися ныне в губерниях и провинциях геодезистами и посылать их из места в место, где будет нужда оканчивать,

⁶ ЦГАДА. Ф. 248, кн. 750. Л. 377—386.

⁷ Там же. Л. 156.

⁸ Там же. Л. 138.

а особливо астрономические обсервации учинить и по тем обсервациям... зачатый Атлас и Генеральную верную картину оканчивать» [182. Т. 1. С. 81—82].

В «росписи людей» Оренбургской экспедиции значился как «математик и астрономии часть знающий для обсерваций» капитан морской службы англичанин Джон Эльтон. Он привез в Академию «математические своей инвенции инструменты» [182. Т. 1. С. 83] и выразил желание ехать на время в экспедицию. Предполагалось, что он будет определять долготу и широту новых мест и даст описание Аральского моря и рек, которые могут быть судоходными⁹. Однако вместе со всеми он не выехал и присоединился к экспедиции лишь через год, после длительных переговоров о материальном вознаграждении. В письме в Сенат от 16 октября 1734 г. он обвинял в своей задержке Кирилова, не ответившего, согласен ли он на договоренную сумму жалования в 800 р.¹⁰ И. К. Кирилов обращался в Сенат с просьбой ускорить приезд Эльтона, так как для картографических работ требовалось провести астрономические наблюдения, чтобы уточнить координаты географических пунктов. В начале 1736 г. Эльтон наблюдал лунное затмение в Уфе, а позднее участвовал в составлении карт рек Волги и Яика и в строительстве крепостей в Оренбургском крае. Впоследствии он сыграл весьма сомнительную роль в англо-русских отношениях.

Ожидая Эльтона, И. К. Кирилов просил Академию наук передать с ним множество книг и инструментов [298. Т. 2. С. 495]. В составленном им списке значились астрономические и математические инструменты по представлению Эльтона, часы астрономические, инструменты анатомические и хирургические. Кирилов хотел иметь в экспедиции книги астрономические и математические «лучших авторов», книги по натуральной истории, ботанике и химии, исторические книги «О Великой Татарии», о Сибири, Китае, Индии, Персии и др., все издания Академии наук. Для учеников школ, которые предполагалось открыть, он просил прислать «азбук немецких, французских, латинских по 20 экземпляров», сочинения по риторике и истории, а также книги религиозного и поэтического содержания. Из этого списка видно, какая большая научная и просветительская ра-

⁹ ЦГИАЛ. Ф. 1329, кн. 41. Л. 217 об.

¹⁰ Там же. Ф. 248, д. 750. Л. 271—274 об.

бота планировалась участниками Оренбургской экспедиции.

В числе иностранцев, включенных в состав экспедиции, был также англичанин-живописец Джон Кэстль или, как его называли, Яган Кассель. Он был принят на службу по контракту на три года и обязывался «не токмо все то, что живописной работы касается, исполнять, но и всякие преспекты снимать и рисовать, и изобретаемые натуральные всякие вещи» [298. Т. 3. С. 333]. В качестве участника экспедиции Кэстль объездил Башкирию, значительную часть нового Оренбургского края, казахской степи и совершил в 1736 г. путешествие к хану Абулхаиру. Иллюстрированный дневник этого путешествия представляет большой исторический интерес и является, в частности, важным источником по истории и этнографии казахов [285].

В связи с подбором кандидатуры на должность священника экспедиции И. К. Кирилов встретился с юным М. В. Ломоносовым. Дело в том, что «самоохотно желающих ехать» в дальние края среди ученых-священников, предложенных Синодом, не нашлось и с приглашением в экспедицию обратились к ученикам старших классов Славяно-греко-латинской академии в Москве. В числе откликнувшихся был Михайла Ломоносов, которым Кирилов после разговора с ним остался весьма доволен. Но работать вместе им не довелось. Именно в связи с планами этой поездки у Ломоносова начались неприятности: выяснилось, что его отец не священник в Холмогорах, как он указал при поступлении в академию, а крестьянин [117]. Кирилову пришлось подыскивать другую кандидатуру.

Служба в Оренбургской экспедиции и комиссии

Работа под руководством И. К. Кирилова

Кирилов к государственным интересам «имел великое рачение и был человек трудолюбивый и бескорыстный».

П. И. Рычков

Татищев — «славный рачитель Российской истории».

П. И. Рычков

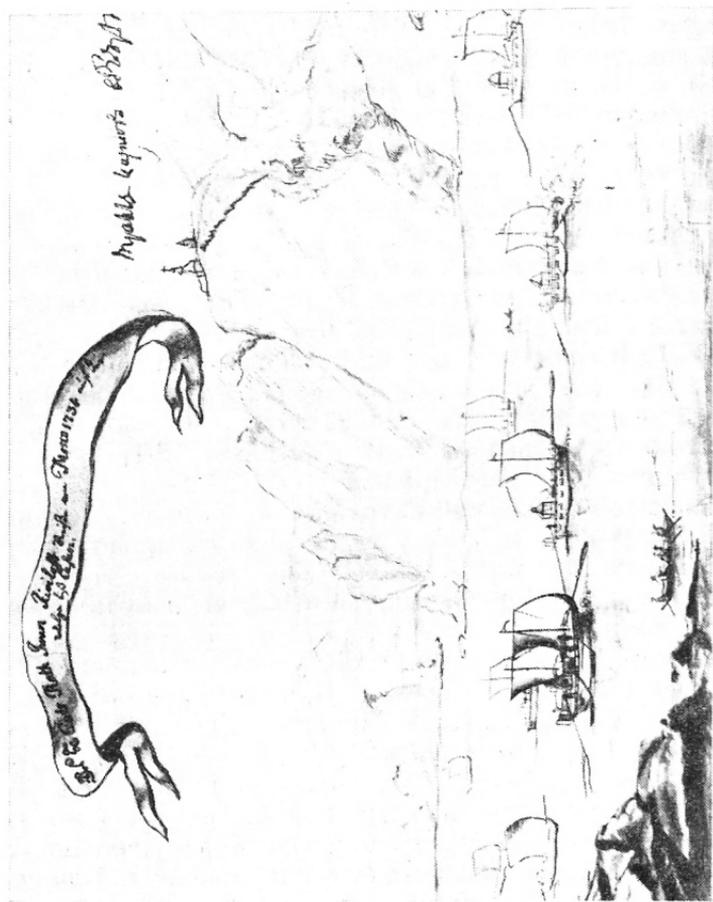
Для двадцатидвухлетнего П. И. Рычкова включение в состав экспедиции явилось решающим моментом, определившим всю его дальнейшую жизнь. Оказавшись в числе первых исследователей Оренбургского края, он навсегда связал себя с ним, отдал все силы его изучению и стал первым его историком.

В экспедиции Рычков вел переписку с Сенатом. Его рукой сделаны бухгалтерские записи, в том числе «Краткий генеральный щет, бывших в 1734 году на учреждение и отправление Оренбургской экспедиции расходов», в котором названа общая сумма расходов 45 103 р. и расходов на военные цели — 12 650 р.¹ Впоследствии в своих «Записках» П. И. Рычков отметил, что с того времени он «употребляем... был всегда... и почти безотлучно к нужнейшим воинским делам» [59. С. 301].

Оренбургская экспедиция отправилась «в земли и народы азиатские» 15 июня 1734 г. вместе с находившимся в Петербурге посольством хана Абулхайра. После двухмесячной задержки в Москве, где было завершено снаряжение экспедиции, она по воде на одиннадцати судах прибыла в начале октября в Казань, а оттуда санным путем 10 ноября добралась до Уфы. Здесь следовало основательно подготовиться к предстоящему походу — собрать все сопровождающие войска, обеспечить подвоз провианта и т. д.

¹ ЦГАДА. Ф. 248, кн. 750. Л. 377—386.

Экспедиция
И. К. Кириллова
на 11 судах по Волге,
1734 г.
Рисунок
Джона Кэстля

Одновременно И. К. Кирилов принимал меры по наведению порядка в управлении краем, в организации почтового сообщения. Он начал налаживать торговые дела, так как был убежден, что новый город будет строиться в дикой степи главным образом «для отворения свободного с товарами пути в Бухару, Водокшан, Балх и Индию». В этой связи из Астрахани в Уфу был приглашен индийский купец Маравги (Маравий) Бараев, от которого Кирилов получил важные сведения об Индии, ее географии, торговых путях и состоянии русско-индийской торговли. Со слов Бараева стало известно, что количество индийских купцов, торговавших с Россией, сократилось с 200 до 80 человек в период, когда «учинилось с Персией несогласие и проезд стал от разбойников трудной»², а при свободном проезде через Бухару их число, вероятно, достигло бы 600. Он сообщил об индийских товарах, которые «хаживали в Россию», и о российских — в Индию. Через Астрахань индийские купцы ввозили камень граненые и неграненые — алмазы, яхонты и лал (рубины), пряности, золотые, серебряные и шелковые материи, бумажную кисею, ситец и т. д. Из России в Индию шли сукна голландские и английские, иглы, юфть легкая, зеркальца, кораллы и всякая «другая дрябзга». Запись этого рассказа была, вероятно всего, сделана П. И. Рычковым [291].

Индийский купец прибыл в Уфу 26 февраля 1735 г. и свыше двух месяцев находился на казенном иждивении³, а вообще в Оренбургском крае он прожил почти целый год. Правительство рекомендовало отправить Бараева через Бухару в Индию, чтобы он побудил соотечественников к развитию торговли с Россией в новом, оренбургском направлении. Кирилов, находившийся в то время в Самаре, через П. И. Рычкова уговаривал — правда, безрезультатно — живописца Джона Кэстля сопровождать Бараева в качестве русского посла [285].

После длительных приготовлений 11 апреля 1735 г. экспедиция под прикрытием вооруженных отрядов двинулась к месту строительства Оренбурга. Однако обстановка в крае складывалась напряженная. Началось «башкирское замешание».

Башкирские старшины-феодалы были крайне недовольны появлением нового города, так как, по словам

² ГАОО. Ф. 1 (канцелярии Оренбургской экспедиции), д. 2 («Указы и премеории гос. военной коллегии»). Л. 66—67 об.

³ Там же. Л. 67 об.

Рычкова, «вся Башкир городом сим и прочими по реке Яйку строить назначенными крепостями будет окружена». Это обещало ограничить их «своевольство» и поэтому они «всеми силами до пролития крови старались строение оного города и прочих крепостей и поселение в них военных регулярных людей воспрепятствовать» [56. С. 63].

Восстания, охватившие в последующие годы башкирские земли и жестоко подавлявшиеся, сильно затрудняли решение задач, которые стояли перед Оренбургской экспедицией. Тем не менее планы были осуществлены. П. И. Рычков, деятельный участник экспедиции, стал ее добросовестным летописцем.

Честный и исполнительный, он постепенно завоевал полное доверие начальников — «как Кирилова, так и бывших после него генералитетов». В своих «Записках» Рычков вспоминал: «Они... по тогдашним башкирским беспокойствам о том, как бы счетные книги по регуле бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я в таких строгих случаях к управлению канцелярских дел других был способнее, все канцелярское правление на меня положили» [59. С. 301].

Он участвовал во всех переговорах о торговых и политических делах с посланцами среднеазиатских государств, во всех «конференциях» оренбургских правителей с казахскими ханами и султанами. Протоколы, или «журнальные записи», этих свиданий, хранящиеся в архивах, оформлены Рычковым с такой стенографической точностью и так содержательны, что читаются словно художественные произведения. Составленные им различные проекты, «донесения», «представления» и «экстракты» представляют собой правдивые исторические источники.

В написанной на основе всех этих материалов «Истории Оренбургской» Рычков сообщал, что 12 августа 1735 г. «при Яйке реке и устье Орском», т. е. в намеченном месте, Оренбург «о девяти бастионах по ситуации места регулярно, при выстреле трижды из тридцати одной пушки, камнем был заложен» [58. С. 17]. Однако изменившиеся обстоятельства заставили экспедицию покинуть новую крепость и временно перебазироваться в Самару. В крепости были оставлены небольшой гарнизон войск, строители и — на положении аманата (заложника) — султан Эрали, сын хана Абулхаира с несколькими казахскими старшинами при нем. Как пи-

сал впоследствии П. И. Рычков, детей ханов, султанов и старшин содержали аманатами «под именем службы, а в самом деле в залог верности»⁴. Это, по его словам, «главное и к содержанию степных народов нужное постановление» предполагало, что с ними будут «иметь ласковое обхождение», «российской грамоте обучать» и стараться, чтобы они «перенимали здешние городские поведени»⁵.

Остальных членов посольства Абулхаира с подарками от императрицы И. К. Кирилов отправил к хану, а войска — «смирять и искоренять» восставшую против утверждавшегося в крае владычества России башкирскую знать, которая успела вовлечь в бессмысленную борьбу и народные низы. Карательную экспедицию возглавил А. Н. Тевкелев.

Позднее П. И. Рычков писал, что в то время как Кирилов поехал за «новейшими инструкциями» в Петербург, «полковник Тевкелев отправлен от него... в сибирские стороны с таковою инструкциею, чтоб сибирской дороги башкирцам, кои на обоз провиантский нападение учинили, должное отмщение учинить, и тамошних башкирцев успокоить, и отправить бы из слобод сибирских другой провиантский обоз» [58. С. 17]. В дальнейшем Тевкелев, активно участвуя в подавлении волнений, вернул из казахской степи башкир, бежавших туда во время восстания Батырши, и за жестокость применявшихся методов был прозван «дьяволом» [385, кн. 14, С. 972].

Несмотря на трудности, связанные с военными действиями, Кирилов начал работу по изучению природных богатств Оренбургского края. Были предприняты первые ботанические и геологические исследования, организованы разведка и испытания полезных ископаемых, проведены топографическая съемка и картографирование новых земель. П. И. Рычков подробно описал события, связанные с этой стороной деятельности участников экспедиции и И. К. Кирилова, с которым он близко сотрудничал.

В своих донесениях правительству Кирилов обращал внимание на то, что среднеазиатские провинции изобилуют золотом, драгоценными камнями (лалом, ляпис-

⁴ АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 438/247 («Описание о кыргыз-кайсацком народе»). Л. 15 об.

⁵ Там же.

лазурью), упоминал самородные квасцы, серу и селитру у Аральского моря, свинцовые горы с серебром у Сырдарьи, илецкую соль, прекрасную слюду, медные и другие руды Башкирии. Он заверял, что при дешевизне пути по Аральскому морю можно вывозить из Казахстана в Россию, например, свинца по несколько сот тысяч пудов [182. Т. 1. С. 8, 18, 42—44], и указывал, что хан Абулхайр, принимая подданство, обязывался доставлять сведения о местах нахождения в степи металлов — главным образом золота — и минералов [247. С. 35; 182. Т. 1. С. 69—70].

В то время, когда одни участники экспедиции строили крепость, другие, по словам Кирилова, разведывали «здесь горные полезные металлы и минеральные признаки». В донесении Сенату от 15 сентября 1735 г., в котором сообщалось о закладке города, он писал, что при испытании опытных руд «на малых пробах свинец и серебро показались». Он с досадой констатировал, что «больших плавилен сделать и большими плавками пробовать ныне еще некому» и что «губерлинские все места за малолюдством горных людей и к работе солдат оставил без ширфования»⁶.

Оставляя новую крепость и перебазирываясь в Самару, Кирилов очень спешил. В Сенат и Академию наук были отправлены с инженер-капитаном Ратиславским наскоро подготовленные ботанические и минералогические коллекции, а также «сверх прежде посланных» новые камни, содержащие свинцовые, серебряные, медные руды для надежного исследования⁷. Однако, не надеясь на скорый лабораторный анализ их в Петербурге, Кирилов послал такие же образцы «для поверения в пробах» в Екатеринбург. Здесь на казенных горных заводах, полагал он, простые люди скорее, чем ученые Академии, смогут эти руды «через две и три руки уверить», т. е. испытать.

7 сентября 1735 г. экспедиция с солдатами Вологодского драгунского полка отправилась к Сакмарскому городку. Основанный в 1720 г. выходцами из разных местностей России, он был после Яицкого городка (ныне г. Уральск) старейшим в Оренбуржье и теперь превратился в опорный пункт первоначальных действий правителей края. Полторы тысячи людей двигались

⁶ ЦГАДА. Ф. 248, кн. 134. Л. 5—6.

⁷ Там же. Л. 6.

через Губерлинские горы и степную целину. Здесь участники экспедиции, как писал Кирилов в новом донесении, «серебряную руду с арсеником осмотрели»⁸. 18 сентября экспедиция прибыла в Сакмарский городок. Он стоял на «весьма привольном и изрядном месте» на р. Сакмаре, имел «защиту, палисадом обнесенную», и около 300 казачьих домов.

Внимательно осматривали участники экспедиции окрестности Сакмарского городка. Здесь пробыли пять дней и сделали важное открытие. 23 сентября Кирилов восторженно писал в Сенат: «А Сакмарский городок весь на медной руде стоит и 22 дня в том городке шахту заложил»⁹.

Разведку полезных ископаемых И. К. Кирилов организовал и в других местах. Так, обнаружив медные руды в Башкирии под Табынском, он, по словам П. И. Рычкова, заложил «земляной город» и «при том же и медный завод строить определил, назнача, чтоб на оном девять плавильных печей построить»; в посланном в Петербург донесении он «обнадежил, что в каждый год имеет выплавлено быть от десяти до тридцати тысяч пудов чистой меди» [58. С. 25].

Экспедиция провела в Оренбургском крае и важные картографические работы. Геодезисты, сопровождавшие И. К. Кирилова, произвели измерения и составляли ландкарты [317. С. 121—123]. В 1735 г. Кирилов представил в Петербург первую карту Башкирии. Таким образом, впервые были обнародованы обстоятельные данные о географии и природных богатствах Оренбургского края.

С успехом велись научные исследования и в других направлениях. Так, ботаник И. Г. Гейнцельман в январе 1735 г. прислал в Академию наук каталог найденных им в крае растений и составил гербарий. Через год Кирилов сообщал о посланных камнях, сысканных Гейнцельманом, и нескольких сотнях трав и корней [373. Т. 114. С. 10].

Усилия руководителя экспедиции и ее участников получили высокую оценку ученых. Президент Академии наук И. А. Корф писал 18 июня 1735 г. Кирилову, что из всех его стараний можно видеть «к своему отечеству, и к знаниям, и к наукам праведную любовь»,

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 14 об

и выражал надежду на открытия, «от которых не токмо государство великую пользу, но и ученый свет многие любопытные изъяснения получит» [298, т. 2. С. 738].

П. И. Рычков, участвуя во всех предприятиях экспедиции, старательно учился у И. К. Кирилова, перенимал его опыт и знания. Он ясно понимал значение деятельности этого замечательного человека, ставшего его учителем. Впоследствии он писал, что Кирилов, «хотя незнатной породы был, но прилежными трудами своими и острым понятием в канцелярии правительствующего Сената, из самых нижних чинов исходя, еще при жизни высокочтимой памяти государя императора Петра Великого в чин сенатского секретаря произведен». По его словам, еще в петровское время Кирилов выделился «натуральною охотою к ландкартам и географическим описаниям», «первый взял на себя труд всероссийские ландкарты собирать и через обретающихся при сенате геодезистов атлас Российской империи и генеральную российскую ландкарту сочинять». Рычков высоко оценивал научные заслуги Кирилова, который «сциенции схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особенно математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея при этом никакого своего труда» [58. С. 28].

Пример Кирилова как «рачителя и любителя наук» был особенно важен для Рычкова, потому что он, как и его наставник, не получил основательного образования, но всей душой стремился к знаниям. Успех Кирилова, ставшего всеми признанным ученым, несомненно, вдохновлял молодого Рычкова. Под воздействием Кирилова сформировались и научные интересы Рычкова, и сам стиль исследований, позднее отразившийся в его печатных работах.

Кирилов, которого академик Г. Ф. Миллер называл «любителем и знатоком географии своего отечества» [298. Т. 6. С. 113], привил Рычкову интерес к географическому исследованию Оренбургского края. Молодой человек внимательно наблюдал окружающую природу и в дневниковых записях, которые начал вести в то время, давал точное описание явлений, привлекших его внимание. Впоследствии эти записи нашли свое место в его трудах.

И. К. Кирилов пробудил у своего ученика интерес к русской истории, которой сам усиленно занимался.

При написании «Цветущего состояния Всероссийского государства» он собрал огромный документальный материал и задумал составить на его основе «Экстракт к пользе российской истории древней». Однако ему не удалось «за многодежеством» осуществить свой замысел до отъезда в Оренбургскую экспедицию. Поэтому он испросил разрешения взять с собой из сенатского архива необходимые для завершения работы рукописные книги. В экспедиции Кирилов продолжал трудиться над этим сочинением и без устали собирал новые документы.

П. И. Рычков, ведавший перепиской экспедиции и копировавший казенные бумаги, несомненно, имел возможность внимательно ознакомиться с историческими книгами и древними летописями, находившимися в распоряжении И. К. Кирилова. В дневниковых записях он фиксировал события, свидетелем которых был сам. Позднее на основе этих записей он написал «Историю Оренбургскую» и «Топографию Оренбургской губернии». Исторические исследования у Рычкова, как и у Кирилова, всегда находились в тесной связи с географическими и картографическими.

Плодотворное сотрудничество П. И. Рычкова с И. К. Кириловым было прервано смертью последнего 14 апреля 1737 г. в Самаре. Этому печальному событию посвящен раздел «Истории Оренбургской», в котором автор дал яркую характеристику начальника экспедиции. Она кончается словами: «Он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственный паче своего» [58. С. 28]. После себя И. К. Кирилов оставил лишь долги и, чтобы расплатиться с ними, его вдова была вынуждена просить Академию наук о покупке рукописей и карт мужа.

Сотрудничество с В. Н. Татищевым

После смерти И. К. Кирилова начальником Оренбургской экспедиции, переименованной в постоянно действующую Оренбургскую комиссию с центром в Самаре, был назначен Василий Никитич Татищев (1686—1750). Участник Полтавской битвы и Северной войны, дипломат, артиллерист, военный инженер, крупнейший русский историк и географ, он был одним из образованней-

ших людей своего времени, выпедших из «ученой дружины» Петра I. В. Н. Татищев имел к тому времени богатый жизненный опыт, в том числе опыт освоения природных богатств Урала, строительства горных заводов. Типичный представитель петровской эпохи, он ненавидел бироновщину. Направление его в 1734 г. начальником Екатеринбургских горных заводов, а затем в Оренбургскую комиссию носило характер политической ссылки.

В. Н. Татищев

Указом от 10 мая 1737 г. В. Н. Татищеву предписывалось «тщательнейшее попечение прилагать, дабы в тех делах и что от Ивана Кирилова предложено и зачато было, как в башкирских и оренбургских делах, и во всяких тамошних строениях, и в поселениях, и в приумножении рудокопных тел, также и во всем прочем... никакого упущения не происходило». Преемник И. К. Кирилова хорошо понимал, что повышенный интерес к отдаленному Оренбургскому краю и Зауральской степи, определявшийся прежде всего внешней политикой России и международными отношениями на Востоке, вполне оправдан. Поэтому он с усердием продолжил начатую предшественником работу по политическому закреплению в этих местах и культурно-экономическому освоению неизведанного края.

Начав работать в Оренбургской комиссии, В. Н. Татищев не мог не заметить и не оценить П. И. Рычкова, который исполнял должность бухгалтера, ведал управлением, хозяйственными делами, вникал в житейские дела окружавших его людей. При этом он был жадеи к знаниям и в свободное от службы время читал книги, собирал сведения по истории и географии края, изучал местные языки. Он прочно обосновался в Оренбургском крае с женой, детьми и родителями. При Кирилове на

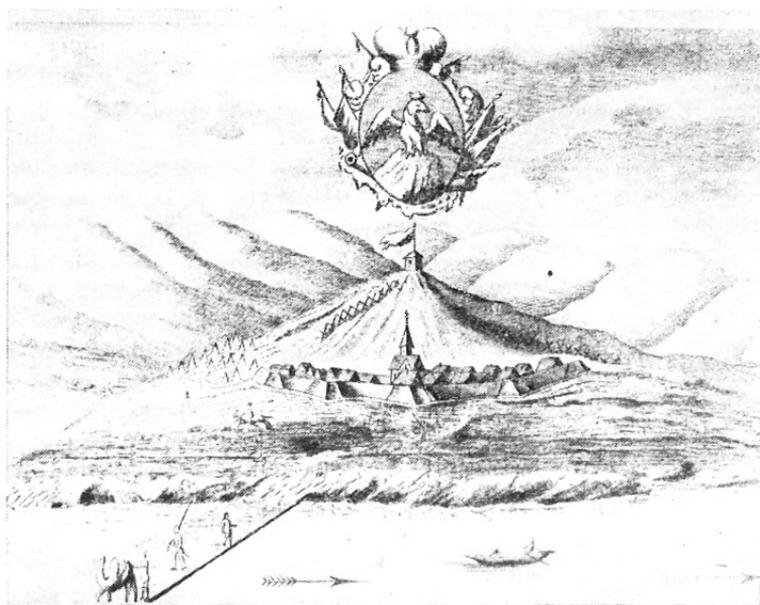
службу в экспедицию был принят его отец, И. Рычков, который приехал в Самару и приступил к работе уже при Татищеве. В 1738 г., находясь по служебным делам в Оренбургской крепости, Иван Рычков умер. В том же году и месяце в Самаре скончалась и мать П. И. Рычкова.

За два года (1737—1739) пребывания Татищева в должности начальника Оренбургской комиссии между ним и П. И. Рычковым установились отношения доброжелательного учителя и благодарного ученика. Как и Кирилов, он увидел в Рычкове не только трудолюбивого и честного чиновника, но и одаренного молодого человека. Татищев всячески поддерживал его стремление сделаться ученым, наставлял его в истории и географии, читал его первые литературные опыты. Рычков, со своей стороны, не только глубоко уважал начальника за ученость, прямоту, простоту, но и по-настоящему любил его. Вместе они осуществляли политику русского правительства в Оренбургском крае.

Их деятельность тесно связана с судьбой города Оренбурга, которому не суждено было остаться на месте, определенном для него в 1734 г. Вступив в должность начальника Оренбургской комиссии, Татищев начал знакомиться с делами и обнаружил, как сказано в его «доношении» Сенату от 21 августа 1737 г., «многие сумнительства»¹⁰. Он увидел, что «главный город Оренбург токмо заложен, а ничем еще не основан, и заведен в такой отдаленности и на пустом месте, что все нужное к жительству получать туда принуждено с великим трудом и дороговизною». Поэтому местом расположения комиссии временно была оставлена Самара, а в столицу послано донесение, что «Оренбург от Кирилова застроен на не удобном месте» и что его следует «на другое лучшее и ближайшее перенести». Татищев слышал, что на урочище Красной горы есть «место изрядное и под построение толь великого города удобное». Получив указ самому «оное Красногорское место первее осмотреть и представить», он прибыл туда 2 июня 1738 г. в сопровождении А. И. Тевкелева [58. С. 31].

Для построения Оренбурга предлагались два места, выбранные капитаном Эльтоном и инженер-майором Ратиславским. «Но понеже,— сообщал П. И. Рычков,— первое стало под великою горою и к поселению тесно, а другое по косогору и на высокой горе» [58. С. 35], Та-

¹⁰ ЦГАДА. Ф. 248, кн. 134. Л. 665.

Орская крепость. Рисунок Дж. Кэстля

Татищев выбрал третье, на ровном месте, которое все признали лучшим. Для снятия плана он оставил там Ратиславского, а в Петербург отправил «доношение об осматривании им, идучи к Оренбургу, удобных мест, где главному городу быть» [373. Т. 126. Л. 219].

Указ о строительстве на новом месте был издан уже после отзыва Татищева в Петербург, 9 августа 1739 г. В нем предписывалось «оный при Кирилове застроенный город именовать Орскою крепостью¹¹, а настоящий Оренбург строить по Яику реке ниже того места сто восемьдесят четьре версты, при урочище, называемом Красная Гора» [56. С. 4]. Но и это местоположение Оренбурга, как впоследствии оказалось, было временным.

Татищев провел большую работу по укреплению уже созданных и строительству новых крепостей в осваивавшемся крае. Оренбургская (Орская) крепость, которую, как он доносил, по прибытии своем «нашел в ужасном состоянии», при нем была «на несколько сажен прибав-

¹¹ В настоящее время г. Орск.

лена и регулярною земляною работою уфортифицирована» [58. С. 40—41]. Она становилась важным центром торговли со Средней Азией. Местом товарного общения был меновой двор, построенный в 1738 г. за городской чертой. Отсюда в августе того же года Татищев отправил в Среднюю Азию первый торговый караван под началом поручика Миллера с товарами на 20 тыс. р. В это же время, отмечал Рычков, была «Оренбургская ярмарка у российских купцов с ташкентцами, хивинцами и киргизкайсецкими народами установлена, и с торговавших на той ярмарке купцов оренбургской градской части и акцизу с питейной продажи в казну впервые получено». Именно сюда, «к управлению всего того купечества» был определен для сочинения купеческого устава и тарифа «купчина Иван Рычков», по словам его сына, «в купеческих делах довольное искусство имевший» [58. С. 40].

П. И. Рычков сообщал и об обстоятельствах окончательного принятия казахами русского подданства, которое состоялось при Татищеве.

В первые дни своего правления В. Н. Татищев обнаружил колебания Абулхаира, вмешавшегося в дела Башкирии под видом подавления волнений. В ответ на донесение об этом из Петербурга последовало указание о пресечении беспорядков, после чего Татищев пригласил Абулхаира в Оренбург (Орск) вместе с феодалами Малого, Среднего и Большого жузов, чтобы они подтвердили «присягу на верность».

Встреча произошла летом 1738 г.

После заявления хана о готовности «верность присягою утвердить» совершена была церемония присяги. Абулхаир в своей речи говорил: «Себя же со всею моею фамилиею и с моими ордами... яко под крыло орла великого, подвергаю и вечно в верности и покорности пребываю и пребуду» [58. С. 37]. Татищев заверял хана, что Россия берет под свое покровительство казахов, «яко верных поданных», и что правительство будет твердо соблюдать договорные условия.

На следующий день приняли присягу ханский сын Эрали и 56 старшин Малого, Среднего и Большого жузов, а также прибывший со своей свитой в 100 человек старший сын Абулхаира султан Нурали.

Целый месяц прожил Абулхаир у Оренбурга и много раз виделся с Татищевым. Сложившиеся в это время

дружеские отношения они сохранили и позднее, в не легкое для обоих время.

Торжественную присягу 3—4 августа 1738 г. следует считать временем окончательного вступления казахов в русское подданство.

Характер подданства казахов в этот период напоминал скорее союзные отношения, чем вассальные. Так понимал эти отношения прежде всего Абулхаир, мечтавший при помощи России не только упрочить свою власть, но и подчинить каракалпаков, Хиву и Бухару или, по край-

ней мере, укрепить границы Казахстана возведением крепостей и городов. В ответ на просьбу хана о построении города в устье Сырдарьи для рекогносцировки была отправлена экспедиция поручика Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина [410]. Результатом похода явилась карта исследуемой местности.

Однако надежды Абулхаира были преждевременны. В 1740—1741 гг., когда он настойчиво просил военной помощи, новая императрица Елизавета Петровна в грамоте хану, отклоняя все его просьбы, писала, что в свое время все будет исполнено, а ныне «надобно тебе пообождать, ибо все то вдруг делать невозможно»¹².

Во время пребывания в Оренбургской комиссии В. Н. Татищев продолжал занятия наукой и сделал большие успехи в географии и истории. Общение с ним решающим образом сказалось на научной судьбе П. И. Рычкова. Под влиянием Татищева окончательно сформировались его историко-географические и философские воззрения, от него заимствовал он свой рационализм и утилитаризм.

В. Н. Татищев придавал важнейшее значение географическому описанию и картографированию новых

Хан Абулхаир.
Рисунок Дж. Кэзля

¹² ГАОО. Ф. 2 (канцелярии Оренбургской комиссии), д. 10. Л. 33—35.

земель. В этих делах у него был немалый опыт. Еще в 1719 г. по указанию Петра I и наставлениям президента Берг-коллегии Я. В. Брюса, под наблюдением которого с 1705 г. находилось печатание карт, он был определен «к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной географии с ландкартами». Но вскоре В. Н. Татищев убедился, что знание географии невозможно без знания истории и что, по его словам, «гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут» [393. С. 77]. Поэтому он навсегда посвятил себя обоим этим наукам. Труды В. Н. Татищева по географии сыграли большую роль в развитии географической мысли в России, а его исторические сочинения дают основания называть ученого отцом русской истории [341. С. 162].

Указом от 23 мая 1737 г. В. Н. Татищеву поручалось составление «ландкарт всей Российской империи» и завершение всего, что начал в этом направлении И. К. Кирилов. В письмах и записках Татищева о постановке географического изучения России и улучшении практики геодезических работ проявляется новое понимание возросших задач. Решать их он начал с критики деятельности И. К. Кирилова, с которым у него и раньше были разногласия. Татищев забраковал кириловские ландкарты, действительно несовершенные, указав, что они полны «великих и непростительных погрешностей» и «так худы, что в употребление не годятся» [162. С. 135]. В этом он был не совсем справедлив и, столкнувшись с трудностями в практической работе, также не смог устранить многие из отмеченных им недостатков [317. С. 129].

В. Н. Татищев считал, что география, имеющая столь важное значение для целого народа, для государства и правящего дворянства, должна быть как наукой, так и предметом обучения «от младенчества в школе». А между тем, отмечал он в 1739 г., «Российского государства доднесь никакой географии не сочинено» и в школах учатся «по сочинениям от иностранцев», которые «частию неполны, частию неправдами и поношениями наполнены, и для этого их переводить или в школах употреблять более вреда, нежели пользы» [162. С. 134]. Поэтому он ревностно трудился над составлением географии Сибири, а затем над сочинением по географии всего государства [393]. Во время работы в Оренбургской ко-

миссии он получил от Академии наук задание продолжить составление генеральной карты России, начатое Кириловым.

В «Географическом описании Российской империи», сохранившемся в рукописи и изданном лишь в наше время [393], В. Н. Татищев рассказывал, как необычайно велики природные богатства России и высока производительность ее сельского хозяйства, какими целительными источниками, соляными копиями, рудными, золотыми и серебряными приисками, месторождениями минералов она владеет, каковы хозяйственные особенности городов, краев и областей. Это позволило ему сформулировать идею об экономической независимости России: «Можно доподлинно сказать, что она до других государств нужды никакой не имеет, хотя, напротив того, многие чужестранные народы без России пребыть не могут» и что она «наибольшему и пространнейшему государству в первенстве спорить может» [393. С. 251].

Большинство географических и исторических сочинений В. Н. Татищева написано или начато на Урале и в Оренбургском крае. Рукописное «Географическое описание Российской империи» и «Лексикон Российской исторической, географической и гражданской» [395] изобилуют сведениями об экономическом, политическом и культурном состоянии этих областей. Здесь он организовал работу по изучению и разработке полезных ископаемых, по географическому описанию и картографированию осваиваемых земель и принимал в ней непосредственное участие. Он составлял проекты исследований, наказы и инструкции для практиков, в том числе для геодезистов. В 1737 г. он «нарочно посылал» капитана Эльтона на Волгу с заданием «подлинное положение снять» и полученный в результате «чертеж Волги» передал впоследствии в Академию наук» [96. С. 289]. На основании личных наблюдений Татищев дал первое научное описание природы Урала, сам изучал карстовые пещеры [211], участвовал в поисках и разработках рудных месторождений.

Для П. И. Рычкова, уже имевшего опыт работы с И. К. Кириловым, общение с В. Н. Татищевым и участие в его региональных исследованиях было замечательной школой. С этих пор серьезное и последовательное географическое описание Оренбургского края он стал считать важнейшим делом своей жизни.

Благодаря сотрудничеству с В. Н. Татищевым укрепился также интерес П. И. Рычкова к истории. В занятиях этим предметом он получил в лице своего начальника самого компетентного и надежного руководителя.

Во время пребывания в Оренбургской комиссии Татищев продолжал работать над «Историей Российской». В 1738 г. в Самаре он организовал перевод на русский язык «Записок об истории и географии Российской империи Петра Великого», опубликованных в Стокгольме бывшим офицером шведской армии Ф. И. Страленбергом (1676—1747), который попал в русский плен после Полтавской битвы и провел 13 лет в Сибири. Татищев, лично знакомый с автором, обнаружил в книге ряд погрешностей и исправил их в специальных «Примечаниях» [394. Т. 7. С. 397—400]; впоследствии он представил перевод в Академию наук [389].

П. И. Рычков включился в работу над книгой Страленберга и с этих пор увлеченно собирал материал по российской истории. Большой интерес он проявил к русским летописям. Вслед за Татищевым — одним из первых историков, оценивших важность их выявления и публикации, — он рассматривал летописи как необходимую документальную основу исторического труда. Почерпнутые у Татищева знания, его опыт научного исследования помогли Рычкову в дальнейшем стать серьезным историком, внесшим значительный вклад в развитие русской историографии в пору ее зарождения.

П. И. Рычков принимал активное участие и в просветительской деятельности В. Н. Татищева, разделив с ним заботы по устройству калмыцко-татарской школы и созданию русско-татарско-калмыцкого словаря. Оба они придавали большое значение собиранию исторических сочинений на восточных языках и переводу их на русский. К этой работе привлекались переводчики, среди которых, например, ахун Махмуд Абдурахманов владел персидским и турецким, а другие — и арабским языком. Впоследствии Рычков писал, имея в виду Татищева: «Я по воле одного моего милостивого благодетеля и по моей особенной склонности к истории с недавно отправленными из Оренбурга до Бухары и далее купцами заказал, чтоб, не жалея денег, о тамошних народах исторические книги, хотя б они и на арабском языке были, доставить; как в заведенной при Оренбурге школе с арабского на татарский, а с татарского на русский перевести не невозможно» [334. С. 30].

Установившееся ученое содружество не прерывалось до смерти В. Н. Татищева. Когда по указу от 12 января 1739 г. он был отозван в Петербург, между ним и Рычковым завязалась переписка, дружеская и научная. Она продолжалась во время службы Татищева в Астрахани (1741—1745 гг.) и особенно в последний период его жизни, проведенный им в имении Болдино (1746—1750 гг.). Рычков принадлежал к тем корреспондентам, о которых Татищев писал, что самое для него приятное «иметь переписку с людьми учеными и любопытными, их мнения и рассуждения читать, а в недостатке... знания их спрашивать, через что и общая польза рождается» [96. С. 296]. В письмах обсуждались самые разные научные проблемы и прежде всего вопросы, касающиеся истории, языка и культуры народов юго-восточной окраины России и сопредельных с нею стран.

Из сохранившихся писем [96; 334. С. 9—29] видно, как высоко ценил В. Н. Татищев успехи своего ученика. Одобрив его «тщание к истории», он не только постоянно помогал ему своими советами, но и сам пользовался его помощью, так как считал Рычкова источником достоверных исторических сведений. Одному из своих корреспондентов Татищев писал: «К изъяснению истории и географии тщательный господин асессор Рычков многое мне угождение приносит его сыскание в тех странах, о которых мы до днесь худое знание имеем, но надеюсь, что через него многое еще правильнейшее изъяснение получим».

Татищев внимательно читал сочинения Рычкова, подвергая их доброжелательной критике и отмечая то, «что изъяснить и дополнить надобно» [96. С. 290]. Им были одобрены «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии» [66] — первая работа Рычкова на эту тему, написанная в 1744 г. В 1747 г. Татищев нашел нужным, сделав необходимые разъяснения, отправить ее в Академию наук [334. С. 28]. Вниманию академиков он рекомендовал и законченное Рычковым в 1749 г. «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются» [68]. На рукописи этого сочинения, хранящейся сейчас в ЛО ААН СССР, имеется надпись: «Получена от Татищева в Канцелярию Академии Наук 1750 года сентября 3 дня» [393. С. 234].

В декабре 1749 г. Татищев писал Рычкову:
«Государь мой Петр Иванович.

В начале поздравляю вас наступающим праздником. Ваше присланное описание народов многое мне удовольствию принесло, ибо в нем много того, чего доднесь или не знали или весьма смутно разумели. Однакож как оное есть первсе сочинение, так много требует дальшего и внятнейшего уведомления. Для того я что упомянул, записав кратко, вам посылаю, либо способ дастся что-либо дополнить или изъяснить. И если что приобретете, то прошу мне сообщить. Вам же сие годится к сочинению Оренбургского описания, которое, как я вам прежде писал, требует многой дополнки [393. С. 234].

Свои замечания к «Краткому известию о татарах» Татищев высказал в приложенной к письму заметке, которую озаглавил «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно» [393. С. 229—233]. Его указаниями Рычков воспользовался в дальнейшей работе.

В этом же письме Татищев сообщал и о судьбе сочинения «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии», о котором «рассуждал, чтобы оное напечатать», с посетившим его недавно советником Академии наук Г. Н. Тепловым, но узнал, что «оное описание он видел у президента и, усмотря, что много недостает, а другое в избыток пространно, для того уничтожил» [393. С. 234]. «И для того советую вам,— продолжал Татищев,— оную негде переделать, а многое старое остается, к чему и дополнить многое можете. По котором я о напечатании и награждении вашего труда всеконечно надеюсь вам услужить».

Здесь же Татищев высказывал замечания о карте Оренбургской губернии, которую Рычков прислал ему в сентябре 1749 г. Считая, что эта карта «преизрядно сочинена, не взирая на малые недостатки и погрешности», он делал дополнения и давал советы, с учетом которых «нам легче карты поправлять и обстоятельную географию сочинить» [393. С. 235].

Татищев делился с учеником опытом, подробно разъяснял технические приемы, которые помогали ему в научной работе. «При описании никто,— указывал он,— лучше реестра не сочинит, как сам автор; хотя неколико, видится, трудно, но зная то искусство или способ, нетрудно. Для того я вам образец приложил».

Радуясь успехам ученика, Татищев считал, что Академия наук должна признать его научные заслуги. Начиная с 1741 г. он в письмах к советнику академи-

ческой канцелярии всесильному И. Д. Шумахеру рекомендовал обратить внимание на труды Рычкова, просил наградить автора серебряной медалью поддержания усердия в науках [334. С. 27], а затем стал ходатайствовать о присуждении ему академического звания. Незадолго до кончины, 30 мая 1750 г. Татищев напоминал, что «прежде... неоднократно писал о господине Рычкове, чтоб учинить его почтенным членом», но, не встретив, как и раньше, поддержки, сокрушенно заметил в письме от 30 июня: «Токмо не знаю, чем его труд наградится» [96. С. 295, 297].

Освоение Оренбургского края

Деятельность В. Н. Татищева в Оренбургском крае «была внезапно прервана,— писал биограф,— рукою всесильного тогда Бирона» [347. С. 159]. В изложении П. И. Рычкова требование явиться в Петербург выглядело несколько иначе: «В первых числах января 1739 года тайный советник Татищев получил всемилостивейшее позволение о бытии ему ко двору... для обстоятельнейшего донесения о всех порученных ему, тайному советнику, комиссиях, куда он немедленно и отправился». Однако далее из беспристрастного рассказа дипломатичного оренбургского летописца следует, что Татищев был отозван в связи с царской немилостью и что причиной образования «особой следственной комиссии» по его делу являлись поданные на него «разные протесты». Среди их авторов был и А. И. Тевкелев, который против Татищева «по разным делам возымел... разные мнения, с поступками и рассуждениями его... несогласные» [58. С. 42]. Татищев «удержан был» в Петербурге, а на его место указом от 17 июня 1739 г. назначен генерал-лейтенант В. А. Урусов.

Новый начальник Оренбургского края, прибывший в Самару 17 августа, начал с проверки всех канцелярских дел подведомственной ему комиссии и о результатах уже 25 августа отправил в Сенат подробнейшие сведения¹³. Деловые отношения Рычкова с Урусовым, который, по его словам, его «безмерно любил» [334. С. 83], складывались хорошо.

В полученном 20 сентября указе Сената Урусову предлагалась программа действий, разработанная в со-

¹³ ЦГАДА. Ф. 248, кн. 134. Л. 1210—1223.

ответствии с «обстоятельными представлениями» Татищева. Главное внимание правительство уделяло строительству и укреплению города на выбранном Татищевым месте и закладе линии крепостей по рекам Яику и Ую до Царева городища (современный г. Курган). Новый Оренбург должен был стать центром «азиатской коммерции», а «для приохочивания азиатских купцов» им следовало дать определенные льготы. Принимались меры для заселения строящихся крепостей и усмирения («совершенного успокоения») башкирских волнений. Особым пунктом значилось «принятие в подданство Большой и Средней орды владельцев» [58. С. 43].

Основной вопрос — «строение нового Оренбурга» — предполагалось решить летом 1740 г., и подготовку к предстоящему походу начали с осени. Но усилившиеся весной башкирские волнения задержали выполнение планов. Урусов сумел лишь побывать 22 июня у урочища Красной горы, где «приказал инженерам и геодезистам ситуацию места снять и для определения всем около урочища лежащим местам и угодыям план и о всем проект учинить» [58. С. 46]. Занятый военными операциями, он не сумел вернуться и «совершенно выбранное место осмотреть» [58. С. 54]. Поэтому подготовка к строительству города затянулась. Было решено «оное строение будущую весною, нимало не упущая времени, начать производить» [58. С. 55].

«По наступлении 1741 года,— писал П. И. Рычков,— продолжаемы были все те диспозиции, которые к строению на новоназначенном месте города Оренбурга требовалось» [58. С. 56]. Однако 22 июля от жестокой цынги умер Урусов и, хотя «оний город августа 1 числа при надлежащем... молебствии с пушечной пальбою был заложен»¹⁴, строительство остановилось до определения нового «главного командира» [58. С. 57].

Дело в том, что упоминавшийся выше инженер Ратиславский (ставший к этому времени инженер-полковником), инженер-прапорщик Тельной и архитектор Лейтгольд, которым было поручено проектирование крепости, разошлись во мнениях относительно ее расположения. Инженер считал, что город следует постро-

¹⁴ В настоящее время на месте Красногорской крепости находится с. Красногор Саракташского района Оренбургской области.

ить на самом верху горы, «поставя за резон, что на горе воздух лучше и место виднее». Прапорщик и архитектор настаивали на том, что на горе нужно расположить крепость, а сам город — в двух верстах от нее на равнине, на месте, которое выбрал Татищев. Они доказывали, что «на горе такой великий город строить невозможно... яко земля сверху песчаная, а на низу во всех местах твердый камень, и для воды великие неудобности». По их мнению, при осуществлении такого проекта «и земляная работа может без труда производиться, и улицы будут ровные, а где вода поудалела, тут колодцы выкопать, также и во всех местах огороды иметь способно» [58. С. 57]. Урусов поддерживал второй проект, но споры продолжались. Не прекратились они и во время полугодичного правления генерал-лейтенанта Л. Я. Соймонова, «бывшего при Башкирской комиссии» и назначенного после смерти Урусова в 1741 г. управлять Оренбургской комиссией «до указа».

П. И. Рычков находился безотлучно при начальниках, сменявших друг друга, и, как писал сам, пользовался их благоволением. Он исправно вел канцелярские дела, что в неспокойное для комиссии время приобретало особую важность. Эта заслуга была отмечена, и 23 января 1740 г. вышел указ «о производстве бухгалтера Петра Рычкова в секретари». В то же время он непосредственно участвовал во всех политических мероприятиях, проводившихся преемниками Татищева, которые видели свою цель в освоении края и укреплении связей со Средней Азией.

Важное место в деятельности Оренбургской комиссии занимали картографические работы. Успехи ее отмечают историки науки, подчеркивающие, что «ни одна из тогдашних губерний России не обладала такими геодезическими кадрами и не могла в столь короткий срок получить на всю территорию хорошие карты и богатый исследовательский географический материал, как Оренбургский край» [405. С. 202].

Работами руководил созданный в 1741 г. при канцелярии Оренбургской комиссии Географический департамент во главе с геодезией поручиком Алексеем Писаревым. Им в 1742 г. была составлена и отослана в Петербург первая Генеральная карта Оренбургского края. Обращалось внимание также и на картографирование сопредельных с краем областей. В 1741 г. Урусов отправил в Хиву геодезиста Ивана Муравина и ин-

женера Назимова, которые сняли на карту путь от Орской крепости до Хивы и часть берегов Аральского моря. Назимову принадлежит первый план города Хивы.

П. И. Рычков был всегда в курсе этих работ, которые он считал жизненно необходимыми для познания края. Он тщательно сохранял в канцелярии собранный геодезистами материал, составивший впоследствии основу богатейшей коллекции карт Оренбургского края, Урала и Сибири. Отмечая его значительные заслуги в русской картографии XVIII в., С. Е. Фель писал: «Такое богатое скопление карт в архиве одной губернии (а нужно сказать, что вообще ни одна губерния этим не занималась) мог осуществить только просвещенный ревнитель географии и картографии, ревностный искатель, собиратель и хранитель этих культурных ценностей, каковым до конца своих дней был П. И. Рычков» [405. С. 203].

Многим обязано П. И. Рычкову и дело просвещения в Оренбургском крае в этот период. В его ведение была отдана основанная В. Н. Татищевым татаро-калмыцкая школа в Самаре, где велась работа над задуманным ими обоими русско-татарско-калмыцким лексиконом. На вопрос Татищева, беспокоившегося о школе, В. А. Урусов отвечал в марте 1741 г., что его заботы не остались бесплодными, упоминал о начале лексикона и переводах книг с восточных языков на русский. «Во всем том, — писал он, — старается у меня г. Рычков, которого в том охота и прилежность, надеюсь, вашему превосходительству известна». Сам П. И. Рычков извещал тогда же Татищева, что школа «время от времени к лучшему состоянию приходит», и просил советов по составлению лексикона [334. С. 11].

Во время правления Л. Я. Соймонова П. И. Рычков находился вместе с ним в Мензелинаке. В «Истории Оренбургской» он писал, что Соймонов, которому обстоятельства помешали переехать в Самару, где помещалась канцелярия Оренбургской комиссии, «взяв к себе оной комиссии секретаря Рычкова с несколькими канцелярскими служителями, всю комиссию управляя, будучи в Мензелинске» [58. С. 58].

Новые успехи принес П. И. Рычкову следующий период, связанный с деятельностью И. И. Неплюева, назначенного на пост начальника Оренбургской комиссии в 1742 г.

В Оренбургской губернской канцелярии

«Неплюев во всех делах был всегда истинным патриотом своего отечества».

П. И. Рычков

«Для нашей Академии имя Рычкова в особенности дорого по его бескорыстному служению науке».

П. П. Пекарский

П. И. Рычков и И. И. Неплюев. Строительство Оренбурга

Иван Иванович Неплюев (1693—1773), воспитанник и ближайший сподвижник Петра I, крупный государственный деятель и дипломат, сумел сохранить видное положение и в пору бироновщины. Но у новой императрицы Елизаветы Петровны, которая не могла простить ему участия в громком политическом процессе над А. П. Волынским, он впал в немилость. Специальным следствием Неплюев был оправдан, получив, однако, назначение в Оренбургский край, что было «замаскированной ссылкой» [149. Т. 1. С. 116]. Но здесь новая деятельность вскоре увлекла его настолько, что заставила, как он говорил, забыть «ту прискорбность, с кою в сию экспедицию прибыл» [313. С. 139].

Неплюев возводил крепости, расширял и заселял Оренбургскую линию служилым людом, стремился упрочить торговые связи со Средней Азией через степь и навсегда покончить с волнениями в Башкирии. Проявленные им при этом энергия, ум и жестокость вошли в легенду. В XIX в., ссылаясь на свидетельство очевидцев, оренбуржцы вспоминали, что Неплюев «был разумный, деятельный, но строг до жестокости в исполнении своих приказаний, которые не отменял, каждое дело доводил до конца, не стесняясь в принятии мер к устранению препятствий» [416. С. 15]. Эти черты характера Неплюева дали основание биографу В. Н. Витевскому назвать его «Петром Великим Оренбургского края» [147].

И. И. Неплюев

П. И. Рычков, опытный и образованный чиновник, хорошо знавший местные обстоятельства, стал правой рукой нового начальника Оренбургской комиссии. К 1742 г. он уже адаптировался к трудным условиям полупоходной жизни в малообжитом крае, приобрел богатый опыт канцелярской работы и был в курсе всех дел комиссии. Поэтому естественно, что И. И. Неплюев, приступив к исполнению новых обязанностей, не мог желать лучшего помощника. П. И. Рыч-

ков тоже быстро нашел с ним общий язык, хорошо понимал его и разделял его взгляды.

В автобиографических записках Рычкова сказано совсем немного о том времени, когда он активно сотрудничал с И. И. Неплюевым в управлении Оренбургским краем. «Сколько и где, и при каких делах был я употребляем, — писал он, — сие описывать оставлю, избегая тщеславия, которое я ненавижу. Все оное по делам Оренбургской комиссии, а потом губернской канцелярии останется ведомо» [59. С. 302]. Эту сдержанность «всегда откровенного Рычкова», с сожалением отмечал в 1897 г. В. Н. Витевский, одновременно указавший, что упомянутые «дела» сохранились; по его выражению, «как бы в уважение к плодотворной деятельности Рычкова, всеразрушающее время пощадило письменное свидетельство его трудов» [149. Т. 2. С. 296]. Однако и в 1916 г., как констатировал биограф Рычкова А. В. Попов, это свидетельство было все еще «не приведено в известность» [346. С. 82]. Попытаемся сделать это, хотя бы в самых общих чертах.

Богатым материалом о практической деятельности П. И. Рычкова располагает ГАОО. Документы, хранящиеся здесь, а также в других архивах, вместе с данными, которые привел он сам в «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской губернии», позволяют до-

статочно полно восстановить события периода 1742—1760 гг., в которых ему довелось принимать активное участие. Архивные бумаги говорят и о служебной деятельности П. И. Рычкова, и о его занятиях по изучению Оренбургского края и соседних казахских степей.

Подпись П. И. Рычкова значится на всех составленных в то время документах внутреннего значения. Списки, описи документов, различные реестры непременно подписывал секретарь Петр Рычков вместе с кем-либо из канцеляристов. В 1742 г., например, его помощниками были Иван Коптяжев, Андрей Второв, Дмитрий Дорофеев, Федор Ершов, Афанасий Пешков и несколько подканцеляристов¹.

Из архивных документов видно, что, находясь неотлучно при Неплюеве и сопровождая его во всех поездках, Рычков вел делопроизводство, составлял протоколы и донесения, писал речи и иногда (например, при конфирмации хана Нурали) торжественно зачитывал их. Ему пришлось участвовать в решении сложных вопросов внешней и внутренней политики, которые встали перед Неплюевым в начале правления краем. Поэтому, рассказывая о событиях того времени, Рычков одновременно описывал свою жизнь.

Предстояло укрепить пограничную линию, усовершенствовать уже существовавшие крепости и заложить новые. Необходимо было построить наконец главный город края Оренбург, место которого все еще не было определено окончательно. Он должен был в кратчайший срок превратиться в город-крепость на пограничной линии, столицу русско-казахской степи, международный торговый и военно-политический центр с колонизаторскими, оборонительными и наступательными функциями на юго-восточной окраине Русского государства. Следовало также наладить отношения с казахами, утвердив их подданство, и обеспечить безопасность торговых караванов на путях в среднеазиатские города и в Индию. Этих целей можно было достигнуть лишь при обеспеченном покое в тылу, а следовательно, предстояло окончательно умиротворить башкир и прекратить «замешания» среди них.

Неплюев прибыл в Самару 26 апреля 1742 г. Среди дел, переданных ему Соймоновым, первым по значению было дело «о построении города Оренбурга и чего

¹ ГАОО. Ф. 2, оп. 1, д. 13. Л. 43—107.

ради оное строение в прошедшем году оставить были принуждены». Выяснив причины задержки и узнав доводы участников спора о месте строительства города, Неплюев рассмотрел представленные ему ландкарты и планы и обратил внимание еще на одно место, указанное инженером Ратиславским. Оно находилось «поблизости от того места, где Сакмара река в реку Яик впадает»² и где уже была построена Бердская крепость.

По словам П. И. Рычкова, Неплюев и Соймонов решили, что здесь «знатному и немалому городу гораздо способнее и пристойнее быть... яко тут место пространное, равно как водою, так и лесом, лугами и всякими строевыми припасами пред Красногорским гораздо довольнее, оно ж к российским хлебным жителям ближе и ко всем новопостроенным крепостям стало быть всредине» [58. С. 60]. Неплюев сообщил об этом в Сенат³ и 9 июня с командой отправился в продлившуюся четыре месяца поездку для осмотра предлагаемого места строительства Оренбурга и ознакомления с краем. По дороге он проинспектировал Красносамарскую, Переволоцкую, Татищеву, Бердскую, Красногорскую крепости и заложил несколько новых.

Кроме того, Неплюев, как и его предшественники, должен был следить за тем, как казахский хан выполняет условия подданства. Поэтому в первую поездку по степи он собирался не только выбрать место для строительства Оренбурга, но и встретиться с Абулхайром, который был приглашен в Орскую крепость для знакомства с новым правителем края и принятия присяги новой императрице.

Прибыв 4 июля в Бердскую крепость, он увидел, что место это действительно удобно для строительства города. Поэтому «артиллерийскому капитану Галафееву, который до сего инженерным офицером был»⁴, и инженер-прапорщику Тельнову было поручено «оному городу план ситуации снять, также и прожект, как ему застроено быть, учинить; что ими и учинено» [58. С. 61].

Осмотрев затем (14 июля) места у Красной горы, предлагавшиеся ранее, Неплюев убедился в правильности своего выбора и решил отправить в Сенат с Галафеевым планы и проект нового Оренбурга. Его решение

² ЦГАДА. Ф. 248, д. 146. Л. 162.

³ Там же. Л. 152–156 об.

⁴ Там же. Л. 157.

было одобрено на состоявшемся 23 июня в Орской крепости совещании со всеми штаб-офицерами.

В донесении от 28 июля, высоко оценив инженерное искусство Галафеева, Неплюев писал, что в Оренбургской комиссии «так достаточных инженеров не бывало», и просил оставить его в строящемся городе с соответствующим жалованием⁵. На представление Неплюева 15 сентября последовала резолюция: «Быть по сему»⁶. Судьба города Оренбурга была решена, на этот раз окончательно.

Впоследствии Неплюев вспоминал, что, как убедился, Орская крепость не могла служить «за главную в торговле»: находится она на безлесном «поемном месте» и поэтому «к житью нездоровая», а к тому же российским купцам из-за своей отдаленности и опасности «для произведения торговли... неспособная». Именно для того, чтобы дать охрану купцам и для «ближайшего надзора» за склонным к бунтам башкирским населением, он «избрал... место ниже по течению реки Яика (в 250 верстах)» и «основал тут крепость, которую наименовал, следуя первому названию, Оренбургом» [313. С. 136—137].

В Орской крепости Неплюев пробыл до 6 сентября. За это время произошла его встреча с Абулхаиром, вместе с которым для принятия присяги прибыли 83 феодала из Малого, 68 из Среднего и 4 из Большого жузов.

Подробности торжественной встречи, состоявшейся в Орской крепости 23 августа 1742 г., зафиксированы в хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области «Журнале»⁷. Документ, составленный, вне сомнения, П. И. Рычковым, носит название «Журнал, или записка ежедневная о том, что происходило у тайного советника и кавалера Неплюева при Орской крепости и в бытность тут киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хана, Эралия и протчих султанов, Джанбек Тархана и других киргиз-кайсацких старшин и того народа, также зюнгарских и каракалпацких посланцев 1742 года». Описан парад и пышный прием по разработанному еще при Татищеве ритуалу. Абулхаиру были преподнесены сабля с бирюзой, пара пистолетов в медной оправе и желез-

⁵ Там же. Ф. 248, д. 146. Л. 162—163.

⁶ Там же. Л. 178.

⁷ ГАОО. Ф. 2 (канцелярии Оренбургской комиссии), оп. 1, д. 12.

ный панцирь, чтобы «то оружие, служа против неприятелей и во охранение своего здоровья употреблял»⁸.

24 августа началась традиционная деловая «конференция» с Абулхаиром и присутствовавшими на встрече посланцами джунгарского правителя и представителями каракалпаков. Последние, принятые Неплюевым раньше всех, подтвердили свое подданство России, а посланцы Джунгарии убедились в бессмысленности претензий на подчинение Малого жуза своему влиянию⁹.

В беседах Неплюева с Абулхаиром обсуждались принципиальные вопросы: о торговых и административных целях перенесения Оренбурга на новое место, о тишине на линии и в степи, о верности казахов и военной помощи хану. Абулхаир, казался, со всем соглашался, «токмо де,— говорил он,— власть его начала ныне разделяться». Это означало, что у него обнаружились новые враги, прежде всего хан и султаны Среднего жуза, подрывавшие его значение в степи, и что без помощи оренбургских правителей его единовластие над казахами недостижимо.

Абулхаир стремился к полному единовластию. По словам А. И. Тевкелева, хан под протекторатом России «намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить» [182. Т. 1. С. 98]. Он считал, что только при оказании ему военной поддержки «все хивинцы, арапцы, бухарцы» русской императрице «будут холопи», иначе, предостерегал он, бессильный казахский народ, «неведомо которому неприятелю склонясь, честь свою потеряет»¹⁰.

Но Неплюев отказал ему в просьбе выделить трехтысячное войско, дозволяя в случае опасности «во все крепости свободно приезжать» и кочевать вблизи русской границы¹¹. Абулхаир был недоволен. Не радовало его и то, что строящийся на правой стороне Яика новый Оренбург даже номинально переставал быть городом казахов. Все это, а также неопределенная позиция по отношению к Среднему жузу и, наконец, отказ в замене одного сына-аманата другим вызвало у Абулхаира ненависть к Неплюеву.

⁸ Там же. Л. 10 об., 11.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ ГАОО. Ф. 2, оп. 1, д. 16 («Указы из разных мест к тайному советнику Неплюеву 1742 года присланные»). Л. 33–35.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 31–34.

Новый кандидат в аманаты Чингиз не был сыном Абулхаира от первой жены (ханши Пунай), тогда как подтвержденные указами правил аманатства — обычая, принятого у степных народов, требовали, чтобы в такой роли выступали лишь «ханские дети, от настоящей жены рожденные»; при этом следовало наблюдать, «дабы они как у пего, так и у ханши ево были в равном любви» [58. С. 65]. Когда Неплюев сказал Абулхаиру, что его сын Чингиз — церавпоценная замена Ходжи-Ахмета, «хан с великим неудовольствием стал говорить, что он в подданство своею волей пришел, также детей в службу ея императорскому величеству, а не в полоняники отдаст и, осердившись, ничего более не говоря, встав с места, пошел из ставки вон и, севши на лошадь, уехал, не простившись с тайным советником»¹².

На следующий день дружба, казалось, была восстановлена, но Абулхаир убедился в тщетности расчетов на реальную поддержку в укреплении прочной государственности в степи, в распространении его ханской власти на весь казахский народ. Он уехал с затаенной злобой, повторив Неплюеву на прощание ходившую среди казахов ногайскую поговорку: «Которая-де змея имеет одну голову, а хотя многие хвосты, то-де за головою все хвосты в нору легко проходят; а будет многое число голов, а хвост хотя и один, то-де в том затруднение»¹³.

Неплюев же понял, что не может в русско-казахской политике делать ставку на одного Абулхаира, и начал после этого укреплять отношения с ханом и султанами Среднего жуза. В Орске были проведены переговоры с представителями каракалпаков, к которым 4 сентября отправилось посольство во главе с поручиком Гладышевым [410].

Орскую крепость Неплюев застал в неудовлетворительном состоянии. Как позднее писал он в своих «Записках», эта главнейшая крепость по реке Яику «была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером и снабжена малым числом гарнизона» [313. С. 85]. При нем всю гору, на которой располагалась крепость, окружили рвом и валом [58. С. 65].

Из Орска Неплюев выехал 6 сентября, посетил Озерную и Сорочипскую крепости и по дороге заложил новые — Ильинскую, Верхневоздвиженскую, Пречистен-

¹² Там же. Л. 68 об.

¹³ Там же. Л. 69.

скую. В Самару он вернулся 15 ноября, а в конце года совершил поездку в Ставрополь для ревизии Закамской укрепленной линии.

К этому времени относится составленная П. И. Рычковым «Ведомость о состоянии канцелярии Оренбургской комиссии и подчиненных ей контор, о морских, адмиралтейских и прочих служителях»¹⁴. Согласно этой ведомости, в Комиссии значилось 726 человек, находившихся как в Самаре, так и в других городах и крепостях. При канцелярии «присутствовали» начальник гарнизонного драгунского полка полковник Борис Останков, начальник полка ландмилиции полковник Михаил Куроедов и «в должности ассессора секретарь Петр Рычков». Кроме них, перечислены канцелярские служители (регистраторы, протоколисты, архивариус), переводчики с татарского и калмыцкого языков и др. Под началом канцелярии находились «конторы», ведавшие специальными отраслями: «счетная», т. е. бухгалтерия (9 человек), «провиантская» (5 человек), «казначейская» (5 человек). При госпитале значилось 15 человек, в том числе доктор, главный лекарь и лекарь, при аптеке — 5, при духовном правлении — 6. К школам при комиссии («певческая», «словесная», «писчая», татарская и калмыцкая) было приписано 58 человек, в том числе 52 ученика. Кроме того, под управлением комиссии — «при комиссарствах» — находились архитектор, строители, рудоискатель, «гранильные ученики», геодезисты, матросы и боцманы, мастеровые разных специальностей из ссыльных.

В начале 1743 г. во исполнение «указа о строении Оренбурга, о переведении туда Оренбургской комиссии и о расположении по новоучрежденной оренбургской линии команды»¹⁵ началось строительство города¹⁶. В Бердскую крепость был отправлен отряд под командой генерал-майора фон Штокмана «с надлежащими к тому инженерами и с прочими служителями». 19 апреля по-

¹⁴ Там же. Д. 13 («Экстракт или расписной список 1742 г.»). Л. 44–47 об.

¹⁵ Там же. Д. 15 («Журнал протоколам Оренбургской комиссии»). Л. 2.

¹⁶ Истории строительства Оренбурга и освоению края посвящен ряд интересных публикаций оренбургских краеведов и прежде всего С. А. Попова [349–351]. Сохранившиеся планы города и крепости исследованы в цикле работ В. В. Дорофеева [186–191].

вый город «с помощью божиею и с надлежащим молебством, также и с пушечною пальбою по апробированному плану был заложен» [58. С. 67, 68]. Находившийся на этом месте Бердский городок, построенный в 1736—1737 гг., переселился на р. Сакмару [355].

Сам Неплюев окончательно покинул Самару 13 января 1743 г. и выехал в Уфу. Среди сопровождавших его лиц был и П. И. Рычков. Соответствующее «определение» внесено его рукой в «Журнал протоколов Оренбургской комиссии». 30 января команда прибыла в Уфу. Здесь Неплюев до 7 февраля обсуждал с уфимским вице-губернатором П. Д. Аксаковым «разные до Оренбургской комиссии и до Уфимской провинции касающиеся дела», а затем через Красноуфимскую крепость и Екатеринбург отряд направился в Теченскую слободу, где располагалось правление Исетской провинции. Отсюда Неплюев выезжал для осмотра Миасской, Иркутской, Челябинской и Чебаркульской крепостей, а 1 марта был уже в Шадринске, где встретился с губернатором Сибири Сухаревым. Они имели «довольное рассуждение» не только о том, каким образом должны быть размещены сибирские форпосты, но и «о дальнейших Сибирских обстоятельствах, особливо же о безопасности тамошней границы». В конце апреля с наступлением весны отряд отбыл из Шадринска для осмотра мест под новую Уйскую укрепленную линию — от Царева городища вверх по р. Тоболу до впадения в него р. Уй, затем по течению этой реки и далее по течению р. Яик. Вдоль линии было заложено 14 крепостей, в том числе «одна пониже реки Верхнего Кизила, которая названа Магнитною, для того, чтобы напротив ея находится гора магнитного камня, а другая на реке Нижний Кизил» [58. С. 68].

В «Журнале протоколов Оренбургской комиссии» 3 июня внесена запись: «По доношению секретаря Петра Рычкова о приеме у него собственного ево провианта в Верхояицкую или на Верхнем Кизиле для довольства команды в казну, а вместо того о выдаче ему толикого же числа в Оренбурге». Видимо, П. И. Рычков сдавал оставшуюся лишней часть провианта, предназначенного для команды, с тем чтобы ее «записать в приход, а сколько принято будет, о том репортовать», и затем в Оренбурге по этому «репорту» получить такое же количество провианта. Приводится обоснование: «Ибо на

оние места провинциал завозится с равною трудностию, как и в Оренбург».

12 июня в «Журнале» появляется запись о получении указов Сената, среди которых указ «о пожаловании асессором секретаря Петра Рычкова»¹⁷. Чин коллежского асессора, согласно «Табели о рангах» 1722 г., равнялся чину майора и давал право на дворянское звание. Рычков писал впоследствии, что Неплюев, который «отечески жаловал» его за труды, «прежде и при нем понесенные», «удостоил» его в асессорский чин и «всеприлежно старался» об успехе ходатайства. Оно было удовлетворено «с таким определением, чтоб ему, будучи в том чине, в секретных и в заграничных делах, и секретарскую должность исправлять» [59. С. 301, 303].

14 июня 1743 г. отряд прибыл в Орскую крепость, где задержался на полтора месяца. Здесь произошла встреча Неплюева с представителями Малого и Среднего жузов, которые принесли присягу на верность наследнику престола Петру III. Тогда же вернулись отправленные год назад посланцы — майор Миллер, ездивший к Джунгарскому правителю, и поручик Гладышев, который побывал в Каракалпакии и привел к присяге «тамошних ханов и салтанов с немалым числом каракалпакского народа в Российском подданстве» [58. С. 72]. Миллер, как оказалось, был допущен лишь до границы Джунгарии и вернулся с посланием к Неплюеву. Его показания об этом интереснейшем путешествии, к сожалению, не сохранились, но в одном из рукописных экземпляров «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова уже в XIX в. был обнаружен чертеж с маршрутом Миллера, выполненный, вероятно, им собственноручно [409]. Это — первое достоверное известие об области, лежащей к востоку от Аральского моря.

В Орской крепости произошло горестное для И. И. Неплюева событие: скончалась его молодая жена, сестра именитых придворных И. И. и Н. И. Паниных. Выйдя замуж за овдовевшего военачальника и дипломата незадолго до его опалы, она жестоко страдала от неожиданной перемены судьбы и не перенесла походных условий в Оренбургском крае [313]. По ходатайству одного из братьев Сипод в 1745 г. разрешил перенести ее могилу в Москву¹⁸.

¹⁷ ГАОО. Ф. 2, оп. 1, д. 15. Л. 49–49 об., 52 об.

¹⁸ Там же. Ф. 172. оп. 1, д. 573.

Протокольные записи, сделанные П. И. Рычковым в это время, касаются самых разных вопросов, которые приходилось решать в походе. Среди них — записи «о посылке для описания и освидетельствования речек, впадающих в Яик, учеников-геодезистов Ивана Шульгина и Семена Морева» (5 апреля) и о выдаче им жалования за проделанную работу (5 мая), о немедленной отправке переводчика в команду назначенного на новую Уйскую линию полковника Остапова «для переводу и толмачества татарского языка» (5 июня), о расходах вина и пороха на празднества (4 июля), об организации торговли и, в частности, «о порядочном торгу в Орску на гостинном дворе российскому купечеству с киргиз-кайсаками» (23 июня), об отправке в строящийся Оренбург «для купечества» приказчика Степана Гордиевского с сыном (25 июня) и т. д.

Между тем строительство Оренбурга шло быстрыми темпами, хотя, по словам П. И. Рычкова, из-за цынги, которая свирепствовала в крепостях по Сакмарю и унесла многие жизни, и из-за осложнения отношений с Абулхайром «немалое препятствие учинилось». В начале августа Неплюев с отрядом прибыл в Оренбург. Впоследствии он писал, что «для безопасности жителей» велел строительство «оградить рвом и валом с каменною одеждою, в цирконференции без мала 5 верст» [313. С. 137]. По словам Рычкова, к зиме вал был еще не совсем отделан, но «к тогдашнему защищению весьма доволен»; на крепости, построенной по «апробованному плану», на «надлежащих к обороне местах» были установлены пушки. «Наиприлежнейшее старание» строителей было так велико, что еще до наступления морозов для гарнизона были готовы теплые казармы, «два казенные генералистские дома изрядным и просторным стрсением сделаны, также и для всех комисских служителей надлежащие покои исправлены» [58. С. 74].

П. И. Рычков
1743 г.

Общий вид Оренбурга из-за р. Урал. Рисунок Дж. Кэстля

Участники строительства мужественно переносили трудности, которые разделял и Неплюев. Он писал: «А как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командир, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковые и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители — в их дворы, а гарнизон — в казармы, и более уже... в Самару, т. е. в Русь не возвращался» [313. С. 137]. Первые оренбуржцы начали обживать новое место и, выражая их настроение, П. И. Рычков тогда же «с несомненною надеждою» сказал, что Оренбург «со временем знатнейшим городам не уступит» [58. С. 1].

Город-крепость на Яике стал точкой опоры в дальнейшей колонизации края, военно-стратегическим, административным, дипломатическим и торгово-экономическим пунктом в Приуральской и Зауральской степи, центром русской культуры на этой весьма своеобразной окраине государства. Особенно важную роль играл Оренбург в развитии казахско-русских отношений, которые при Неплюеве складывались далеко не просто.

Русско-казахские отношения

После конфликта с Абулхайром Неплюев через своих посланцев начал приводить к присяге хана и султанов Среднего жуза, разжигая тем самым междоусобия в степи. Злейший враг Абулхайра султан Среднего жуза Барак был награжден от имени императрицы золотой саблей.

Усвоив систему умиротворения одной народности при содействии другой, Неплюев сознательно натравливал одних ханов на других, калмыков на башкир, башкир на казахов и поддерживал антагонизм между ними. Как писал он позднее в своих «Записках», это «положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна [313, С. 160—161].

Широкие круги феодальной старшины и родовой знати, не видя для себя смысла в интригах ханов и султанов, предпочитали теперь Оренбургскую власть и не одобряли разрыва Абулхайра с нею. Россия, казалось им, обещает мир и гарантию экономического благополучия. По-видимому, они рассуждали так же, как позднее,

в XIX в. их потомки: «Мы от того так слабы, что всякий из нас хочет быть начальником»¹⁹. Вот почему 14 июня 1743 г., когда Неплюев вторично посетил Орскую крепость, там приняло присягу, помимо ханов, небывалое до тех пор число феодалов Среднего и Малого жузов [183. С. 43—45].

П. И. Рычков, ближайший сотрудник Неплюева, в основном разделявший его взгляды, в вопросах русско-казахской политики, очевидно, не всегда соглашался с ним. Как следует из документов, он скорее поддерживал А. И. Тевкелева, который в этих вопросах стоял на позициях, противоположных позициям Неплюева.

Тем временем Абулхаир вступил в открытую борьбу с Неплюевым, который собирался огнем и мечом искоренить баранту (обычай самоуправного отщепенца за угон скота). После неудавшегося побега ханского сына Ходжи-Ахмета из Сорочинской крепости и перевода его в Петербург, а затем в татарскую слободу у Казани [183. С. 61—62] рассвирепевший Абулхаир заявил явившимся от Неплюева переводчикам, что «я-де вас, яко собак, у себя заморю» [149. Т. 3. С. 698—699]. Он причинял неразумные разорения каракалпакам, нападал большими отрядами на порубежные селения яицких казаков и т. д. Русское правительство открыто высказывало сомнение в пользе подданства казахов и ставило вопрос о выгодности оттеснения их в даль степей. В секретном указе Иностранной коллегии от 10 апреля 1747 г. говорилось, что, может быть, было бы полезнее, «как и напредь сего бывало, волским калмыкам, яицким казакам, башкирцам, меццарьякам и другим чинить над ними поиски и в протчем самим с ними управляться»²⁰.

В 1745 г., в момент внутриордынских тревог, семейных потрясений и досадных разочарований, Абулхаир обращался за покровительством к В. Н. Татищеву, бывшему тогда астраханским губернатором. В письме хан рассказывал историю конфликта с Неплюевым, который своими «в нашей орде поступками искусства не имеет» и не оказывает ордынским людям «чести никакой» [182. Т. 3. С. 58—61].

¹⁹ ГАОО. Ф. 6 (фонд Оренбургского военного губернатора, пограничный отдел), д. 2225. Л. 83—87 (сообщение барона Мейендорфа, 1821 г.).

²⁰ Там же. Ф. 3 (Оренбургской губернской канцелярии), д. 19. («Указы»). Л. 43а, 43б.

Аудиенция хана Абулхайра. Рисунок Дж. Кэстля

Оживленную переписку в «весьма непристойных и грубых терминах» вел хан не только с Неплюевым, но и с Петербургом. В его письмах читаем слова, полные обиды и горечи: «Кто плуты, те Вам угодны», «Я вам стал ненадобен, уже от меня вы ничего не ожидаете и я от вас ничего себе не ожидаю» [149. Т. 3. С. 700, 714; 248. С. 21].

Неплюев возбуждал вопрос о выборе нового хана, что Иностранная коллегия категорически отвергла. Как сказано в ее донесении Сенату от 1 мая 1747 г., «у киргиз-кайсаков ханы бывают по избранию, и с российской стороны в то вступать неудобно» [149. Т. 3. С. 710—711]. Не поддержала она Неплюева и в вопросе о баранте. По ее мнению, при наличии института аманатства и системы ханского разбирательства по казахским и русско-казахским барантам «с того интересам ея императорско-

го величества никакого предосуждения не видится, а россияне помощью ханскою удовольствие получать могут»²¹. Тем самым Иностранная коллегия присоединилась к мнению А. И. Тевкелева, считавшего, что «у них киргизов то и право, что баранта»²².

А. И. Тевкелев был сторонником единовластия хана и пытался доказать Неплюеву, что междоусобица погубит всякие добрые начинания. Впоследствии он писал: «По моему мнению лучше б домогаться главного хана указом сделать», иначе «отнюдь без главного хана (порядка) быть не может»²³. Он поддерживал Абулхаира и во взглядах на аманатство, рекомендуя, вместо политических аманатов, иметь от казахов судей в Оренбурге [182. Т. 1. С. 101].

Между тем из-за несогласия Абулхаира с Неплюевым «многие затруднения, беспокойства и опасности . . . происходили» [397. С. 17]. Абулхаир проявил даже намерение «от российской стороны отложиться». не встретил всеобщее осуждение. «Народ его к тому не соглашается, — доносил Неплюеву переводчик Арслан Бекметаев, — и лучшие люди того не желают» [149. Т. 3. С. 699].

В это время феодалам-казахам уже была очевидна выгода подданства и торгово-экономического общения с Россией. Вот что писал, например, сам Абулхаир в 1747 г. в Иностранную коллегию: «Прежде сего по Яику крепостей не было, и улусы не кочевали (так как возбраняли русские казаки и башкиры.— *П. М.*), також обхождения и торгу с киргиз-кайсаками не было, а ныне, слава Богу, все крепости построили, и с киргизцами торг основан и в обхождении, в верности уже и сумнения нет. Великорослые травы и немутные воды по сю сторону реки Яика нам пожалованы, чем я не только однократно, но и тысящами крат доволен. . .»²⁴.

Напряженные отношения между правителем края и ханом могли привести к печальным последствиям. Поэтому в 1748 г. Иностранная коллегия направила в Оренбург А. И. Тевкелева с широкими полномочиями и в первую очередь «Абулхаира с тайным советником Неплюевым в дружбу привести» [248. С. 19; 397. С. 17].

²¹ Там же. Л. 132, 138 об.— 139.

²² Там же. Л. 130—130 об.

²³ Там же. Д. 18. Л. 5—5 об.

²⁴ Там же. Д. 14. Л. 26—26 об.

Сам А. И. Тевкелев «всегда жил с Абулхаиром в дружбе» [259. Ч. 2. С. 175]. Больше того, у казахов он считался олицетворением всякой справедливости. Так, не зная причины временного отъезда Тевкелева в Петербург в 1739 г. (на самом деле, для приема персидского посольства), Абулхаир прочувствованно просил императрицу вернуть его. «Мурза Тевкелев, — писал он 24 января 1740 г., — открыл было наши дороги и милости Вашего императорского Величества начало показуя нам . . . настаивал на путь, а что он ныне отसेле отлучился, в том у нас сердце нимало не на месте; за неприездом же его Мурзы многим делам остановка чинится»²⁵.

П. И. Рычков описал одну из встреч Тевкелева с Абулхаиром среди «знатнейших происхождений 1748 году, по заграничным делам». Встреча произошла в Орской крепости, куда Тевкелев отправился в середине мая, взяв с собою привезенного из Казани ханского сына Ходжу-Ахмета «с тем, что б тамо, увидевшись с ханом, оного салтана другим сменить, и впрочем по данной ему инструкции исполнение учинить» [58. С. 86—88].

Хан прибыл в Орскую крепость 27 июня вместе со старшим сыном Нурали и четвертым по счету Айчуваком. Последний, сменив Ходжу-Ахмета, оставался в качестве аманата вместе с детьми некоторых влиятельных старшин.

В ходе переговоров Абулхаир настаивал на своем понимании смысла официально принятого подданства и протектората. После того как, уладив некоторые вопросы, он уехал в степь, Тевкелев представил в Иностранную коллегию свои соображения о казахских ордах, с «рассуждениями и определениями» Неплюева «во многом несходственные» [58. С. 87]. Он, в частности, рекомендовал: 1) представителям русского правительства для большого политического влияния в орде делать ежегодно собрания казахской знати и обсуждать совместно важные вопросы; 2) назначить указом правительства одного хана на Малый и Средний жузы с определенным жалованием; 3) ввести в обычай ежегодные встречи старшин и хана с правителем края; 4) для развития и укрепления торгово-экономического общения казахского народа с русским устроить в Орской крепости каменный меновой двор и в связи с этим 5) увеличить в Орске крепостной гарнизон. В своем

²⁵ Там же. Д. 10. Л. 33, 33 об., 34.

«Представлении» Тевкелев указывал, что казахи вполне могут конвоировать торговые караваны в Хиву и Бухару, хотя в их вооружении и отсутствуют пушки. Зато они имеют достаточно другого огнестрельного оружия, которое выменивают на скот в Хиве и Бухаре, производя у себя в большом количестве порох [182. Т. 1 .С. 101, 105—106].

Абулхаир настаивал на том, чтобы Неплюев содействовал объединению казахов под его властью. В ожидании выяснения дела в Петербурге он устанавливал связи с Джунгарией, опасной для русского правительства на границах Сибири, и совершил набег на каракарпаков [231].

В августе 1748 г. хан кочевал у р. Тургай. Здесь, на ее притоке Улькаяке, он встретился с заклятым врагом — султаном Бараком, одним из влиятельнейших правителей Среднего жуза. Между ними, как писал П. И. Рычков, «особой произошел спор о пришедших в киргис-кайсацкие улусы на жительство каракалпаках, коих он хан желал себе присвоить, а Барак салтан не хотел их от себя отпускать, и так наконец у обоих дошло до драки» [58. С. 87]. В неравной схватке (Барак, по словам Рычкова, «был гораздо люднее») Абулхаир был убит.

В письме к Тевкелеву, написанном от имени Абулхаира его женой Папай, говорилось, что султан Барак, «ненавидствуя за то, что я с Вами обхождение имел, ревнуя к калмыцкой стороне и ненавидя сысканное мною государство, меня убил» [183. С. 78—80]. В ответ на просьбу о военной помощи для отмщения Бараку И. И. Неплюев ограничился тем, что выразил сожаление и отправил Тевкелева с несколькими офицерами в Орск для выяснения обстоятельств гибели Абулхаира. О них сообщалось в собственноручном донесении Тевкелева Неплюеву, написанном 24 августа 1748 г. из Губерлинской крепости²⁶. Иностранная коллегия смотрела на

²⁶ Там же. Д. 18. («О смерти Абулхаира хана»). Л. 5—6 об. Это письмо уникально по политическому содержанию, грамматическому строю и палеографической технике. В нем слышится живая разговорная речь, народная лексика («обычье», «тужат», «домогаться») в сочетании с канцелярским шаблоном и влиянием родного языка. В письме находим не традиционный писарский почерк с установившимися начертаниями букв, а индивидуальную, весьма специфическую скоропись просвещенного, многопишущего деятеля, допускающего в то

убийство Абулхаира как на результат личной вражды соперников из-за власти над каракалпаками и считала, что «с войском ходить за одним, яко за ветром, непристойно». Она велела Неплюеву в дело мести Бараку «не мешаться и смотреть на такие их (т. е. детей хана. — П. М.). поступки сквозь перстов»²⁷. Барак, опасаясь расправы, бежал под покровительство владельца Джунгарии, но вынужден был явиться на суд народных биев, созданных из всех трех орд. После судилища, которое вынесло оправдательный вердикт [149. Т. 3. С. 720], Барак в феврале 1750 г. умер, по слухам, отравленный по велению джунгарского владельца [183. С. 84].

Так несчастливо кончили свои дни два виднейших представителя казахского народа, принявших подданство России, но неодинаково понимавших его значение и следствия. Преемники Абулхаира собирались соорудить памятник на его могиле, в 80 верстах от г. Тургая. Но когда в конце XIX в. потомки хана разыскали место его захоронения, то увидели, что могила, забытая и заглохшая, отличалась от других только тем, что на ней росла одинокая береза [247. С. 49].

В июле 1749 г. в лагере под Оренбургом был конфирмован новый хан Нурали, старший сын Абулхаира. Торжественную церемонию подробно описал П. И. Рычков, принимавший в ней непосредственное участие. «Перед народом, — говорится в „Истории Оренбургской“, — чрез асессора Рычкова публично прочтен был пожалованный хану на ханство патент и грамота к народу о возведении его на ханство по народному выбору и прошению» [58. С. 89].

Властолюбивый Нурали, как и отец, противился политике сохранения раздробленности и разжигания междоусобной вражды, стремясь «сделаться единственным ханом как в Меньшей, так и в Средней ордах» [255. Ч. 2. С. 182—183]. Впоследствии между Нурали и Неплюевым установилась самая тесная дружба [149. Т. 3. С. 668].

Говоря о роли Абулхаира в истории русско-казахских отношений, нельзя не оценить его заслуг, о которых справедливо сказал он сам: «Сию кайсацкую орду преж-

же время такие вольности, как, например, введение твердого знака внутри слов, слитность предлогов и неоправданный разрыв слов («нарочьного»).

²⁷ Там же. Д. 19. Л. 110 об.— 111.

де моего подданства никто не знал и не нахаживал, но прежде всех сию дорогу проложил я»²⁸. Он пришел на историческую арену в тот момент, когда гонимые со всех сторон и истребляемые казахи стояли перед мрачной перспективой. Дальновидный Абулхайр лучше многих своих современников понял историческую обстановку, взвесил силы своего народа и окружавших врагов и сделал вывод, с неумолимой необходимостью продиктованной жизнью. Он пошел на подданство могущественной России «из своей воли». Увлекая своим примером соплеменников на единение с русским народом, Абулхайр считал эту свою деятельность великой заслугой перед будущим. «Честь, — говорил он, — приобретенная человеку, вовеки не умирает, и я там ныне наиболее должен радоваться, что мое имя в таком великом и славном государстве известно» [183. С. 28].

В экономической политике царизма еще в 40-е годы XVIII в. начал проявляться колониальный характер. В секретном указе Сената от 21 июля 1747 г. запрещалось продавать казахам всякое оружие, порох, кремьнь и даже в поделках свинец [248. Приложение. С. 20]. Уже тогда ясно наметилась тенденция превращения Казахстана в рынок сбыта и источник сырья для русской промышленности. Русским купцам (по указу от 2 августа 1749 г.) разрешалось везде продавать казахам медные, стальные, железные и другие изделия, с тем чтобы они не обращались в среднеазиатские города. В то же время решительно воспрещалось продавать в сыром виде медь, сталь и железо, чтобы у казахов «из оных металлов никакие художества заводиться и умножаться не могли»²⁹.

Политика русского самодержавия, несмотря на обещания, что хан будет «паче прочих в народе своем возвышен»³⁰, была направлена на то, чтобы, по словам Тевкелева, «положить узду» на казахов [397. С. 16], или, как говорили позднее, «привязать сих владельцев к Российской державе, придать им более веса в подвластном им народе и с помощью их достигать своих предположений и видов» [300. Т. 4. С. 350].

Тем не менее добровольное подданство казахов подготовило условия для постепенного установления

²⁸ Из письма Абулхайра в Иностранную коллегию от 9 ноября 1747 г. // ГАОО. Ф. 3, д. 14. Л. 28.

²⁹ ГАОО. Ф. 3, д. 19. Л. 67–68 об.

³⁰ Там же. Д. 12. Л. 4.

культурно-экономических связей и единения казахского народа с русским. «Россия,— писал Энгельс,— действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»³¹. Элементы передовой культурно-политической и экономической цивилизации проникали в Казахстан из России, ставшей на путь промышленного развития. Вот почему, продолжал Ф. Энгельс, «господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар. . .»³².

Со времени перенесения на новое место Оренбурга (с ним и менового двора) началось оживление в торговле с Казахстаном и Средней Азией. С 1745 г., по словам И. И. Неплюева, «знатный торг в Оренбурге возымел начало» [313. С. 139]. На этот торг с половины июня и до конца октября приезжало по несколько сот и даже тысяч человек в день. По призыву Неплюева предметы русского производства сюда привозили купцы и фабриканты из многих городов. Главными предметами меновой торговли были скот и хлеб, меха, фабрично-заводская продукция, железные фабричные и ремесленные изделия, хлопок и шелк. Характер торговли вначале был исключительно меновой, т. е. обмен эквивалентов производился в чистом виде, и только позднее стали вводиться деньги. Таким образом, как отмечал В. И. Ленин, и здесь «из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникла власть капитала»³³.

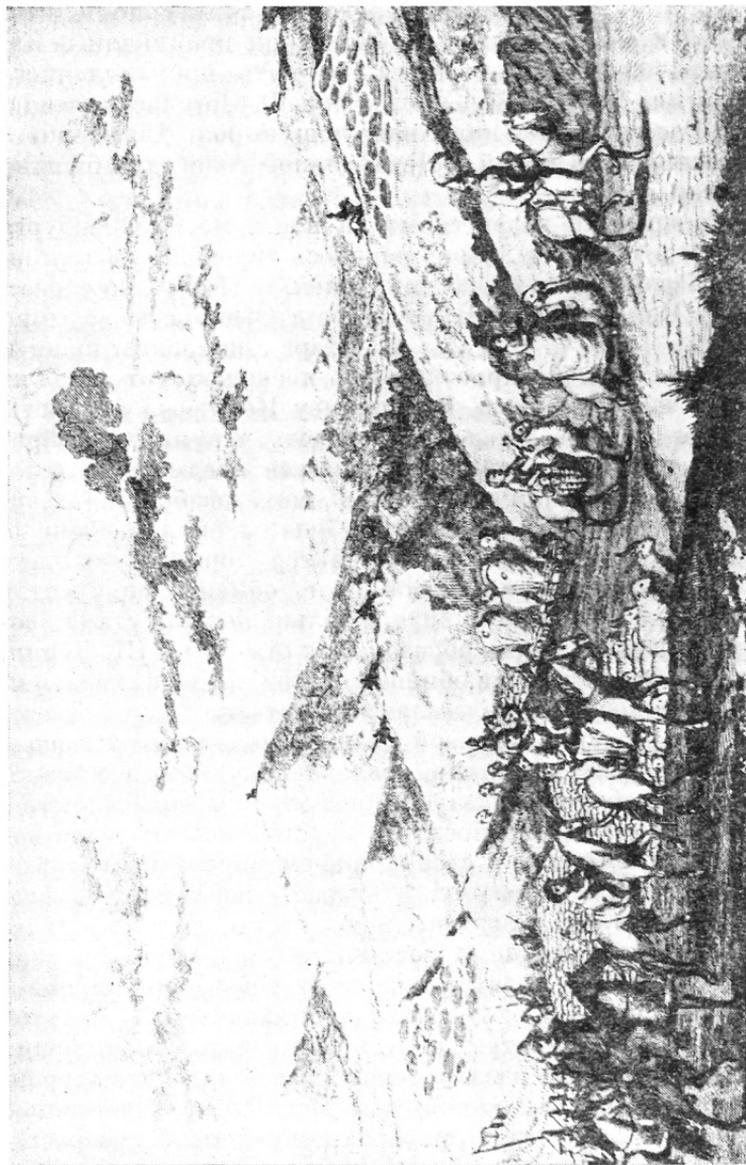
Оренбургский меновой двор вызвал к жизни новые торговые центры в степи, вовлекавшие в торгово-экономическое общение казахов на большом пространстве. При всех своих опасностях и неустойчивости росла караванная торговля в степи, причем первое место здесь принадлежало русскому, а второе — казахскому торговому капиталу. Следовательно, постепенно укреплявшиеся политические, а затем и торгово-экономические связи России с Казахстаном через Оренбургский меновой двор носил обоюдно выгодный характер.

Русское правительство предполагало постепенно внедрять в жизнь казахов начала оседлости путем строительства для ханов домов и крепостей. Существенное значение для казахов приобрел получаемый в возраста-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 211.

³² Там же.

³³ Ленин В. И. Соч. Т. 24. С. 367.

Казакская семья. Рисунок Дж. Кэстля

ющих количествах русский хлеб. Когда казахи к новой пище «приобькнули», рассуждали в Петербурге, тогда легче будет увеличить «нужду их к Оренбургу»³⁴. «А что вы к Нурали хану по просьбе его отправили десять четвертей пшеничной муки и десять четвертей круп, — писали Неплюеву 2 ноября 1749 г., — и сие здесь совершенно за благо приемлется, почему и впредь хлеб к нему посылать и тем не только их к здешней пище приобучать, но и в нашу дружбу приводить надобно»³⁵.

О культурном влиянии России на казахов говорил султан Эрали после поездки в Петербург в 1734 г. Эта поездка по русской земле обогатила его знания, породила новые представления о России и позволила получить так много сведений, что целесообразность подданства не вызывала у него никаких сомнений. Он и его спутники с восторгом осматривали результаты деяний Петра Великого, «знатные места» — кунсткамеру, библиотеку, адмиралтейские работы и верфи, крепости и т. д. [182. Т. 1. С. 33], причем особый интерес возбудили у них Ладожский канал и Шлиссельбургская крепость [58. С. 14]. В беседе с Неплюевым султан Эрали подчеркивал, что действовал на отца и соотечественников «к пользе интересов родины и России»³⁶.

Итак, добровольное подданство казахского народа — не легенда, не обман и не результат какого-то частного сговора, а закономерный, необходимый и прогрессивный исторический факт, получивший отражение в юридических актах и в памяти народа. Казахи со времени Абулхайра приобрели известные условия для сохранения своей национальности под протекторатом России. Разумеется, никто не смеет утверждать, что рука русских царей была легка, но она казалась значительно мягче, чем руки тех восточных повелителей, в странах которых уцелевший древний общинный быт служил «целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма»³⁷.

Именно с момента закрепления подданства казахский народ, угнетаемый наряду с другими народами

³⁴ ГАОО. Ф. 2 (канцелярии Оренбургской комиссии), д. 10 («Указы из разных мест к тайному советнику Неплюеву 1742 г. присланные»). Л. 76—76 об.

³⁵ Там же. Ф. 3 (Оренбургской губернской канцелярии), д. 19. Л. 117 об.

³⁶ Там же. Д. 12. Л. 34 об.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 183.

России, говоря словами В. И. Ленина, силой дубья и рубля³⁸ постепенно включался в политическую и экономическую систему России. А в XIX в. русский капитализм, расширяясь вглубь и вширь, втянул и Казахстан в «водоворот мирового капитализма»³⁹.

П. И. Рычков, один из основателей Оренбурга и участник всех событий периода правления Неплюева, оставил точное описание этих событий. Его сочинения представляют собой ценнейшие источники по истории русско-казахских отношений XVIII в.

Управление Оренбургской губернией

В начале 1744 г. П. И. Рычков совершил поездку в Москву — первую со времени своего прибытия в Оренбургский край. Он сопровождал Неплюева, вызванного для «обстоятельного доношения» относительно «заграничного дела», а именно «о состоянии киргиз-кайсацкого народа» и «о приведении онаго при случае в успокоение и в прямое подданническое послушание». Из Оренбурга они отправились 5 февраля. В Москве подробно обсуждались все вопросы, связанные с управлением Оренбургским краем, и был одобрен «генеральный план» по русско-казахским отношениям, представленный Неплюевым. Кроме того, были получены распоряжения об «умножении города Оренбурга жителями»: для укрепления оренбургского купечества предписывалось принять и поселить там 200 семей добровольцев «из казанских торговых татар», а также объявлялось, что подлежащие ссылке «люди из положительных купцов или из ремесленников» будут отправляться не в Сибирь, а в Оренбург. Для увеличения оренбургских доходов разрешалось строить в Башкирии горные заводы.

Тогда же было решено преобразовать Оренбургскую комиссию в губернию. Указ об образовании новой губернии с центром в Оренбурге был подписан 15 марта 1744 г. Губернатором назначался И. И. Неплюев. Ему поручалось управление Башкирией и ведение всех пограничных дел.

Накануне подписания указа Неплюев и сопровождавшие его лица выехали из Москвы в Оренбург. Путешествие оказалось очень трудным и долгим из-за весен-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 261.

³⁹ Там же. Т. 4. С. 76.

ней распутицы. До Арзамаса добрались только 18 марта и застряли здесь на две недели. Попытка продолжать путь закончилась неудачей — «великое и ужасное разлитие вод» заставило вернуться и дожидаться, пока реки войдут в берега. Из Арзамаса удалось выехать только 2 апреля. Через неделю, 10 апреля, прибыли в Ставрополь — первый город Оренбургской губернии.

Не теряя возможности лишний раз проверить линии укреплений, Неплюев далее проехал по Закамской линии и затем по новой дороге, проложенной от Оренбурга до Казани, чтобы лично осмотреть места, «к поселению деревень назначенные». По старому же тракту, ведущему от Самары к Оренбургу, т. е. по Самарской линии, он отправил П. И. Рычкова «для осмотра крепостей и тутошних жителей». Вернувшись в Оренбург 26 апреля, Неплюев «учинил определения» по результатам проведенной ревизии. Рычков сделал свое «представление» 8 мая, и оно было обстоятельно рассмотрено.

Канцелярия Оренбургской комиссии после выхода указа об образовании губернии стала называться Оренбургской губернской канцелярией. Официальное сообщение об этом указе, вышедшее 30 апреля 1744 г., подписано Петром Рычковым, протоколистом Стефаном Ивановым и канцеляристом Петром Поликарповым⁴⁰.

Служебные дела П. И. Рычкова были разнообразны и порой небезопасны для самой жизни. Такой была командировка в Сорочинскую крепость на Самарской линии, куда его посылали летом того же года. Здесь содержался в качестве аманата сын хана Абулхаира султан Ходжа-Ахмет, а вместе с ним — несколько казахских старшин и прислуга.

Отказ заменить его другим сыном озлобил хана и послужил поводом размолвки с Неплюевым. Ходжа-Ахмет, возбуждаемый отцом, также выражал недовольство, и, по словам Рычкова, «от него... весьма наглые поступки и разные неистовства происходили» [58. С. 79]. Он пытался бежать, а когда побег не удался, хотел «казнить смертью» кого-то из своих старшин — «лучших», как писал Рычков. Султан пришел к этой мысли, якобы «согласясь с некоторыми из бывших при нем подлых людей», и настоятельно требовал от командира крепости исполнения приговора.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 172 (Оренбургского духовного правления), оп. 1, д. 370. Л. 294–295.

Оренбург. Вид
с Самарской
дороги.
Рисунок
Дж. Кэстля

Успокоить Ходжу-Ахмета и тем самым избежать внешнеполитических осложнений — эта ответственная миссия была возложена на П. И. Рычкова. Со своей задачей он справился. В «Определении по делу сына Абулхаира, Ходжи-Ахмет-салтана, в Сорочинской крепости находившегося», которое было подписано 18 июня 1744 г., сказано, что «те ссоры и непорядки прекращены» Неплюевым, фон Штокманом и Рычковым⁴¹. В документе записано, что «асессор Рычков и при нем есаул (Ахмет) Кутлумбетъ», которые были «посылаемы» в Сороченскую крепость, выяснили, что два человека из свиты султана, Мергене Кашка и Касай, занимались «плутовством», «подусечениями и советами», устраивали ссоры с «его же людьми». Конфликт был исчерпан. Зимой, 28 декабря, Ходжу-Ахмета отправили в Москву [58. С. 79], а затем в Казань, куда из Оренбурга была доставлена и его жена. Летом 1748 г. при свидании с Тевкелевым в Орске Абулхаир заменил Ходжу-Ахмета другим сыном, «от настоящей его жены Пупай Ханши», Айчуваком [58. С. 87].

В конце 1744 г. П. И. Рычков совершил еще одну поездку по губернии, сопровождая Неплюева в Уфу, где для разбора склоки между тамошними чиновниками была создана следственная комиссия. Из-за непрекращавшихся взаимных обвинений ее работа оказалась безуспешной, вице-губернатор П. Д. Аксаков был отозван для дальнейшего следствия в Москву, а Неплюев, поручив командование в Оренбурге фон Штокману, 6 декабря выехал в Уфу, намереваясь лично разобраться в делах и «против прежнего с лутчем основанием порядки учинить» [58. С. 80].

В Уфе с чиновниками и башкирскими старшинами были проведены «разные изъяснения» об их обязанностях и от них приняты заявления о нуждах, о чем сообщалось в Сенат 19 января 1745 г.

Особо рассматривался вопрос о привлечении на государственную службу «иноверцев». На башкирских землях к этому времени оказалось немало «тептярей и бобылей» — беглых татар, чувашей, мордвы, вотяков (удмуртов). Они использовались не на военной службе, как башкиры и мещеряки, а на строительных работах в Оренбурге и других крепостях. На совещании был

⁴¹ Там же. Ф. 3, оп. 1, 2 («Определения 1744 г.»). Л. 165–168 об.

установлен «порядок к порядку» на эти работы и число рекрутируемых из определенного числа дворов для каждой народности.

Среди задач, стоящих перед Оренбургской губернской канцелярией, особое значение в то время приобретало изучение и промышленное освоение природных богатств края. Намереваясь извлекать государственный доход из добычи полезных ископаемых, Неплюев обратил внимание на кристаллическую озерную соль, которой, как обнаружилось, был весьма богат вверенный ему край. Мысль о монополии на соль с похвалой восприняло правительство.

Летом 1744 г. в Петербург были отправлены все разновидности оренбургских, пермских, астраханских солей. Было решено передать их для анализа в Академию наук. Это задание получил адъюнкт М. В. Ломоносов, который и раньше участвовал в трудах по соляному делу. Его призвали в Кабинет министров и поручили «пробовать разных 10 солей Российских и сверх того Ишпанскую, для сравнения в их доброте» [255. С. 376—380].

Но тут выяснилось, что адъюнкт не может провести анализ солей ввиду отсутствия лаборатории. По возвращении из Германии в 1741 г. Ломоносов «двоекратно» подавал представление об учреждении химической лаборатории при Академии наук, «однако, на те мои представления, — писал он, — не učinено никакого решения» [126. С. 58]. Теперь же, имея правительственный наказ об анализе солей, Ломоносов 5 февраля 1745 г. рапортует в Канцелярию академии о срочной необходимости приобрести для этой цели некоторое количество лабораторного материала; Канцелярия академии выдала ему 30 р. «на счет Кабинета» [256. Т. 5. С. 14].

Спустя два-три дня начался тщательный анализ всех доставленных солей, продолжавшийся более недели. Результаты исследования Ломоносов изложил 18 февраля в девяти пунктах (на четырех страницах или на двух архивных листах) «всеподданнейшего рапорта», хранящегося в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в Москве⁴². Ученый сообщал: «Сего фев-

⁴² ЦГАДА. Ф. гос. архива, разряд 16 («Бумаги Оренбургской губернской канцелярии и письма Н. И. Неплюева и других об Илецкой соли, о торговле с Азией, бухарцах и пр.»), д. 808. Л. 114—116, 150—152.

раля 2 числа даны мне из Кабинета разные соли для пробования их крепости и доброты одной против другой, также и гирьяльская слюда. И оные соли и слюда мною пробованы, а в пробе явились следующей крепости и доброты».

За этим следует исчерпывающая характеристика «илецкой натуральной соли», которая, как полагал Ломоносов, «всех прочих солей тверже и, будучи мелко истолчена, получает очень белый цвет и с воздуха в себя влажности отнюдь не притягивает». Исследование ее свойств приводит к выводу, что «надобно сию соль в твердости, силе и споризне предпочесть прочим солям» [265. Т. 5. С. 255].

Столь же основательно исследовал Ломоносов другой сорт соли («соль илецкая, Сердце») и оренбургскую «слюду» — кристаллический гипс, добытый из горы Гирьял, в 110 км от Оренбурга.

Ломоносовские анализы, с одной стороны, определили народнохозяйственное значение солей, а с другой — стимулировали развитие химии в Академии наук.

В марте 1745 г., спустя месяц после анализа солей, Ломоносов писал в Академию наук: «И хотя имею я усердное желание в химических трудах управляться и тем Отечеству честь и пользу приносить, однако без лаборатории принужден только одним чтением химических книг и теориею довольствоваться, а практику почти вовсе оставить и для того от ней со временем отвыкнуть. Того ради... третично покорнейше прошу... учредить Химическую лабораторию с принадлежащими к тому инструментами и материалами» [265. Т. 9. С. 15]. Здесь же Ломоносов предлагал план и проект лаборатории. По этому плану она была построена и оснащена осенью 1748 г.

После того как «всеподданейший репорт» об анализе солей, переписанный собственноручно и скрепленный подписью «Адъюнкт Михайла Ломоносов», был подан, Кабинету вскоре понадобились новые консультации. Встал вопрос о реальных преимуществах оренбургских солей перед заморскими, о возможности объявления казенной монополии на них. В связи с этим М. В. Ломоносов 5 марта того же года снова «репортует» в Кабинет с представлением анализа «шпанских, сантутских и заморских» солей для сопоставления с опробованными «прежде сего российскими солями» [265. Т. 5. С. 261].

Он заверяет и на этот раз, что Илецкая соль по своим высоким качествам не имеет себе равной.

В Оренбурге на основании результатов анализа солей было решено начать разработку Илецкого соляного месторождения. В начале 1746 г., как пишет П. И. Рычков, «имелось рассуждение о добывании Илецкой соли и о построении на том месте, где она родится, от Оренбурга в степь за реку Яик 62 версты, крепости» [58. С. 83]. Так возник современный город Соль-Илецк. 4 марта в Сенат было «представление учинено», с тем чтобы получить разрешение на вывоз соли по казенной цене «через Оренбург во все внутренние города, как для всенародной, так и для Оренбургской особливой пользы» [91].

При И. И. Неплюеве была продолжена и широко развернута начатая И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым работа по «прииску рудных мест», добыче металла и строительству железоделательных и медеплавильных заводов. Строились стеклянные и винокуренные заводы. Были открыты и начали разрабатываться глины, пригодные для выделки фарфора. Полировались камни, добывались селитра, квасцы, алебастр, сера, различные краски, нефть.

Для анализа полезных ископаемых из Оренбургской губернии и позднее не раз обращались к М. В. Ломоносову. Например, в 1752 г. он «опробовал» 31 сорт руд, обнаруженных там кушом И. Зубаревым [265. Т. 6. С. 277—278].

В начале 1746 г. П. И. Рычков по заданию И. И. Неплюева, решившего привести в порядок таможенные дела, составил генеральное определение пяти-шести пунктов «о всем том, что к пользе Оренбургской комерции по нынешнему ее состоянию запотребно», а также «особый тариф с расценкою на все товары, чтоб впредь таможенным управителям самим, не расценивая товаров, но только по оному тарифу пошлины брать». Этой работе, отправленной для рассмотрения в Сенат также 4 марта, он придавал большое значение и специально подчеркивал свое авторство: «К сочинению оного учреждения употреблен был ассессор Рычков, о чем... и в посланном на то доношении представлено» [58. С. 83].

11 марта 1746 г. Неплюев, «взяв с собою ассессора Рычкова», отправился, в Ставрополь (на Волге) к крещеным калмыкам «для утверждения там «порядков... сенатом апробованных» [58. С. 83].

Приходилось выполнять П. И. Рычкову также поручения, связанные с предупреждением и пресечением народных волнений на башкирских землях. Тептяри и бобыли — «иноверцы», сбежавшие из родных мест от податей и рекрутских наборов, поселившись здесь, платили башкирам за всякие угоды большой денежный оброк. Число их увеличивалось настолько, что этот оброк значительно превысил тот ясачный оклад, какой должны были вносить в казну за свои земли башкиры. Таким образом, они стали сильно наживаться на поселившихся на их земле людях, которых они рассматривали как своих крепостных. По словам Рычкова, они «почти за своих крестьян их почитали» [58. С. 84]. Чтобы воспрепятствовать этому и пресечь побег и иноверцев из родных мест, было решено обложить их здесь ясаком по 80 коп. с души и с каждых пяти дворов наряжать по одному человеку в близлежащие крепости, «к городovým строениям». Соответствующий указ Сената был подписан 11 мая 1748 г. Известия о том, что отныне придется платить один ясак в казну, а другой, необъявленный, башкирам, вызвало «замешательство» и желание не платить никому. По словам Рычкова, возглавил недовольных «черемесянин Нурка Борисов», призывавший «всем быть за одно» и требовать выяснений, послав прошение ко двору [58. С. 85].

Для «скорейшего прекращения оных замешательств» на Осинскую дорогу, где в деревне Тагаевой происходили волнения, были отправлены войска, а в Уфимскую провинциальную канцелярию «за особливую нужность признано» было послать человека, опытного в подобных делах и имеющего в них «экспериментацию». Этим необходимым в «тогдашних строгих обстоятельствах» человеком, который мог стать уфимскому воеводе полковнику Люткину «во всех советах и диспозициях добрым помощником», был ассессор П. И. Рычков.

Во время пребывания в Уфе летом 1747 г. он всячески содействовал тому, чтобы выполнялось решение: «Без крайней нужды и без явных противностей никакой строгости не употреблять и кровопролития не чинить» [58. С. 85—87]. Было решено повсеместно «истолковать» указ и объяснить, что «тот ясак на них наложен с увольнением их не только от всяких других податей, но и от рекрутских наборов». По-видимому, эту миссию Рычков и другие посланцы Неплюева выполнили с опре-

деленным успехом, так как уже в августе половина ясака была собрана и сдана в казну, зачинщики волнений наказаны, а старшины, содействовавшие умиротворению, награждены. Сообщение П. И. Рычкова, непосредственного участника событий, наряду с хранящимися в архиве Сената указами и донесениями послужило документальной основой описания народных волнений в Уфимской провинции в 1747 г., которое впоследствии дал В. Н. Витевский [149. Т. 2 С. 424—447].

В конце 1748 г. Рычков сопровождал Неплюева в Яицкий городок (в настоящее время г. Уральск) для ознакомления с административным и военным устройством яицкого казачества, пользовавшегося самоуправлением и доставлявшего правительству немалые беспокойства. На основании полученных в этой поездке материалов Неплюев составил проект преобразования Яицкого войска, которым предусматривалось упорядочить управление и подчинить казачество центральной власти [149. Т. 2. С. 299—317]. Находясь в Яицком городке три недели (4—22 ноября), Неплюев и Рычков учинили «генеральное определение и штат, в каком числе оному войску состоять», и отправили их на рассмотрение в Военную коллегию⁴³.

Между тем для Оренбургской губернской канцелярии все большее значение приобретали заграничные торговые дела и русско-казахские отношения, которые оставались напряженными. Рычков как ближайший советник Неплюева участвовал в разработке неплюевского «запасного плана» — мероприятий на случай нападения казахов на пограничную линию и русские поселения. Он был обязательным участником всех конференций, дипломатических собеседований и торжественных встреч в Оренбурге⁴⁴.

На протяжении всей его деятельности высшее начальство вежливо и снисходительно встречало и принимало знатных представителей казахских родов и среднеазиатских ханств. Так было и 8 июля 1749 г., когда состоялась официальная встреча Неплюева с новым казахским ханом Нурали, остановившимся в своем лагере за Яиком, в 5 верстах от Оренбурга. Другой лагерь был разбит у города, у самого Яика, на левой (бухарской) стороне. Здесь, как только хан подъехал в неплю-

⁴³ ГАОО. Ф. 172, оп. 1, д. 944.

⁴⁴ Там же. Д. 1447. Л. 1—5.

евской карете, состоялся парад драгунской команды и всего гарнизона с пушечной пальбой. Правитель края в окружении штаб-офицеров встретил хана по тому этикету, по какому встречали его отца Абулхайра. После короткого разговора Неплюева с ханом и бывшими при нем султанами и старшинами вперед вышел Рычков и перед всем народом громко прочел пожалованный Нурали патент на ханство и грамоту о возведении его в ханское достоинство. Толмач Гуляев перевел его речь на татарский язык, после чего на хана надели дорогую шубу и шапку и опоясали поясом с саблей. Нуралихан, опустившись на колени на разостланный золотой ковер, торжественно «присягу верности учинил», а затем последовали поздравления и пиршество — «пребогатый трапезник» с тостами и пушечной пальбой.

В состоявшихся после этого переговорах участники, не доверяя друг другу, старались не дать связывающих обещаний и не действовать себе в ущерб. Обсуждался вопрос о замене султана Айчувака в качестве аманата другим ханским братом, Адилем, что и было совершено. Нурали требовал войска для мести за смерть отца, но получил уклончивый ответ, означавший отказ. Рассматривался также проект-предложение Нурали о памятнике на могиле Абулхайра, но Неплюев снова уклонился от положительного ответа, так как считал, что дети убитого хана требовали этого, «токмо для своего усильства над народом и для одного тщеславия своего» [58. С. 90]. В дальнейшем Неплюев предложил Нурали построить для него крепость на реках Илеке или Эмбе, перенеся туда гробницу Абулхайра.

Отношения с казахами грозили обостриться из-за планов Нурали породниться с джунгарским владельцем, выдав за него свою сестру, из-за русских пленных, которых казахи, несмотря на обещания, не возвращали. Следующая встреча Неплюева с сыновьями Абулхайра, в которой участвовал и А. И. Тевкелев, состоялась в Оренбурге летом 1750 г. На ней спорные вопросы были обсуждены и в какой-то степени урегулированы.

Организация торговли со странами Азии

Оренбург с момента своего основания становится международной ярмаркой Востока, или, как образно выразился П. И. Рычков, «пристанцем и портом толь многим азиатским народам» [56. С. 138].

Русская колонизация Заволжья и Приуралья совпала со временем яростной борьбы капиталистических стран Западной Европы за колонии в заморских странах. Доминирующее положение в этой борьбе занимала Англия. Владычица морей, могущественная торговая и колониальная держава подавляла военной силой всех своих соперников на европейском континенте и в отдаленной Индии. Большой интерес Англия проявляла к России, географическое положение и возрастающая мощь которой внушали ей постоянную тревогу. Опасения усилились после экспедиций Бухгольца и Бековича-Черкасского, в задачу которых входило «до Индии путь водяной сыскать» и властителей Бухары и Хивы к подданству России склонить. Так, царь Петр 13 мая 1716 г. писал Бековичу-Черкасскому, что если хивинцы в подданстве не пожелают быть, то в «дружбе чаю не откажут» [385. Кн. 4. С. 646—651]. Англичане же ошибочно видели здесь стремление русского правительства покорить военной силой эти страны и монополизировать восточную торговлю. Разорвав в 1714 г. дипломатические отношения с Россией, Англия провоцировала Турцию оружием остановить русских на Востоке, обещая денежную помощь.

Однако в то же время английские купцы стремились возродить право на транзитную торговлю со странами Востока по волжскому пути, которым они пользовались в «Московии» с 1556 по 1649 г. Именно под их давлением в 1728 г. восстанавливаются англо-русские отношения, прерванные в Северную войну [373. Т. 80. С. 567]. Русскому послу в Англии Антиоху Кантемиру, прибывшему туда в 1732 г., не замедлили предложить проекты «об изыскании корабельному ходу до Архангельского города... в Японию, Китай, Индию и Америку». Бездействовавшая английская фактория в Петербурге, представлявшая интересы британского купечества из «Российской торговой компании», в начале 1733 г. хлопочет перед королем об установлении через Россию транзитного торгового с Ираном для вывоза оттуда шелка и о необходимости заключения торгового трактата с Россией.

2 декабря 1734 г. был подписан англо-русский «трактат дружбы и коммерции» на 15 лет, выгоды от которого пожинала в первую очередь Англия. Английские купцы получили неограниченное право на свободный транзит своих товаров через Россию в Иран и иранских

в Англию с платежом проезжей пошлины в размере 3% от ценности товаров. Во внешней торговле России англичане занимали теперь первое место. Они посещали все русские гавани, половина оборота русской торговли была в их руках. С заключением англо-русского договора в Россию устремились английские купцы и их агенты — военнослужащие, инженеры и т. д. Их устройству на русской службе содействовали дипломаты, правительство и сам король Георг II [373. Т. 76. С. 435; Т. 80. С. 566].

Особое внимание англичан было приковано к юго-восточным окраинам России, где их торговая активность проявилась в 30—40-х годах XVIII в. с явной очевидностью. Указанный факт, не получивший обстоятельного освещения в литературе, был раскрыт нами [291] на новом документальном материале, который показывает, что участие англичан в Оренбургской экспедиции (комиссии) не было случайным. Эти документы непосредственно связаны с П. И. Рычковым.

Перспектива прямого транзитного пути из Оренбурга через Казахстан в среднеазиатские страны и Индию сближала в то время интересы русского правительства и предприимчивых англичан. Поэтому оренбургские деятели не пренебрегали их инициативой и «через них приводили в исполнение свои расчеты». Об этом свидетельствует, например, попытка отправить в Индию в качестве русского посла англичанина Джона Кэстля.

Кэстль, принятый на службу в экспедицию Кирилова в качестве художника в 1734 г., исколесил Башкирию, значительную часть казахской степи и нового Оренбургского края. Длительное время он жил в строившемся Оренбурге (Орске), вошел в доверие к находившимся здесь казахским старшинам и султану Эрали настолько, что решился совершить по собственной инициативе путешествие в казахскую степь к хану Абулхаиру. Учтивым поведением и вежливостью художник до того расположил к себе правителя казахов, что тот предложил ему совершить поездку в Бухару в роли русско-казахского посла.

Кэстль обратил свои помыслы на выяснение возможностей проникновения через казахскую степь в страны Востока. Он исчисляет «ближайший путь» от Оренбурга (на р. Ори) к Аральскому морю в 14 дней верховой езды, а затем через Сырдарью и Бухару в Индию. Предложение отправиться в Индию в качестве русско-

го посла было отклонено им по одним лишь меркантильным соображениям [285].

В том же духе действовал в Оренбургской экспедиции Джон Эльтон. Познакомившись в 1732 г. в Лондоне с русским послом, он обещал России «не малой авантаж» от китовой и рыбной ловли, которую собирался завести в Архангельском порту, и сулил «сыскать безопасную морскую дорогу в Япон, в Хину и в Америку» за 12 тыс. фунтов стерлингов. В мае 1734 г. Эльтон, как сказано выше, уже числился в «росписи людей» Оренбургской экспедиции в качестве математика и астронома. Однако с экспедицией в Уфу он не поехал и манкировал службой целый год до специального сенатского распоряжения 16 марта 1735 г. [373. Т. 3. С. 94].

Находясь почти четыре года под начальством Кирилова, а с 1737 г. Татищева, Эльтон был в числе строителей крепостей края (Тевкелева брода, Переволоки, Татищевской пристани, Черноречья, Бердской, Губерлинской, Ельшанской) и измерял верховья Яика [347. С. 190]. Его поездка под видом купца для изучения Аральского моря, где собирались завести флотилию, не состоялась [259. С. 128]. Как писал Татищев Остерману 29 января 1739 г., «бывший для географического описания капитан Эльтон отпущен из службы» без всякой характеристики со стороны начальника. В феврале он просил уже «абшида по рангу», собираясь из Петербурга в иностранные государства [373. Т. 126. С. 81, 317].

По сведениям английского купца Ганвея [436. С. 9—10], Эльтон не выполнил данных ему в Оренбургской экспедиции поручений, в том числе по исследованию Аральского моря, якобы из-за башкирских восстаний; зато из наблюдений и бесед он пришел к выводу, что «безопасная и легкая дорога в Бухару» лежит не через казахские степи, а «внизу по реке Волге, затем через Каспийское море и Астрабад или какой-нибудь другой порт в юго-восточной части Каспийского моря». Решив посетить Бухару и поехать «к черным калмыкам», к востоку от Хивы, «откуда золото и другие ценные товары привозились в Европу», он оставил Россию «с некоторой злостью, потому что не был выдвинут так, как он этого ожидал», и перешел на службу в «Российскую торговую компанию». Компания и торговала, и тщательно разведывала пути для установления торговой гегемонии Англии в Казахстане и Средней Азии, на Каспийском море и в Иране.

Из опубликованного дневника Эльтона известно, что в 1739 г. он с несколькими английскими купцами установил торговлю с Ираном через Астрахань [436. С. 11—14]. Составив проект англо-иранской торговли через Россию, он получил от шаха право на продажу английских товаров с невысокой пошлиной на всех иранских рынках. Проект Эльтона, вернувшегося из Ирана в 1740 г., встретил поддержку у Бирона. Его утвердил и английский парламент с условием, чтобы иранский шелк обменивался на английские шерстяные товары. Английские купцы в 1740—1741 г. получили разрешение построить на верфях в Казани корабль, снабдить его пушками, порохом, ремонтировать на русских казенных верфях, провозить на нем в Иран олово, свинец и пр. В 1742 г. под присмотром Эльтона он вышел в Каспийское море [436. С. 10].

Однако торговля с Ираном через Россию продолжалась недолго, в значительной мере из-за действий Эльтона, который мотивировал их в переписке «британскими и моими интересами». Так как в донесениях резидентов из Астрахани сообщалось, что англичане, проживавшие там, иранскому шаху в «бесстрашии» помогают и «с презрением о российской стороне толкуют и внушают» [347. С. 384—416], в 1744 г. против Эльтона были приняты строгие меры со стороны русского правительства и английского короля, а 23 ноября 1746 г., по решению Сената, торговля англичан с Ираном через Россию была окончательно запрещена.

Более активную роль в 30—40-е годы XVIII в. в Казахстане играли английские купцы, связанные с «Российской торговой компанией», — Р. Гокк, Г. Томсон и др. Наиболее предприимчивым и энергичным из них был Роман (Реональд) Гокк. Коммерческий интерес купца сосредоточился первоначально на верблюжьей шерсти, после того как в декабре 1738 г. Татищев впервые отправил ее из Оренбурга в Петербург [373. Т. 124. С. 486].

В январе 1739 г. Гокк просил предоставить ему право на покупку шерсти в Оренбурге и других «тамошних местах» на пять лет с платежом обычной русской пошлины [373. Т. 126. С. 56], но Коммерц-коллегия предпочла отдать ее «в вольный торг» русским и иностранным купцам, «а не одному английскому купцу Гокку» [373. Т. 130. С. 97].

Эти неудачи не остановили его. Он уехал из Петербурга в Оренбургский край (в Самару), чтобы оттуда отправиться со своим товаром в Хиву и Бухару, действуя под видом официального лица, облеченного доверием и полномочиями России. Извещая об этом Кабинет министров, начальник Оренбургской комиссии В. А. Урусов спрашивал, не стоит ли вместе с Гокком послать «для примечаний знающего татарский язык» в случае получения им правительственного позволения на отъезд за границу [373. Т. 130. С. 652—653].

Путешествие Гокка длилось ровно год. Он вернулся в Самару в начале июля 1741 г., где в канцелярии Оренбургской комиссии детально поведал о своем странствии, учинив «о тамошних своих усмотрениях объявление». Оно составлено и подписано секретарем Петром Рычковым, подполковником Михаилом Куроедовым и асессором Петром Батовым⁴⁵.

По словам Гокка, для русских купцов караванная торговля в Хиве может быть выгодна при условии «охранения» ее казахскими владельцами. Гокк сообщил любопытные сведения о том, что казахи, закупая на Оренбургском торге товары, возят их к каракалпакам «и тем прибыль себе получают». Однако каракалпакам выгоднее сноситься непосредственно с Россией⁴⁶. Оренбургским администраторам англичанин рекомендовал завести на Аральском море торговую пристань. Тогда можно было бы, полагал он, «все торги привлечь к российской стороне»; сюда пошел бы даже ремень из Джунгарии, в связи с чем его провоз «в Персию и Турцию легко пересечся может»⁴⁷.

Не выпали из поля зрения Гокка и некоторые политические настроения обитателей степи. Хотя обстоятельных разговоров с ханом Абулхаиром у него не было, купец, однако, узнал от находящегося при нем абыза, что хан намерен построить город на реке Сырдарье. Осведомился он и о том, что казахи, ссорящиеся с каракалпаками, не собираются пропускать их послов в Оренбург, чтобы те «от России помощи себе не выпросили и тем бы против кайсаков не усилились»⁴⁸.

⁴⁵ АВПр. Ф. «Хивинские дела», 1741 («Возвратный из Хивы в Оренбург приезд английского купца Романа Гокка»), д. 2. Л. 1—6.

⁴⁶ Там же. Л. 3 об., 4 об., 7.

⁴⁷ Там же. Л. 5.

⁴⁸ Там же. Л. 7 об., 8, 9 об.

В канцелярии Оренбургской комиссии англичанин заслужил похвалу, которая воодушевила его на новое путешествие через казахскую степь к каракалпакам. Теперь предприимчивый купец решил легализовать свои торговые и разведывательные действия в степи от лица России, добываясь чуть ли не посольских полномочий.

Оренбургская комиссия склонна была удовлетворить требования Гокка, но в «доверенности посольской» отказала. Ему рекомендовалось прежде всего «высмотреть совершенно», как живут, чем торгуют каракалпаки и «как лежат земли их», главное же — где и каким образом на Аральском море «пристань сделать удобнее». Ему вменили в обязанность всячески рекламировать оренбургскую торговлю среди купцов, «чтоб сей путь в знание привести». В одиннадцати пунктах наставления велено подробно описывать горы, реки и речки, озера и озерки, а расстояние предлагалось хотя бы по «часам счислять», внимательно осмотреть землю у Аральского моря, выяснив, годна ли она к хлебопашеству, и все места, где предполагается основать пристань. Стараться, наконец, привлечь каракалпакских старшин к торговле и склонять их к приезду в Оренбург⁴⁹.

Оренбургские деятели придавали большое значение открытию международной караванной торговли в новом крае и не пренебрегали никакими мерами для ее развития. После ограбления первых русских караванов, шедших под военным прикрытием, торговлю в казахской степи и за ее пределами считали некоторое время рискованной и бесполезной. Поэтому новую инициативу Гокка, без страха пускавшего в далекое странствие «для совершеннейшего познания тамошних купеческих состояний», оценили как действие, которое вполне совместимо с интересами России и с «высочайшими указами о распространении торгов сходственно». По крайней мере, так освещали дело Петр Рычков и Михаил Куроедов, уведомляя 3 августа 1741 г. Петербург о том, что англичанин отправился в степь 29 июня.

И снова Гокк, признанный в своем деле «довольно искусным и старательным», путешествует по степи почти целый год⁵⁰. Он побывал у султана Батыра,

⁴⁹ Там же. Л. 11—12 об., 23—25 об.

⁵⁰ Там же. Л. 1—2 об.

у хана Абулхаира и остановился на время у каракалпакского старшины Уразак-батыра. Последний получил от купца писанную «привилегию» на торговые права Оренбурга, письмо Джанбека, изъявил согласие на торговлю в Оренбурге и на отправление Гокка «водяным ходом» по Аральскому морю в Хиву.

Принятый «ласково» каракалпаками, англичанин ознакомился с их бытом и настроениями, пытался проникнуть в смысл казахско-джунгарских, казахско-туркменских и ирано-джунгарских отношений. Он виделся с послами Джунгарии, наблюдал колебания казахских старшин, советовавших хану Абулхаиру, чтобы тот «удалялся» со своими юртами от России подальше. Гокк останавливался у султана Батыра, который якобы «больше чести имеет» в Малой орде, нежели хан Абулхаир, и проявляет к России «доброе намерение и ревность». Иностранцу говорили, что иранский шах Надир среднеазиатские народы «весьма к себе приласкивает», что будто бы хивинцы и бухарцы под его властью «живут очень легко», что к нему тяготеют и аральцы, и каракалпаки [229. С. 206].

Все эти сведения, записанные со слов Гокка в Оренбургской комиссии 13 июня 1742 г., во многих отношениях неточны, а в оценке умонастроений степных народов весьма пристрастны. Тем не менее они были высоко оценены.

В целях извлечения государственных доходов и торговой прибыли для купцов правительство и власти на местах организовали, кодифицировали и поощряли торговлю, вовлекали в нее энергичных и предприимчивых людей из татар. Летом 1741 г. вятский татарин Шубай Арасланов вместе с курским купцом Семеном Дроздовым и казанским татаринном Мансуром Юсуповым отправились в Ташкент, составив впоследствии «сказку» о своей поездке, более содержательную, чем донесения Гокка [296].

Уже в первое десятилетие оренбургская торговля показала свою притягательную силу для среднеазиатских народов. Наблюдательный Рычков не поддавался иллюзиям, когда категорически утверждал, что «во всей Восточной Индии жительствующие народы надобные им российские и прочие европейские товары ни откуда толь прямо и дешево получить не могут, как из Оренбурга чрез Бухарию» по недавно проложенному пути [56. С. 232]. Спустя десятилетие после того, как

в 1745 г. «знатный торг в Оренбурге возымел начало» [313. С. 139], по свидетельству Рычкова, «индийские товары и тамошние дорогие камни в нарочитом числе являются сюда» [56. С. 138].

Оренбургская торговля индийскими товарами на Меновом и Гостином дворах была значительной уже в первые годы. Это видно отчасти на примере хлопчатобумажных и шерстяных тканей [103. С. 268, 274—275]. Привозимые в Оренбург индийские белые алмазы, яхонты красные и зеленые, жемчуг и другие драгоценности не облагались никакой пошлиной⁵¹. Более всего из индийских товаров ценились в России алмазы, как «наилучшие и самые крепчайшие из драгоценных и блистательных камней». На Оренбургскую ярмарку их «ежегодно» в немалом количестве доставляли бухарцы из Восточной Индии. Как свидетельствует П. И. Рычков, эти индийские алмазы, в большинстве случаев «неграненные или худую грань имеющие», отправлялись для отделки из России в Англию [68. Л. 17]. Кроме того, наряду с широкими бумажными полотнами, шелковыми и полушелковыми «парчицами» индийского производства на Оренбургский рынок в середине века поступало в огромном количестве награбленное иранским шахом Надиром и разбазаренное после его убийства (1747 г.) золото и серебро «по большей части» в виде индийских, бухарских и иранских монет [56. С. 231].

Закупаемые в Индии драгоценности шли нередко из Оренбурга прямо к русскому двору. Бухарские эмиры, направляя послов в Россию с жалобами на помехи, чинимые в степи казаками, также посылали в виде подарков русским монархам индийские драгоценности⁵². Бухара в силу географического положения была аккумулятором товарных продуктов стран Востока в XVIII в., а ее жители считались «торговейшим народом Азии». Драгоценные индийские камни и прекрасные набивные ткани из Декана в редких случаях доставлялись в Оренбург самими индийцами. Товарообмен происходил главным образом в Бухаре, где индийские товары закупали оптом и в розницу преимущественно бухарские купцы.

Так, преодолевая опасности в казахской степи, с 1745 г. около 30 лет, торговал с Россией и пропаган-

⁵¹ ГАОО. Ф. 3, д. 68. Л. 72—73.

⁵² Там же. Л. 154. Л. 15—17.

дировал выгоды оренбургской торговли «не только в Бухарии и в Индии, но и в других тамошних местах околичных» бухарский посланник, купец, караванбаши, мулла Ирназар Максютов [425]. За привоз на оренбургский торг и в столичные города «азиатских и индийских парчей, каменьев и прочих товаров», а также за то, что он «не только бухарцев, но несколько и индийских к оренбургскому торгу склонил», правительство ставило купца Максютова в преимущественное положение перед всеми другими и неоднократно награждало его⁵³. Воздавалась «похвала» Максютову также за «выручение» и доставку в Оренбург 20 русских невольников, томившихся в Хиве и Бухаре. Как писала Коллегия иностранных дел, он показал этим «особенную преданность» России и в то же время «сделал честь своей нации».

На торговле индийскими драгоценностями специализировались и такие бухарские купцы, как Ази Ниязкулов с пятью товарищами, Едигер Бакимаматов, Ази Курбанбазаров и др. Все это убеждало в возможности открытия безопасного пути «из самого Индостана, то есть из Восточной Индии, сюда или отсель туда» [56. С. 138], и оренбургские администраторы стремились учредить торговую компанию, установить со среднеазиатскими странами «добрую корреспонденцию», содержать в Оренбурге даже бухарских и хивинских «консулей или комиссаров», поощрять «приманивание» русских и зарубежных купцов.

Оренбургские правители и деятельный татарский купец Сеит Хаялин, основатель Сеитовской (Каргалинской) слободы⁵⁴, задумали проложить караванный путь из Оренбурга до самой Индии. Составленный по их предложениям проект торговой компании, утвержденный правительством в 1751 г., остался, однако, без исполнения [149. Т. 2. С. 826—835]. Караванная торговля была еще слишком неустойчивой и рискованной. Тем не менее оренбургские (каргалинские) татары играли весьма заметную роль в передвижении товарной продукции народов России и Востока, в развитии караванной торговли со среднеазиатскими странами и Индией в XVIII в. Действуя в качестве посредников

⁵³ Там же. Д. 80. Л. 5—6; Д. 154. Л. 68—73.

⁵⁴ Пригород Каргала (населен в 1744 г. казанскими татарами), находящийся в 18 верстах от нынешнего Оренбурга, построенного в 1743 г.

или приказчиков крупного купечества и преодолевая все трудности пути, они настойчиво достигали цели.

В 1753 г. каргалинские татары Надыр Саферов и Якуб Ягоферов совершают четвертое по счету (после Афанасия Никитина, Леонтия Юдина и Семена Маленького, торговавших в стране Великих Моголов в XV и XVII вв.) и первое в XVIII в. путешествие из Оренбурга через Бухару в Индию. Они первые прошли по новому географическому пути, пронесли с собою произведения растущей национальной промышленности России, возбудили интерес у народов великой страны к товарной продукции своей родины [296].

С 1750 г. Неплюев и его сотрудники усиленно работали над «представлениями о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские земли, яко то в Балх, Бадакшан и в протчие к Восточной Индии принадлежащие места» [58. С. 92]. По мысли авторов проекта, следовало учредить коммерческую компанию с монопольным правом на торговлю со странами Азии. Предполагалось, что компания, состоящая из крупных купцов, учредит свои представительства в Хиве и Бухаре [300. Т. 4. С. 485].

Как пишет П. И. Рычков в «Записках», он был «употреблен» при этих представлениях, т. е. принимал в их разработке самое активное участие. Коммерция, ее история и перспективы развития интересовали его давно. Еще в 1749 г. он отправил сочинение «О торгах русских и промыслах» Татищеву, который в письме, датированном февралем 1750 г., высказал свои критические замечания [334. С. 19—20]. В ответном письме (май 1750 г.) Рычков благодарил за них, обещая «неисправности... поправить и недостатки пополнить» [334. С. 23]. В результате серьезной работы в 1763 г. появилось его «Мнение о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские страны и о средствах, к тому надлежащих» [69].

«Представление» приобрело реальные формы к концу 1750 г., и 21 января 1751 г. был подписан «рескрипт» Неплюеву, разрешающий ему поездку в Петербург, а «правление здешних губернских и заграничных дел велело поручить обретавшемуся тогда в Оренбурге бригадиру Тевкелеву» [84. АЛО ИИ АН СССР. Л. 317]. С Неплюевым отправился в столицу и П. И. Рычков⁵⁵.

⁵⁵ ЦГАДА: Путеводитель. М., 1946. С. 96.

В Сенате и Иностранной коллегии проект был принят благосклонно. Для его осуществления избрали П. И. Рычкова — «как знающего все те дела и порядки» [334. С. 32]. Предполагалось, что он должен лично выехать в Среднюю Азию для установления торговых контактов с правителями Хивы и Бухары. Постановление об этом было вынесено 28 апреля 1752 г., и отправлено в Оренбург вместе с сопроводительным письмом от канцлера А. П. Бестужева-Рюмина к хану Нурали⁵⁶. Однако вскоре это решение было отменено и П. И. Рычков «для других резонов и нужнейших надобностей... удержан при тайном советнике Неплюеве» [334. С. 32]. В Оренбург пошел указ от 27 мая «об отправлении в Хиву и Бухару нарочного для основания коммерции, кроме г-на коллежского советника Рычкова»⁵⁷. В указе говорилось, что, «понеже оной советник Рычков по бытности его сначала в той губернии состояния всех по оной происходимых дел и обстоятельств сведущ» и, кроме того, при Неплюеве «товарищем один состоит», его отъезд признан нежелательным: в случае болезни губернатора «или какой оказии от такого ево советника отлучения и в делах произойти может остановка и упущение».

Спустя год, 29 апреля 1753 г., в письме Неплюеву, подписанном А. П. Бестужевым-Рюминым и М. Р. Воронцовым, сообщалось: «28 апреля 1752 г. повелено вам для восстановления с Хивой и Бухариею о коммерции согласия отправить туда советника Рычкова, чего ради и листы к ханам тех мест от канцлера при том к вам присланы, но потом Правительствующий сенат ту ево Рычкова посылку... изменил, а определили, чтоб для того выбрать кого другого»⁵⁸. Поскольку за прошедшее время дело не сдвинулось, а проект Рычкова «о расширении оренбургской коммерции» сохранял свою ценность, Неплюеву предлагалось сообщить, «кого бы вы из команды вашей за способнейшего в сию посылку употребить признавали». Ему будут присланы, — говорилось далее, — новые письма к ханам, поскольку прежние «по прошествии толь долгого времени отправлять к ним уже непристойно».

⁵⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 27. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Л. 100—100 об.

⁵⁸ Там же. Л. 131—131 об.

Однако, по-видимому, человека, способного заметить П. И. Рычкова в этом ответственном предприятии, так и не нашлось.

Домашние заботы

В награду за службу П. И. Рычков в 1743 г. был пожалован землей в Башкирии. В «Записках» он отмечает, что 8 августа этого года Неплюев, «движимый справедливостью» и основываясь на указе Сената, определил ее «в вечное владение» ему и его наследникам [59. С. 302].

Впоследствии вотчинные владения значительно расширились. В 1746 г. по указу был «нарезан участок асессору Петру Рычкову для заведения хутора между крепостями Чернореченской и Татищевую, который необходим был в тогдашнее время для приюта проезжающих» [346. С. 83]. Рычков получил «пахотной земли до 25 десятин и сенный покос стогов на 30». Хутор, находившийся в 14 верстах от Чернореченской крепости, получил название Рычковка (в настоящее время — поселок Рычковский Переволоцкого района Оренбургской области). Здесь и обосновалась семья Рычковых, к тому времени уже многочисленная.

Однако все свое внимание П. И. Рычков уделял благоустройству имения в Башкирии и в 1747 г. начал строительство церкви в деревне Ключи, впоследствии переименованной в село Спасское. В ГАОО сохранилось несколько дел, касающихся этой церкви и назначения туда священнослужителей. Они дают яркое представление о быте и нравах того времени и, в частности, о недостатке людей для замещения подобных должностей во вновь обживаемых местах.

Первое дело — «по указу Казанской консистории о произведении следствия о построении в вотчине Оренбургской губернской канцелярии асессора Петра Рычкова деревне Ключах церкви» — датировано 28 октября 1747 г.⁵⁹ В следующем деле, подписанном 24 марта 1748 г., речь идет о назначении священником в эту церковь Андрея Ивановича Воробьева, дьячка Успенского собора в Оренбурге. В деле находится «покорное доношение» самого Воробьева с просьбой об «определении в помянутую г-на асессора вотчину в деревне Ключей... во священники», согласие протоиерея Алексея Кисиле-

⁵⁹ Там же. Ф. 172, оп. 1, д. 853. Из сводного фолианта это дело изъято, кем и когда — неизвестно.

ва, подписанный 24 апреля 1748 г. указ Казанской духовной консистории о посвящении⁶⁰. Далее следует указ духовного правления о назначении просителя в священники в село Ключи на Новой Московской дороге, причем любопытно, что он назван Андреем Ивановым⁶¹; по-видимому, в переписке была упущена его фамилия и в дальнейшем он везде именуется по отчеству. Велено ему обучиться в «церковных таинствах», а затем он «отправлен быть имеет немедленно»⁶². В мае Андрей Иванов отбыл на новое место.

Чтобы подобрать для церкви дьячка, пришлось обратиться к претенденту из ссыльных. Об этом рассказывает датированное 18 мая дело «об определении Чернореченской крепости казака Василия Иванова в селе Ключи дьячком»⁶³. За подписью Петра Рычкова, секретаря Стефана Иванова и канцеляриста Ивана Гурьева Оренбургская губернская канцелярия направляет в духовное правление следующее «сообщение»: 16 мая ссыльный Иванов Василий «своим доношением объявил», что он был дьячком в селе Городищи Симбирского уезда, сослан в Оренбургскую губернию за изготовление «своеручно себе и прочим воровских паштортов», т. е. фальшивых документов, и определен на житье в Чернореченскую крепость; оттуда по наряду прислан в Оренбург на казенные работы, «которой работы за старостию и дряхлостью снести против своей братии не может». Он «уведомился», что для строящейся в деревне Ключи Преображенской церкви «потребен церковник», и просит об определении на это место. При этом сообщается, что в Сызранской выводской канцелярии «ему учинен был в застенке один розыск, да при отправке в Оренбург учинено ему наказание кнутом, а других знаков никаких нигде на нем не положено и на спине не явилось». О нем же священник церкви в Ключах Андрей Иванов «засвидетельствовал... что он... состояния доброго и при церкви дьяческую должность исправлять может». В губернской канцелярии за ним также «никаких подозрительных дел не значится»⁶⁴. Духовное же правление нашло, что Василий Иванов «во дьячки не способен», но тем не менее священнику Андрею Иванову в Ключах было ве-

⁶⁰ Там же. Д. 882. Л. 57–58.

⁶¹ Там же. Д. 853. Л. 59.

⁶² Там же. Л. 60.

⁶³ Там же. Д. 895.

⁶⁴ Там же. Д. 895. Л. 89–92.

лено «оного Василия Иванова по нужде за неимением действительных церковников принять в отправление в дьячка впредь по указу»⁶⁵. Это назначение оказалось возможным «по новости тамошнего места».

13 июня «в вотчинное Оренбургской губернской канцелярии асессора Рычкова село Ключи к церкви Преображения господня» был назначен другой ссыльный — Иван Сергеев⁶⁶.

15 июля был подписан указ Казанской духовной консистории⁶⁷ протоиерею Оренбурга Алексею Кисилеву «самоперсонально» свидетельствовать церковь в деревне Ключи, принадлежащей асессору Рычкову, что и было совершено 15 августа.

Однако мытарства Рычкова с назначением служителей в новую церковь не закончились. На следующий год он вел переписку⁶⁸ о назначении ссыльного Алексея Иванова на должность дьячка в свою деревню. Теперь уже она носит название не Ключи, а Спасское, под которым фигурирует в дальнейшем, в частности, в «доношениях» священника Андрея Иванова от 28 февраля 1749 г.⁶⁹, а также от 18 июня и 13 июля 1753 г.⁷⁰ Это название сохранилось до наших дней.

Таким образом, в семье Рычкова все складывалось благополучно. Имущественное положение упрочилось, вотчинные владения благоустраивались, дети подрастали. Служба шла успешно, и столь интересовавшая его научная работа приносила плоды.

Пребывание в Петербурге в 1751 г. прошло для П. И. Рычкова с пользой. Его мысли о коммерции получили одобрение. Он стал признанным авторитетом в этой области, установил связи с Академией наук, общался с учеными и, как пишет П. П. Пекарский, «нет сомнения, что тогда же Рычков познакомился и с Ломоносовым, который в то время уже пользовался, как писатель, огромною известностью [334. С. 34].

Эта поездка имела решающее значение для научной работы П. И. Рычкова, но и в служебных делах она принесла большой успех. И. И. Неплюев представил его к чину коллежского советника (соответствующему чину

⁶⁵ Там же. Л. 90.

⁶⁶ Там же. Д. 899.

⁶⁷ Там же. Д. 913.

⁶⁸ Там же. Д. 960.

⁶⁹ Там же. Д. 944.

⁷⁰ Там же. Д. 1447. Л. 4–5.

полковника по военной линии) и на двенадцатый день после представления, 11 июля 1751 г., вышел подтверждающий указ. Этот немалый по тому времени чин, полученный на сороковом году жизни, причем «через чин», составлял, как видно из «Записок» П. И. Рычкова, предмет его особой гордости. Он увидел в нем знак признания, оценку по достоинству своих трудов, тогда как раньше чувствовал себя обойденным. «Я признаюсь, — писал он, — что по слабости человеческой не редко случалось мне в грусть и в сожаление приходить, рассуждая о моей службе и часто видя, что мои сверстники, в покойной службе находящиеся, по одной линии и по старшинству чинами меня превосходили и в благополучиях своих преуспевали» [59. С. 303—304].

Успешными оказались и хлопоты о сыновьях — Андрее и Николае, которые, как было принято в то время, с малолетства числились на армейской службе. Старший сын П. И. Рычкова Андрей, солдат Семеновского полка, был по его ходатайству откомандирован в Уфимский полк, где в 1753 г., в возрасте 14 лет, был произведен в прапорщики. Хорошо знавший математику и иностранные языки Андрей, по мысли отца, должен был служить при А. И. Тевкелеве, освоить татарский и другие восточные языки и в дальнейшем заниматься «заграничными» делами. Эти планы, однако, не осуществились. Относительно другого сына — Николая — Рычков добился откомандирования его в Оренбург.

Однако тот же 1751 г., был для П. И. Рычкова «злополучен» и принес ему не только удачи, но и большое горе: 16 сентября внезапно скончалась его жена Анисья Петровна, с которой прожил долгие годы и имел 11 детей, в большинстве своем умерших в младенчестве. Впоследствии, вспоминая ее, он писал, что Анисья Петровна была «добросердечна и весьма человеколюбива, беспомощным и бедным в нуждах их по возможности своей помогать всегда старалась» [59. С. 305]. Она была похоронена в Соборной церкви Оренбурга, но в феврале 1753 г. Рычков обратился в Казанскую духовную консисторию с просьбой о перенесении праха в село Спаское, «где она о построении церкви... старание прилагала»⁷¹, и его просьба была удовлетворена⁷².

⁷¹ ГАОО. Ф. 172, оп. 1, д. 1396. Л. 1.

⁷² Там же. Л. 2.

Дом П. И. Рычкова в Оренбурге. Современный вид

От этого брака у П. И. Рычкова осталось четверо детей: Андрей (1738—1774), Марья (1743—1752), Иван (1745— ум. после 1790) и Николай (1746—1784). Марья, любимая дочь, которую отец «за особое свое увеселение» почитал и которой гордился за способности и успехи в науках («Она, будучи в сем возрасте, — писал он, — не только по-русски, но и по-немецки изрядно читать и писать научилась, да и говорить немецким языком умела весьма уже хорошо» [59. С. 306]), умерла летом следующего года. Это было для него тяжелым ударом.

В 1752 г., 12 апреля, П. И. Рычков женился вторично. Его женой стала двадцатилетняя Елена Денисьевна Чирикова, дочь симбирского помещика, отставного капитана-поручика лейб-гвардейского Преображенского полка Д. Н. Чирикова. Второй брак также был удачным, новая «помощница», по словам П. И. Рычкова, оказалась «во многом подобной» первой [59. С. 307]. С новой женой у него было 12 детей, но и они не все пережили младенческий возраст⁷³.

⁷³ 12 февраля 1753 г. родился Василий, а 27 декабря — Петр, умерший шестимесячным. В 1754 г. родилась Марья, в 1756 г. — Александра, в 1757 г. — Ферапонт, который умер тринадцати лет от роду, в 1758 г. — Наталья и в 1759 г. — Елизавета, не прожившие и года. Последними детьми были Анна (1761 г.), Ксенофонт (1762—1765), Катерина, Агрипина и Прасковья.

Большая, растущая семья ставила перед П. И. Рычковым сложные материальные проблемы. Нужно было думать о хозяйстве, об увеличении доходов от имения. В «Записках» он особо отметил, что 27 апреля 1753 г. заложил в Оренбурге каменный дом, так как «деревянное тут строение по скудности лесу неспособно и непрочно» [59. С. 309], и в сентябре 1754 г. туда «пожитки перенес». Этот дом семьи Рычковых сохранился до наших дней.

Администратор и политик

П. И. Рычков, как обычно, «ведал секретными и заграничными делами», но ему приходилось выполнять и другие обязанности. Так, в 1753 г. Неплюев, уезжая в Исетскую провинцию, поручил ему правление всей канцелярией, согласовав это решение с Сенатом. «Таким образом,— вспоминал Рычков,— я имел честь несколько времени всею Оренбургскою губерниею с подчиненными провинциями один правителем быть» [58. С. 309].

Немалых забот требовала организация регулярного почтового сообщения с центром. В конце 1751 г. вышел указ Сената «Об учреждении почт от Оренбурга в разные места», но содержание почтовых станций вызвало осложнения. Так, в 1756 г. вопрос об участии башкир в их обслуживании ставил перед Сенатом А. И. Тевкелев [299. С. 443].

Причиной постоянного напряжения были непрекращавшиеся башкирские волнения. П. И. Рычкову приходилось непосредственно участвовать и в делах, связанных с этими событиями. Его подпись стоит, например, под «определением» от 18 марта 1755 г., которое вынес военный совет по поводу скорейшего прекращения «бунтовщичьего собрания» при реке Белой. Он присутствовал и на заседании этого совета 8 сентября 1755 г., на котором обсуждался вопрос о зимних квартирах для воинских команд⁷⁴.

Управление «иноверцами» осуществлялось не только военными, но и мирными средствами, которым, несомненно, отдавалось предпочтение. Поэтому вопрос о тех, кто перешел в христианскую веру, приобретал важное

⁷⁴ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 36 («Определения военной походной канцелярии по секретной и заграничной экспедициям»). Л. 416—417.

значение, и устройство их дел входило в обязанности П. И. Рычкова. Он внимательно относился к нуждам таких людей. Например, в 1758 г. после рассмотрения в губернской канцелярии дела о «новокрещенных инородцах» Нагайбакского округа духовные заботы о них были возложены на священника села Спасское, находящегося «неподалеку от Нагайбака, в вотчине советника Рычкова» [56. С. 382]. В архивных документах, в исследовании В. Н. Витевского о неплюевском периоде истории Оренбургского края и на страницах работе самого Рычкова встречается множество примеров того, что при решении «инородческих дел» он стремился быть предельно справедливым и действительно проявлял честность и гуманизм.

Самые важные обязанности губернской канцелярии были связаны с укреплением положения Оренбурга, наблюдением за ходом торговли с азиатскими странами и созданием условий для ее успешного развития.

В Оренбурге велось большое строительство. В «доношении», посланном в Сенат в 1755 г. с кондуктором Рычковым (по-видимому, сыном П. И. Рычкова Андреем), перечислялись строения, возведенные в городе с момента его закладки: к этому времени здесь насчитывалось 628 дворов (с 1744 г. прибыло 209), были выстроены гауптвахта, для которой «часы боевые поставлены быть имеют, как здесь нарочно для того делаются и уже во отделку приходят», и половина гостиного двора с 44 лавками; кроме того, «за рекою Яиком для мены, происходящей между российских и азиатских купцов и киргизцев, сделано в столбах мазанковым строением половина менового двора, где 131 лавка действительно отделаны»⁷⁵.

Этот Меновый двор, окруженный плетнем, сильно пострадал в 1749 г. от наводнения. По словам Рычкова, «вешняя вода имела такой великий разлив, который смотреть было удивительно и ужасно и имевшейся на берегу Яика реки плетневой Меновой двор весь потопило и размыло, а многое и разнесло» [58, с. 91]. Поэтому 30 марта 1751 г. было принято решение «о построении Менового двора за рекой Яиком каменного»⁷⁶. Рычков дает его подробное описание: «Меновой двор, на котором

⁷⁵ ЦГАДА. Ф. 248, д. 150. Л. 114 об.

⁷⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 27 («Указы прав. Сената гос. военной и иностр. дел. коллегий, полученные в военной походной канцелярии Неплюева...»). Л. 13.

с Азиатскими народами через все лето до самой осени торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ибо ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. Для въезда и выезда сделаны двое ворот со сводами, из которых над теми, кои к реке Яику и к городу, для таможенного директора изрядные и довольно просторные покои, а над другими, кои на степь и бывает в них въезд и выезд азиатских народов, пограничная таможня. Лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140, кои все внутри двора и со сводами. Внутри ж того менового двора построен особый двор для азиатских купцов, и называется Азиатским, имеет также двое ворот, из коих над теми, что к таможене, построена изрядной архитектуры церковь во имя Захария и Елисаветы. На сем Азиатском дворе таких же лавок 98, да по углам по два, итого восемь анбаров. Всего-на-все сто сорок восемь анбаров и 244 лавки... Большая часть того менового двора покрыта уже листовым железом, а остальные лавки покрывают. По углам, кои на степи, сделаны две батареи и поставлены на них пушки. В рассуждении пространства и хорошества сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества толь великое здание едва где имеется ль» [11. С. 248].

Постепенно служба начала утомлять усердного помощника оренбургского губернатора. В 1756 г. Рычков обратился в Сенат с просьбой о предоставлении ему годичного отпуска «для поправления,— как он писал,— деревень и домашней... экономии» [59. С. 310]. Это время он посвятил хозяйству: приобрел землю и заложил новую деревню на р. Савруше, приводил в порядок свой винокуренный завод, начал строить в Спасском каменную церковь «по рисунку обретавшегося в Оренбурге архитектора Мюллера» [59. С. 311].

Когда же в феврале 1758 г. он вернулся из отпуска в Оренбург, оказалось что И. И. Неплюев «по слабости здоровья» ушел в отставку. Служебные трудности обострились и осложнили жизнь.

Управление краем вплоть до назначения нового губернатора было возложено на А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова. До июля 1759 г. они занимались всеми делами Оренбургской губернской канцелярии, которая делилась в то время на заграничную и секретную экспедиции и казначейскую контору. Среди архивных доку-

ментов этого периода, датированных 10 марта, 8 и 16 апреля 1759 г., определения о посылке людей «за Яик реку для осмотра рудников и для работы за надлежащим для безопасности конвоем», «об отпуске на степную Яика реки сторону для отыскания по речкам... медных рудников и для осмотра прежде сысканных...»⁷⁷. Предписывалось в степь дальше тех речек и в казахские улусы не ездить и «никакого варварства и своевольтва» не чинить.

По заграничной экспедиции разбирались конфликты, возникавшие из-за перехода казахами Яика и потраве лугов, принадлежащих местным жителям⁷⁸, рассматривались вопросы, связанные с татарскими⁷⁹ и калмыцкими⁸⁰ школами, с условиями приема «беглых из восточных народов»⁸¹, об отправке посланников к хану Среднего жуза Аблаю, о финансировании заграничных отношений⁸² и т. д.

22 января 1759 г. Тевкелев и Рычков подали в коллегию иностранных дел «Представления» о принципах политики России в отношении казахов [84]. Они считали, что казахов следует считать военным народом и поэтому по укрепленным пограничным линиям всегда «нужно иметь крепкую и недреманную осторожность», для чего необходимы разъезды и «на высоких местах маяки» (они «прежде хотя и бывали, но ныне нигде их нет»). В случае «генерального замешания» следует поступать по «Запасному плану» Неплюева, утвержденному в 1744 г. [300. С. 486]. Однако этот план, по их мнению, не может быть действенным, так как при военном нападении казахов невозможно быстро собрать казачьи, башкирские и калмыцкие отряды. Лучшее средство, считали они, это традиционное «разделяй и властвуй», а затем уже применение «Запасного плана».

Но, признавая возможность нападения казахов, Тевкелев и Рычков не считали бесполезным их подданства России. Они полагали, что при разумной политике из этого подданства можно извлечь взаимную выгоду.

⁷⁷ Там же. Д. 50 («Определения по секретной и заграничной экспедициям»). Л. 125–125 об.

⁷⁸ Там же. Л. 94, 478–478 об.

⁷⁹ Там же. Л. 69–69 об.

⁸⁰ Там же. Л. 56–57.

⁸¹ Там же. Л. 603–608.

⁸² Там же. Л. 29, 537–541 об., 542–544 об., 547–551, 563–564 об., 565–565 об., 573–574.

«...Существенная польза,— писали они,— наипаче в том состоит, чтоб с самого начала, вызнавая их нравы и состояние и употребляя с ними всякую справедливость и умеренность, к тому их направлять и наклонять, чего от них государственный интерес требует»⁸³. В случае «противностей» предлагалось использовать несогласие казахов с башкирами и калмыками «и так одну орду, поднимая на другую, смирать и, смотря на поступки их, до того приводить, чтобы они в подлинной подданнической верности были, иногда страхом, а иногда награждением»⁸⁴.

Имея в виду этот принцип политики правительства, Тевкелев и Рычков считали, однако, что воинственность казахов следует постепенно смирать и приводить их «в спокойное и постоянное пребывание». «Легким средством» для достижения мира является торговля через Оренбург и Троицк, которая уже сделала большие успехи. Казахи, по словам авторов «Представления», «в торг так влюбились, что часто случается в один день человек до семи до восьми сот, а иногда и до тысячи на здешний меновой двор приезжает, и редко находится из них такой, чтоб чем-нибудь сам не торговал. А некоторые и телеги покупать и оные у себя в орде употреблять, тако ж и траву косить начинают, чего у них прежде отнюдь не бывало, да и к пище хлебной нарочито уже приобьыкли и на каждую зиму оную запасать стали». Полагая, что при добрых отношениях казахи в будущем перейдут к оседлости, они заключали: «Легко может статься, что и сей кочующий ныне народ со временем и сперва на зимние времена, а потом и вовсе юртовым делается»⁸⁵. Но для этого надо, чтобы «здешние командиры» и «тамошные управители» стремились к согласию, чтобы их «поступки были всегда не суровые, но скромные, а паче б беспристрастные и справедливые»⁸⁶.

Из этого «Представления» видно, что оно составлено опытными политиками, стремившимися избегать конфликтов и извлекать из отношений соседних народов взаимную пользу.

Можно удивляться энергии П. И. Рычкова и силе его любви к науке, которые помогали ему совмещать пов-

⁸³ АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 438/247. Л. 302 об.

⁸⁴ Там же. Л. 304—304 об.

⁸⁵ Там же. Л. 305 об.

⁸⁶ Там же. Л. 306.

седневные занятия в губернской канцелярии с творческой работой. Именно в это время был завершен основной его труд — «Топография Оренбургской губернии».

«Топография Оренбургской губернии»

Изучением истории и природных ресурсов Оренбургского края П. И. Рычков начал заниматься в силу своих служебных обязанностей: чтобы управлять новыми областями и осваивать их, нужно было хорошо знать эти области. Однако постепенно под влиянием В. Н. Татищева изучение края, ставшего ему родным, превратилось для него в важнейшую жизненную задачу, решению которой посвящены все его работы и прежде всего «Топография Оренбургской губернии».

Сочинение возникло как сопроводительный текст к «Ландкартам, или Чертежам географическим» Оренбургской губернии, которые были составлены по определению губернской канцелярии, «учиненному 9 декабря 1752 г.» [55]. На их титульном листе указано, что «для лучшего ж оных ландкарт изъяснения приобщено к ним краткое особое Историческое Описание под именем «Топография Оренбургской губернии».

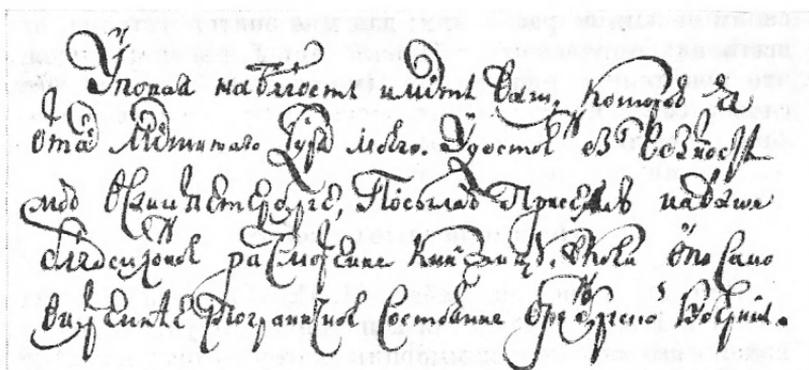
В «Предъизвещении», которое отсутствует в опубликованном тексте, П. И. Рычков дает краткий исторический очерк проведения картографических работ в крае. Он указывает на «преимущество» Оренбургской губернии перед другими, состоящее в том, что «с самого ее начала, когда она состояла еще под именем Оренбургской экспедиции», при ней имелось «довольное число геодезии офицеров и геодезистов» для «описания здешних мест и сочинения ландкарт». Особо упоминается «преискусный англичанин», который «содержан был» некоторое время «на немалом жаловании» при И. К. Кирилове для «астрономических обсерваций»; имеется в виду Джон Эльтон, хотя имя его не названо.

Эти геодезические работы при И. К. Кирилове и В. Н. Татищеве проводились целенаправленно и должны были дать материал для составления генеральной карты Российской империи. «Следовательно,— писал Рычков,— пред прочими губерниями Оренбургская подлежала б всегда большому предосуждению, ежели б никаких ландкарт и географических описаний особливо здесь сочинено не было». Он упоминает о деятельности «особого географического департамента», учреж-

денного при губернской канцелярии, и определенного к нему геодезии поручика Писарева. Ему, в частности, велено было на основании составленных геодезистами ландкарт отдельных местностей «сочинить» генеральную ландкарту края. Однако, по словам Рычкова, «она к надлежащему окончанию... не могла быть приведена» до прихода к управлению И. И. Неплюева, при котором работа была завершена благодаря усилиям геодезии прапорщика Ивана Красильникова «с товарищи». Занимавшийся ранее в Ставрополе размежеванием земель, отведенных крещеным калмыкам, Красильников должен был сличить все карты и использовать имеющиеся сведения соответственно «наставлению» Академии наук, опубликованному в «Атласе Российской империи».

В результате были составлены не только «Генеральная карта Оренбургской губернии и смежных с ней мест», но и десять дополняющих ее ландкарт: 1. «Карта Ставропольского ведомства», 2. «Карта, представляющая от Оренбурга большую Московскую дорогу до кичуйского фельдшанца и всю закамскую линию, а также от Кичуя вниз по реке Яику до яицкого казачьего городка, и по реке Самаре до города Самары, с ставропольским ведомством и смежными местами»; 3. «Генеральная карта Уфимской провинции и Башкирии, с показанием смежных мест»; 4. «Карта Уфимской провинции казанской и осинской дорог, со смежными местами»; 5. «Карта Уфимской провинции сибирской дороги и смежных с нею мест»; 6. «Карта Уфимской провинции ногайской дороги и прилежащих к последней мест»; 7. «Карта Исетской провинции с зауральскою Башкириею и частью мест, принадлежащих Екатеринбургскому ведомству, Сибирской губернии и Уфимской провинции»; 8. «Карта Верхояицкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанций, с показанием крепостей, редутов и других селений»; 9. «Карта Нижнеяицкой дистанции до Каспийского моря и кочевых мест киргиз, с частью Аральского моря»; 10. «Карта «приобщенная», на которой представлена большая часть Каспийского и Аральского морей, с прилежащими к ним местностями».

В объяснительном тексте, составленном П. И. Рычковым и содержащем шесть глав, дается обстоятельное описание губернии. Здесь использован весь огромный историко-географический материал, который он собрал, систематически изучая Оренбургский край в те-

Упомянутая написание и видны Вам, коиже за
отца Адмирала Гурьямова. Государствъ въ Россіи
надъ Архангельскъ, Пискаревъ Пискаревъ наведе
Сидорова расписана князь И. Шолова
визитирова Пискаревъ Составилъ Гурьямовъ Рычковъ.

Автограф П. И. Рычкова.
Из письма к М. В. Ломоносову от 2 февраля 1755 г.

чение долгих лет. Вначале (гл. I) коротко сообщается о том, когда и как образовалась губерния, каким образом был построен Оренбург и откуда произошло его название. Далее приводятся сведения о сопредельных с Оренбургской губернией землях и среднеазиатских государствах (гл. II), об административном делении губернии (гл. III), о населяющих ее народах (гл. IV). Глава V включает подробное описание природы Оренбургской губернии (Аральского и Каспийского морей, озер, рек, гор, лесов, климата, полезных ископаемых, животных), а глава VI — характеристику «коммерции», т. е. внутренней и внешней торговли и промыслов.

Работа была завершена в начале 1755 г., и уже 2 февраля Рычков отправил рукопись М. В. Ломоносову, высказавшему ему позднее, при встрече в Петербурге, свою благосклонность [334. С. 34—35]. Он просил академика внимательно прочитать рукопись, исправить погрешности и представить затем на рассмотрение Академии наук.

Вскоре представленное Ломоносовым сочинение оренбуржца дважды (31 июля и 2 августа) обсуждала академическая конференция. Она изучила рекомендации Ломоносова, одобрила труд и предложила его к изданию. Впоследствии П. И. Рычков свидетельствовал, что получил от Ломоносова письменное сообщение об этом. Он писал Г. Ф. Миллеру 17 мая 1760 г.: «Михайло Васильевич Ломоносов персонально меня знает. Он получа первую часть моей «Топографии», письмом

своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего академического собрания апробирована; писал, что приятели и неприятели (употребляю точные его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди» [334. С. 35].

Первые печатные работы

Первая печатная работа П. И. Рычкова вышла в свет в 1755 г. без ведома и подписи автора. Это было начало его статьи о коммерции, которую он несколько лет назад послал В. Н. Татищеву, переправившему ее копию в Академию наук. По этой копии работу опубликовал академик Г. Ф. Миллер в журнале «Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», который начал издаваться под его редакцией с января 1755 г.

Этот журнал, вопрос об издании которого был поставлен М. В. Ломоносовым, положил начало русской журналистике и сыграл чрезвычайно важную роль в истории науки в России [124, 209, 308, 337]. Задача его состояла в популяризации научных знаний. Поэтому в нем предполагалось публиковать сообщения, «которые в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, в механических рукоделиях, в архитектуре, в музыке, в живописном и резном художествах и в прочих какое ни есть новое изобретение показывают или к поправлению чего-нибудь повод подать могут» [124. С. 84]. За годы своего существования (1755—1764) журнал познакомил русскую публику с множеством полезных и интересных сочинений, оригинальных и переводных, и — что особенно важно — приохотил ее к чтению [308. С. 1].

Академик Г. Ф. Миллер, который обладал энциклопедическими познаниями в разных областях науки и был, по отзыву С. М. Соловьева, «знаменитым трудолюбцем» [384. С. 150], отдал много сил и умения, чтобы первый русский ежемесячник соответствовал своему назначению. Он привлек к сотрудничеству многих писателей и ученых, вел обширную переписку, предлагал темы для исследования, направлял интересы авторов в нужное русло. Одним из самых деятельных сотрудников «Ежемесячных сочинений» стал П. И. Рычков.

Его статья о коммерции была напечатана в одном из первых номеров журнала под названием «Переписка между двумя приятелями о коммерции» [1]. Познакомившись с публикацией, Рычков писал: «Хотя я не сведом, как и чрез кого то мое письмо императорской Академии Наук сообщено, но по благосклонному ея рассмотрению увидел его в печать изданное, не мало тем обрадован» [334. С. 35].

Радость П. И. Рычкова понятна. Провинциальный энтузиаст-исследователь получил доступ к академическому изданию, а это открывало перед ним путь в большую науку. Любительские занятия делом, не связанным со службой, которые, как видно из его писем, не встречали понимания у окружающих, теперь приобретали поддержку Академии наук.

Публикуя статью, Г. Ф. Миллер заключил ее пожеланием, чтобы автор продолжил «свои рассуждения», так как их обнародование должно оказать «любопытствующим в делах, до коммерции касающихся, приятную услугу». Вдохновленный этими словами, Рычков 3 мая отправил в Академию наук письмо, в котором признавался в своем авторстве, и вторую часть статьи [2].

Третью часть он выслал уже 28 июня, невольно сделавшись при этом участником академического конфликта [334. С. 35—36]. Он не знал, кто издает журнал, не был знаком с Миллером и полагал, что его статью представил М. В. Ломоносов, которому была хорошо известна его «Топография». Ему он и отправил продолжение «Переписки между двумя приятелями о коммерции». Но Ломоносов, испытывавший неприязнь к Миллеру, перенес это отношение и на академический журнал. В письме к Рычкову он отозвался критически и о журнале, и о присланных статьях, посоветовал трудиться и присылать ему самому то, что будет написано «о принадлежащем к истории натуральной».

В ответном письме от 26 августа Рычков писал: «Милостивый государь мой Михаил Васильевич! Сей день Вашего Высокоблагородия приятнейшее писание от 15 числа сего [месяца] я получил. Как скоро и строго сей курир от нас ни отправляется, однако я не мог преминуть, чтоб за сию и за все Ваши продолжаемые ко мне милости должнейшего благодарения принести с ...прошением, чтоб милость Ваша ко мне неотменна была.

Два письма о коммерции я не для того сочинил, чтоб им напечатанным быть, и еще прежде 750 году, как я прежде доносил, не знаю поныне, как они в Академию попали. Но видя, что они за благо приняты, написал третье, кое пред сим имел честь к Вам, как к милостивцу моему, сообщить. Ежели оно недостаточно, может оно оставлено быть. Но я и в иностранных, читая о сей материи, находил несовершенства.

Весьма я рад буду, ежели найдусь когда-нибудь в состоянии по Вашему милостивого государя моего желанию какими-нибудь натуралиями услужить, и не премину то со временем исполнить, чтоб засвидетельствовать Вам искренность и благодарность мою, с которою всегда есмь и буду Вашего Высокоблагородия милостивого государя моего всепокорный слуга Петр Рычков» [126. С. 299].

Однако, по-видимому, авторское самолюбие было немало задето справедливыми по сути замечаниями, несмотря на то, что подобным же образом об этой работе ранее высказывался и В. Н. Татищев. Позднее Рычков писал Миллеру о Ломоносове: «Я заметил, что он месячные издания порочил напрасно, а от меня требовал того, что мне, по незнанию моему, исполнить было трудно» [334. С. 36]. Во всяком случае, прямое научное сотрудничество с М. В. Ломоносовым у него не состоялось.

Миллер был гораздо снисходительнее к провинциалу. Третья часть статьи о коммерции была опубликована в декабрьской книжке «Ежемесячных сочинений» [3]. Автор удостоился похвалы от редактора, который печатно поощрял его исследование. В 1757 г., обсуждая в журнале вопрос о том, как исправить погрешности в иностранных сочинениях об истории и географии России, и указав на необходимость появления русских работ такого рода, он добавил: «Но к сему делу требуется много времени и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобный г. советнику Рычкову в Оренбургской губернии, который в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с презрядными ландкартами» [3. С. 37].

В 1757 г. между Г. Ф. Миллером и П. И. Рычковым началась переписка. Подыскивая достойных корреспон-

дентов для своего журнала, Г. Ф. Миллер обратился к Рычкову с письмом, датированным 28 июня, в котором просил его присылать сообщения для публикации. Особенно его интересовали данные «о коммерции» в разных областях России, включая заграничную торговлю. Академический историограф собирался дать обзор «коммерции всея российской империи» и рассматривал эту работу как «дело не маловажное, в чем мы имели по сие время недостаток» [334. С. 38]. Миллер, в течение 10 лет путешествовавший по Сибири и увлеченно изучавший этот край, был автором работ по его истории, географии, о торгах сибирских и т. д. [165, 241]. Он испытывал большой интерес и к другим малоизвестным работам России, считая, что журнал должен знакомить с ними широкую публику. П. И. Рычков, по его мнению, как раз и мог стать источником необходимых сведений по экономическому району, чрезвычайно важному, однако в Петербурге почти неизвестному.

Миллер просил его сообщить «подробности о торговле» не только в Оренбурге, но и в двух других пограничных пунктах — Астрахани и Темирникове (крепости на левом берегу Дона при устье р. Темерник, где в то время действовала таможня для торговли с Турцией). Сам он уже опубликовал статью «о сибирских торгах», собирался описать петербургскую торговлю и получить от «некоторого приятеля описание торговли в Архангельске». Предстояло собрать сведения и по другим областям.

Кроме того, Миллер писал Рычкову, что ждет продолжения «Топографии», из которой он «употребил в пользу некоторые, в первой части находящиеся известия», и сообщал, что «первая часть давно всем академическим собранием опробована, чтоб напечатать, а карты — вырезать на меди» и «только за многими другими делами оное еще не учинено» [334. С. 38].

П. И. Рычков с готовностью откликнулся на предложения и был за них весьма благодарен академику. В его ответном письме от 6 сентября видно, что за дело он берется серьезно. обстоятельно описать «тот торг, который в Оренбурге с азиатскими народами наподобие ярмарки производится», для него не представляет труда, поскольку он составил об этом «по алфавиту подробные ведомости». Нетрудно это сделать и по отдельным провинциям Оренбургского края. Что касается астраханской и темирниковской «коммерции», о ней у

него нет столь же достоверных сведений и дать должного описания он не обязуется. Если относительно астраханской коммерции он, может быть, будет в состоянии сделать это, то «ко описанию темирниковской, по ее новости и отдалению, никакого способу... не находится» [334. С. 39].

Одновременно он предложил Миллеру статью «о деревенском житье», которой не придавал большого значения, так как при написании опирался на опубликованную книгу немецкого автора, и просил напечатать ее без подписи. Он делился также планами на будущее. Собираясь сделать сообщение о земледелии в Оренбургском крае, Рычков имел в виду собрать материал по этому краю для будущего полного обзора географии и экономики Российского государства. «Я за самое нужное и полезное дело почитаю, — писал он о земледелии, — чтоб оно так, как и коммерция, по губерниям или провинциям описано было, из чего может со временем и у нас собственная экономическая книга составлена быть» [334. С. 39].

В конце 1757 г. предложенная им статья вышла в журнале под названием «Письмо о упражнении в деревенском житии» [4], и с этого времени его работы печатаются регулярно. В апреле 1758 г. были опубликованы выполненные им переводы с немецкого двух статей правоучительного содержания [7], в мае — «Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» [5], а в июне — продолжение этой статьи.

Регулярной стала с этих пор и переписка П. И. Рычкова и Г. Ф. Миллера. Оба очень дорожили своими отношениями, которые переросли в многолетнюю дружбу. Отмечая умение Миллера завязывать и поддерживать переписку с самыми разными людьми, П. П. Пекарский писал: «В особенности замечательна переписка Миллера с Петром Рычковым, длившаяся почти без перерывов в течение двадцати лет и касавшаяся главнейше разных вопросов по наукам и литературе в России» [335. С. 369—370].

Из писем Рычкова к Миллеру видно, как напряженно он работал в эти годы. Помимо подготовки статей к печати, он собирал сведения для научных сообщений в Петербург, что было занятием весьма трудоемким. Так, после того как в феврале — мае 1758 г. в письмах был затронут вопрос о картах Оренбургского края, в октябре—ноябре была составлена, а 3 декабря доставлена

в Академию наук новая ландкарта. В 1759 г. были собраны филологические и этнографические сведения о казахах, описан обычай баранты, составлена карта Среднего жуза. Миллеру были отправлены ведомости о всех горных заводах края, о животных, обитающих в этих местах, в частности об уже тогда редкой выхухоли, и т. д. Присланные Рычковым сведения о выхухоли Миллер использовал в своем разъяснении относительно неточностей в статье академика И. Г. Гмелина об этом животном в четвертом томе журнала «Новые комментарии Петербургской академии» (1758 г.).

В 1759 г. в «Ежемесячных сочинениях» появилась «История Оренбургская» П. И. Рычкова [8].

С мыслью о будущем. «История Оренбургская»

Научное творчество П. И. Рычкова многообразно. Оно было глубоко современно, практически направлено «для пользы всего жительствова», пронизано патриотической заботой о процветании Отечества. Используя научные достижения предшественников и современников, Рычков последовательно и во многих отношениях самостоятельно раздвигал границы знаний, превращавшихся в XVIII в. в науку.

С большим интересом и пониманием он занимался историей, для которой это столетие в России было переломным периодом. Прежняя связь истории с церковью сменялась связью с политикой, административно-политической деятельностью, колонизацией и освоением новых окраин. История становилась политической наукой.

Как историк П. И. Рычков сформировался под прямым влиянием рационалистических убеждений В. Н. Татищева — первопроходца русской исторической науки, для которого «свободный смысл» и «наука критики» были ведущими понятиями в исторических суждениях [394. Т. 1. С. 83; 341. Ч. 2. С. 278]. Наставления, которые Рычков получал от учителя в письмах, обмен мыслями с ним — все это оставило глубокий след в его творчестве. Усвоил он и неоднократно высказанную Татищевым мысль о неразрывной связи истории и географии.

Замечательные свидетельства внимания Татищева к творчеству Рычкова в области истории можно найти в их переписке 1749—1750 гг. В эти годы Рычков был

весьма увлечен родословной (этногенезом) различных азиатских народов Оренбургского края. Энергично собирал он древние рукописи на арабском, персидском и других языках. Осведомленность Рычкова по вопросу о происхождении восточных народов была столь велика, что Татищев в августе 1749 г. прислал ему для критических замечаний и дополнений 18-ю главу «О татарах» из своей «Истории Российской», а также «Лексикон исторический». Он просил уточнить значение некоторых слов из чувашского, мордовского и других языков и внести поправки в главу о татарах, учитывая его «большее в том известие». В ноябре он отправил Рычкову и другие главы с просьбой «внятно рассмотреть, нет ли где какой погрешности» [334. С. 15, 16].

Рычков внимательно изучил затронутые Татищевым вопросы. Результатом явилось его собственное «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются» [68]. Эту работу Рычков написал по собранным в Оренбурге турецким и персидским книгам, а также, что особенно важно, «по сказкам бывалых в тех местах людей».

Рукопись этого сочинения, подписанная Рычковым, была отправлена Татищеву, который рассмотрел его самым серьезным образом. В письме, датированном декабрем 1749 г., он одобрил работу: «Ваше присланное описание народов многое мне удовольствие принесло, ибо в нем много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смутно разумели» [334. С. 161].

В то же время она вызвала у него и критические замечания, вполне, по его мнению, естественные. «Однако ж,— писал Татищев,— как оное есть первое сочинение, так много требует дальнейшего и внятнейшего уведомления». Он предлагал Рычкову работу «негде переделывать», сделать значительные дополнения и обещал после этого похлопотать «о напечатании и награждении» труда. Чтобы облегчить задачу, он дал некоторые советы по методике научного исследования и приложил к письму «Напоминание на присланное описание народов, что в географическом наблюдать нужно» [334. С. 161—166; 393. С. 229—236]. Это письмо — прекрасный пример научного руководства работой начинающего автора.

В «Кратком извещении о татарах» бесспорно утверждение автора, что в то время все европейские сведения об азиатских народах были самыми ложными и баснословными. Но сложнейший сам по себе вопрос и для Рычкова оставался настолько погруженным во тьму, что он в состоянии был приписать и башкирам, и татарам, и мишарям, и другим только скифское происхождение.

Значительно ценнее в рукописи те сведения о нерусских народностях, которые относятся к их быту. Так, например, башкиры, — пишет Рычков, — «сперва многолюдны не были, но ушлецами из других орд, а паче сходцами из великороссийских мест от времени умножились». После того как башкиры «совершенно усмирены и остались в закрытии», из них ежегодно (уже в 40-е годы XVIII в.) «наряжаются для разъездов к крепостям, отделяющим их от казахов по яйцкой линии, до двух тысяч человек».

Такие же краткие сведения о «мещеряках» (мишарях) — «сходцах» из Казанского и Свияжского и других уездов. Они (в числе 1849 дворов в Уфимской и Исетской провинциях) платят ясак по 25 коп. со двора, «равный с башкирцами», и также «наряжаются в службу по линии», содержат в разных местах разъезды «общее с башкирцами».

Татищев привлек Рычкова и к исправлению неточностей в переводе сочинения хивинского историка Абул-Гази Бахадур-хана (1605—1664), которое было опубликовано на французском языке в 1726 г.

«История татарская Абулгаси хана», по мнению Татищева, «весьма к русской истории нужна», но русский перевод, а главное примечания, страдали недостатками. «Примечания, — отмечалось в одном из его писем, — сочиненные шведом, частью от незнания, частью от пристрастия, неправы и нам лживыми оскорблении наполнены». Татищев составил «примечания» к этому труду и считал, что Рычков, как знаток восточной истории, может подготовить его к печати. В феврале 1750 г. он писал: «Абулгасиеву историю я сожалею, что вы оной не поправили и погрешностей не изъяснили, а за тем она... в печать не годится, разве вы потрудитесь оное впредь исполнить и любопытный мир удовольствовать» [334. С. 18—19].

Татищев поддерживал намерение Рычкова написать сочинение по русской истории, но не скрывал трудности этого дела, связанного с необходимостью привлечь к ис-

следованию «древние манускрипты». «О истории русской ваше намерение есть презрядное, — подчеркивал он, — токмо весьма трудное и такое, что или басни принужден за истину принять, или начав, оставить, для того что вам многих потребных тому известий неостанет, не токмо необходимо нуждных иностранных, яко польской, венгерской, шведской и прусской, с которыми наша древняя история много связана, но паче русских разных времен и по разным местам писанных собрать не можете» [334. С. 21].

Как историк П. И. Рычков — купеческий сын, получивший дворянство и награжденный земельными владениями к чинам, занимавшийся сельскохозяйственным и промышленным предпринимательством на крепостнической основе, — был убежденным приверженцем феодального просвещенного абсолютизма, олицетворением которого был для него Петр I. Российский император, писал он в годы строительства Оренбурга, «в великих великий» и «истинный отец отечества»; его мудрыми наставлениями «вся империя на вечные времена достаточно снабжена» [58. С. 2]. В своей апологии самодержавия П. И. Рычков резко осуждал всякое посягательство на монархический правопорядок (со стороны яицких казаков и крепостных крестьян) или его ослабление со стороны самих правителей — местных сатрапов. «История народов, — заметил он на склоне лет, — многие примеры представляет и дает нам знать, что от слабостей и невежества начальников происходят часто неустройства, смятения и гибель» [62. С. 206].

В тесном единстве с политической идеологией находились у Рычкова экономические и исторические взгляды, обращенные в основном вперед, в будущее, и обусловленные ростом производительных сил и товарного производства в стране. «Любомудрый ассессор оренбургский» представлял себе исторический процесс как культурно-исторический прогресс, без классовых антагонизмов и борьбы, не видел еще преходящего характера крепостничества, не осуждал и не разоблачал его пороки.

Сильной стороной исторических представлений П. И. Рычкова было признание важнейшего тезиса В. Н. Татищева, требовавшего от историка, чтобы тот «о прошедшем обстоятельно знал и о будущем из примеров мудро рассуждал» [394. С. 80]. Рычков, возможно, шел дальше своего учителя в определении той роли,

которую познание прошлого играет для будущего. Уже в первом печатном историческом труде — «Истории Оренбургской», освещающем события в крае с петровского времени до 1744 г., — он пытался установить историческую взаимосвязь прошлого с настоящим и настоящего с будущим. «В жизни человеческой, — писал он, — ничто так быстрого течения не имеет, как самое время, которое при всегдашней своей перемене все с собою влечет, а позади себя ничего более не оставляет, как одну обнаженную память; но и сия, ежели не будет подкреплена писанием, время от времени помрачается и приходит в забвение» [58. С. 1].

Историческое изучение современности у Рычкова мотивируется практической потребностью. «Наше настоящее время, — рассуждал он, — от того же источника происходит и к той же вечности течет, как и прошедшее, и мы, за оным непрестанно следуя, к такому пределу приблизимся, от которого, наконец, в неизмеримую вечность зайдем и так удалимся, что и наше, то есть нынешнее время, за древнее будут признавать». Оно может оказаться неведомым или будет превратно представляться грядущим поколениям, если не останется о нем «достоверных писаний». Поэтому свою «Историю Оренбургскую» он «не так для настоящего, как для будущего, то есть потомственного времени» написал [58. С. 1].

Это сочинение П. И. Рычкова было опубликовано Г. Ф. Миллером в «Ежемесячных сочинениях» в 1759 г. Вначале появилась основная часть, в которой описаны события в Оренбургском крае с петровских времен до 1744 г., когда была организована губерния. В августе 1759 г. Рычков отправил «Прибавление», в котором оренбургская история продолжена с 1744 по 1750 г. Оно появилось в октябрьской и ноябрьской книжках журнала.

В «Прибавлении» Рычков сводил историческое изучение к составлению ежегодных «кратких записок» по заграничной и внутренней экспедициям Оренбургской канцелярии. Здесь практические интересы выступили на первый план. Эти ежегодные исторические справки, полагал он, «не только ради любопытства служить должны, но и в самом правлении губернских дел немалую пользу принести могут определяемым вновь в ту губернию командирам и служителям» [58. С. 78]. Они, по его замыслу, должны быть для них «наставлением и

всегдашним напоминанием», чтобы предотвратить «ошибки и упущения» в будущем.

Рычков полагал, что сочинение послужит поводом к тому, чтобы и в других губерниях «любопытные и отечеству своему... пользу принести желающие» начали «записки сочинять и сообщать напечатанием к всенародному знанию». Польза такого труда, подчеркивал он, «действительная и вечно продолжающаяся» [58. С. 78].

Ко времени издания «Истории Оренбургской» П. И. Рычков сформировался окончательно как ученый со своими собственными научными интересами и творческими приемами. Его труд — это своеобразная летопись, которая свела в хронологической последовательности воедино важнейшие фактические сведения относительно внутренней и внешней жизни образовавшегося Оренбургского края. И хотя она, по словам Рыčkова, «подлинно так ведена, как дела происходили», все события в ней освещены, разумеется, с позиций официальной политики русского царизма. В повествовательной форме «История» рассказывает прежде всего об административно-политической деятельности, в том числе о строительстве Оренбурга на его нынешнем месте, который, как предвещал Рычков, «со временем знатнейшим городам не уступит». Во многих случаях Рычков раскрывает фактическую сторону событий, но не производит никакого суда над ними. Нет в его рассказе указаний на причины башкирских восстаний и того взаимного ожесточения, с которым велась борьба в течение пяти лет.

Сам Рычков в 1744 г. был невысокого мнения о своей «Истории» и просил прощения у читателей за «неискусное» составление ее, спустя 15 лет признавая, что писал ее тогда, когда еще «не был в таком сведении как после». И все же «История Оренбургская» Рыčkова с ее богатым конкретным материалом и авторской трактовкой его, какова бы она ни была, — ценнейший и поныне источник по истории края и истории народов Башкирии, Казахстана и Средней Азии. Современникам она открыла земли, до тех пор неизвестные, и вызвала у них большой интерес. Поэтому понятно, что Миллер считал необходимым перевести ее на немецкий язык, о чем сказано в его письме к Рычкову 19 апреля 1759 г. [334. С. 59].

Первый член-корреспондент Академии наук

В. Н. Татищев, обращая в 1750 г. внимание Академии наук на П. И. Рычкова, имел в виду не столько работы, которые уже выполнил любознательный молодой чиновник, по существу, не имевший образования, сколько его большие способности к научному исследованию, много обещавшие в будущем. Замечательный ученый, Татищев умел оценить потенциальные возможности своего подопечного и увидеть, что от него можно ждать немалой пользы для русской науки. Поощрение от Академии должно было, по мнению В. Н. Татищева, послужить стимулом для дальнейшего самоусовершенствования и творчества. Именно поэтому в письме к И. Д. Шумахеру от 30 мая 1750 г., написанном за два месяца до кончины, он просил «учинить» П. И. Рычкова почетным, или, как значится в тексте письма, опубликованном П. П. Пекарским [334. С. 28], «почтенным», т. е. уважаемым, членом Академии.

Особо В. Н. Татищев отмечал интерес П. И. Рычкова к истории и считал, что, «яко великий к тому охотник», он мог бы войти в Академию наук наряду с историкографом Г. Ф. Миллером. «Я хотя разумею, что г. профессор Миллер,— подчеркивал в письме Татищев,— как человек преученный и многим чтанием преисполнился, памятью и рассуждением преодарен, однакож неудобно в древней истории все одному исследовать» [334. С. 28—29].

Это письмо не нашло отклика в Академии наук, переживавшей трудный период. Шла борьба между истинными учеными и бюрократически настроенными чиновниками, которые не были заинтересованы в развитии русской науки. Шумахер не дал ходу просьбе В. Н. Татищева, и дело заглохло.

Однако спустя пять лет П. И. Рычков напомнил о себе первой частью «Топографии Оренбургской губернии», представленной М. В. Ломоносовым и одобренной академическим собранием. Производили впечатление и другие работы оренбургского исследователя, который, несмотря на отсутствие академических званий и отличий, продолжал успешно трудиться и завоевал авторитет среди ученых.

Показательно, что именно Г. Ф. Миллер, которого упоминал Татищев, противопоставляя ему Рычкова, обратил на эти работы внимание и начал публиковать их

в 1755 г. без ведома автора в новом академическом журнале. Именно Г. Ф. Миллер, вернувшийся из многолетней Камчатской экспедиции, понял П. И. Рычкова и в 1757 г. стал инициатором их переписки, сотрудничества и дружбы. Никто иной как конференц-секретарь Академии наук Г. Ф. Миллер снова начал в 1758 г. хлопотать о его «определении в академические почетные члены».

П. И. Рычков, человек по натуре скромный и очень строго оценивавший свои успехи в науке, просил Миллера о представлении в члены Академии, так как рассчитывал, что это поможет ему улучшить условия работы. Он писал: «Ежели б возможно и непротивно было... по силе регламента императорской Академии Наук причислить меня... в титулярные ея члены для истории и об оном в оренбургскую губернскую канцелярию дать знать, то тем не только б подались мне лучшие и удобнейшие способы все то свободно и охотно исполнять, что в нашей стороне она Академия признает и меня определит... но и от всякого нареkania и негодования совершенно б уже свободен я был» [334. С. 41].

30 марта 1758 г. Г. Ф. Миллер в доношении Академической канцелярии сообщил о просьбе П. И. Рычкова, указал на его прошлые научные заслуги и на «немалую пользу», которую он несомненно принесет Академии наук, и просил вынести соответствующее «определение». Однако из его письма Рычкову, написанного два месяца спустя, 30 мая, ясно, что добиться успеха было нелегко, хотя, по его словам, президент обещал удовлетворить просьбу. Дело не двигалось, так как, во-первых, не было прецедента («примера еще такова нет») и, во-вторых, были и другие охотники до почетного звания. «И больше кажется,— писал Миллер,— что надлежит прежде почтить сим званием некоторых из первейших особ здешних» [334. С. 42].

Решение академической судьбы П. И. Рычкова связано с именем М. В. Ломоносова, который поддержал его, когда 20 ноября Г. Ф. Миллер повторил ходатайство, направив соответствующий доклад на имя президента Академии наук. М. В. Ломоносов, непримиримо борющийся с засильем иностранцев в Академии, стремился всячески привлекать в нее талантливых русских ученых, которые доказали бы, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская

М. В. Ломоносов

земля рождать». Поэтому он с готовностью откликнулся на просьбу Рычкова. Он признавал ценность исследований оренбургского ученого и одобрил его «Топографию», вместе с другими академиками представив ее к печати в 1755 г.

Однако в то же время М. В. Ломоносов очень высоко ценил звание члена Академии наук, призванного олицетворять наивысшую по тем временам образованность и ученость. С этой точки зрения П. И. Рычков, не закончивший никакого учебного заведения, по существу самоучка, не мог удовлетворить всем требованиям, которые ставились перед членом Академии.

М. В. Ломоносов нашел выход в учреждении нового звания — члена-корреспондента Академии наук. Среди

рукописей сохранился его собственноручный черновик «представления» на имя президента:

«1. Выписать из дела о Рычкове.

2. Определено доложить его сиятельству, чтобы для важности и славы Академии Наук без довольного рассмотрения в оную Академию членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают, и главных наук, ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики по последней мере элементарной и философии не слушали и не разумеют. Но только тех по разбору в члены вписывать, которые в вышепомянутом знании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету. Но ежели кто вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена не имеет, а может какими записками и известиями служить Академии, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской Академии наук учредить класс корреспондентов, которым на то давать дипломы. И для первого произведения в действо сего учреждения принять в академические корреспонденты господина советника Рычкова и дать на то диплому 1759, генваря 21».

Тем же числом датировано и само «представление», которое, кроме М. В. Ломоносова, подписали академики И. И. Тауберт и Я. Штелин. Видно, что оно составлено на основе приведенного выше текста:

«Представление

Прошлого 1758 года марта 30 дня поданным в Канцелярию Академии наук от г. конференц-секретаря и профессора Миллера доношением, а ноября 20 дня вашему высокографскому сиятельству докладом представлено, что от обретающегося в Оренбургской губернии г. коллежского советника Рычкова присланы в Академию Наук разные его сочинения и переводы, из которых иные напечатаны в «Ежемесячных сочинениях», а другие еще не напечатаны, так же и впредь присылать он обещает, а особливо прислать находящиеся в Оренбурге как тамошним местам, так и большей части Сибири оригинальные ландкарты и геодезические описания, сочиненные прошлых от 1738 по 1758 год, что для поправления «Российского атласа» весьма потребно, а за сию его, г. Рычкова, услугу просит он в награждение, чтоб определить его почетным членом императорской Академии Наук. А по мнению Канцелярии академической кажется, что для важности и славы Академии

Наук без дальнего рассмотрения в оную членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют, но только тех по разбору в члены вписывать, которые в вышепомянутом знании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету, но ежели кто хотя вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена, не имеет, а може какими записками и известиями служить Академии, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской Академии наук не соблаговолено ли будет учредить класс корреспондентов, которым давать на то дипломы, и для произведения в действо сего учреждения принять в академические корреспонденты вышеобъявленного г. советника Рычкова и дать на то диплому.

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
Я. Штелин

Генваря 21 дня 1759 года».

Президент Академии наук К. Г. Разумовский утвердил предложение и М. В. Ломоносов 25 января доложил на заседании Академического собрания о решении учредить класс академических корреспондентов [265. Т. 10. С. 619—620], а 28 января был подписан указ Канцелярии, содержащий слова, которые фигурировали и в черновике записки М. В. Ломоносова: «И начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты с данием дипломы господина коллежского советника Петра Рычкова ...а господину Рычкову объявить об избрании и включении его чрез господина секретаря Конференции, а для посылки к нему заготовить диплому».

В дипломе П. И. Рычкова, подписанном 16 августа 1759 г. президентом и секретарем Академии наук Г. Ф. Миллером, говорится: «Я, граф Кирил Разумовский... по данной мне от Августейшей государыни власти, высоко-достойного мужа советника Петра Рычкова причисляю в члены (в число) тех, которые с Императорскою Академиею наук производят литературную корреспонденцию, и для всегдашнего о том знания сею дипломом торжественно декларую, имея твердую надежду, что Академия и свободные науки от той корреспонденции, кою они с помянутым высокодостойным мужем

будут продолжать, знатную пользу получить имеют».

П. И. Рычков получил этот диплом вместе со следующим письмом Миллера, которое он перевел с немецкого и поместил в свои «Записки»: «Высокоблагородный господин советник! При сем получите вы диплому о принятии вас в число академических корреспондентов. Она служит в доказательство, коим образом Академия, в одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородия, которые вы к поспешствованию наук и к пользе Отечества уже учинили; а другую — сколько желает она впредь иметь пользы от прилежания и искусства вашего. Вы еще первые в России, которому от нея сия честь отдается. Оную получаете вы не чрез искание ваше, ниже по представлению ваших друзей, ибо вы сами персонально Академии незнаемы, но сведомы единственно по вашим письмам, которые вы для распространения наук и для споспешствования общей пользы, сочинили, також и чрез вашу, бывшую со мной корреспонденцию, чрез которую Академия различными образы пользы свои имела.

Сии обстоятельства изъясняют ныне сущее достоинство тоя дипломы. Теперь зависит от вашего высокоблагородия ту надежду, которая Академия на вас имеет, от времени до времени наиболее возвращать» [59. С. 315].

Итак, звание корреспондента Петербургской Академии наук по инициативе Ломоносова было учреждено в 1759 г. для привлечения к работе в Академии русского ученого П. И. Рычкова. Впоследствии Ломоносов требовал точно придерживаться этого звания и выступил с протестом, когда Миллер назвал Рычкова не «корреспондентом», а «членом корреспонденции» [126. С. 488]. Вплоть до 1776 г., когда это звание получили участники Академической экспедиции К. И. Габлиц и А. Соколов, П. И. Рычков оставался единственным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Избрание в члены Академии совпало с временем, когда обстоятельства заставили П. И. Рычкова все серьезнее думать об отставке. Его утомило ответственное положение при «губернских и заграничных делах», тем более что, как говорил он в «Записках», этих дел было много, «как никогда»; касались они непростых отношений со странами Азии и осложнений «со стороны Китайского государства» [59. С. 312]. В начале 1759 г. «от многих канцелярских трудов и беспокойств» ухудшилось здоровье, в котором он почувствовал «великую перемену».

Поэтому П. И. Рычков стал настаивать, чтобы «патроны» назначили нового губернатора. В июле 1759 г. этот пост занял А. Р. Давыдов. Он намеревался и в дальнейшем привлекать П. И. Рычкова и А. И. Тевкелева к решению ответственных вопросов управления губернией. В составленном тогда же «определении» он отмечал их компетентность в секретных и заграничных делах, особенно выделяя П. И. Рычкова. «А что до советника Рычкова касается,— отмечалось в документе,— то он, еще будучи асессором, при всех тех делах находился». Учитывая, что «он Рычков, будучи в Оренбурге издавна, о происхождении заграничных дел обстоятельно сведом», ведение этих дел Сенат возложил на него вместе с Тевкелевым. Хану Нурали велено было знать-ся именно с ним. «Того ради,— писал Давыдов,— по силе означенных... указов и обстоятельств, при тех секретных и заграничных делах и ныне им, генерал-майору Тевкелеву и советнику Рычкову присудствовать с ним, тайным советником и губернатором обще и отправлять те дела тем же порядком и формой, как оные доньше ведены были»⁸⁷.

Однако П. И. Рычков в это время уже всерьез тяготился службой. Многочисленные обязанности чиновника мешали его научным занятиям. В письме к Миллеру, написанном в конце 1759 г., сообщая о намерении представить вторую часть «Топографии Оренбургской губернии», он сетовал, что не встречает понимания у окружающих. «Критика и негодование,— писал он,— которыми новые дела часто подвержены бывают, и у нас в тех моих стараниях не редко самые лучшие случаи из рук у меня отнимают, ибо почитается то иногда за ненадобные, а иногда к должности моей не принадлежащее» [334. С. 41]. Биографы склонны видеть в этой жалобе указание на изменение к худшему обстановки вокруг него после отъезда И. И. Неплюева.

Здоровье, видимо, тоже оставляло желать лучшего, Поэтому Рычков последовал рекомендации оренбургского доктора А. А. Риндера «поддержат себя в покое» и в декабре 1759 г. подал «челобитную» в Сенат с просьбой о длительном отпуске. Получив 16 марта 1760 г. увольнение от службы на год для «рекреации» и излечения от болезней, он уехал с семьей в Спасское.

⁸⁷ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 50 (Определения по секретной и заграничной комиссии, 1759). Л. 261—263.

Время научной зрелости

«Подать повод и некоторые способы искуснейшим в истории и географии описание здешней губернии когда-нибудь сделать исправное и совершенное. В сем состоит сие мое намерение!»

П. И. Рычков

«Рычков сроднился с Академиею, видел в членах ее близких людей».

П. П. Пекарский

Спасское

Село Спасское, которое П. И. Рычков основал на 1040 десятинах земли, пожалованной ему и его наследникам «в вечное владение» в 1743 г. [59. С. 302], расположено в Уфимской провинции, недалеко (18 км) от Бугульминской слободы — предшественницы современного города Бугульмы. Вначале село носило название Ключи. В нем было 42 двора и проживало 172 крепостных крестьянина.

Удивляет точность расчета и правильность принятых решений в выборе места расположения села. Зная, сколько хлопот доставляют населению оренбургские ветры и отсутствие лесов, Рычков построил село в живописной долине у подножия невысоких гор, покрытых смешанным лесом. С севера и востока оно укрыто горами, с юга и запада — мощным лесным массивом и просматривается лишь тогда, когда к нему приближаешься вплотную. В центре села находится мощный ключ, запасы воды которого едва ли заметно уменьшились к нашему времени.

Прекрасные черноземные плодородные земли и множество лугов в лесу создавали благоприятные условия для занятия земледелием и развития животноводства, а запасы медной и железной руды в отрогах гор возле Спасского позволили заложить в этих местах основы металлургической промышленности. Академик П. С. Паллас, побывавший в Спасском в 1768 г., писал: «Помянутое село стоит на превеселом месте, которое окружают горные отчасти лесом оброслые увалы. Поч-

**П. И. Рычков в селе Спасском.
Картина художника Н. Н. Осокина**

ти в середине села бьет большой чистый ключ и течет по белому мергелю, который примечания достоин потому, что скот его охотно ест, хотя и не находится в нем соляных частиц. В некоторых около лежащих увалах показались следы медной руды, а на одном из них лежит наруже худая железная руда» [332. С. 148].

На пойменных и заливных лугах вдоль небольшой речки Шайтанки (приток р. Димки) расположилось хорошо организованное хозяйство П. И. Рычкова. Здесь он построил мельницу и завел пасеку.

В 8 км от Спасского на дарственных землях П. И. Рычков построил небольшую деревню Верхосудье (или Верхосулье) у истока речки Сулы. Ныне это — село Сула Бугульминского района Татарской АССР. Второй центр вотчинных владений Рычкова находился в Бугурусланском уезде. Здесь была основана деревня Савруша, расположенная по берегам реки с тем же названием. Впоследствии ее переименовали по фамилии владельца в село Рычково (в настоящее время — село Рыч-

ково Северного района Оренбургской области). Кроме того, у Рычкова была и подмосковная деревня Тетерки, где он останавливался по дороге в Москву и Петербург [59. С. 318 и др.].

Начиная с 1743 г. П. И. Рычков часто наездами из Оренбурга бывал в Спасском, а в 1760 г. обосновался здесь прочно, намереваясь серьезно заняться науками и хозяйством.

Научная работа пошла успешно. Уже 4 мая в Петербург Г. Ф. Миллеру была отправлена вторая часть «Топографии Оренбургской губернии», а 23 мая — «Проспект г. Оренбурга, сочиненный инженер-капитаном Ригельманом» [191]. Письмо к Миллеру от 3 июня свидетельствует о том, что Рычков искренне радовался новому для него образу жизни. «Я наслаждаюсь, — писал он, — и пользуюсь деревенским житьем. Домашняя моя экономия дает мне столько же упражнения, как и канцелярия, но беспокойства здесь такого, как в городе, не вижу. Дай боже исправиться мне в моем здоровье и в нуждах, а потом отправиться к вам узнать с вашим высокоблагородием, с другом и милостивцем, которого никогда не выдывал» [334. С. 45].

В то же время у П. И. Рычкова появились новые мысли относительно ведения хозяйственных дел. Его увлекла идея постройки медеплавильных заводов. В развитии металлургии на Урале видели одну из своих основных задач его наставники — участники петровских преобразований Кирилов, Татищев и Неплюев. С именем Татищева, например, непосредственно связано строительство многих горных заводов. Немалое, по-видимому, значение имел для Рычкова пример крупного предпринимателя-металлурга И. Б. Твердышева. Об их давнем знакомстве свидетельствуют архивные документы. Например, в записи от 17 января 1743 г., внесенной рукой П. И. Рычкова в «Журнал протоколам Оренбургской комиссии», говорится о выдаче содержателю селитренного завода Ивану Твердышеву «указа об отыскании по рекам Кинелю и Кинельчику медных и протчих руд»¹. В «Истории Оренбургской» Рычков отмечает, что в 1744 г. было выдано «дозволение» симбирскому купцу Ивану Твердышеву на строительство первого в Башкирии «медного Воскресенского завода» [58. С. 80], а в 1760 г. в «Топографии» перечисляет «пять медных и че-

¹ ГАОО. Ф. 2, оп. 1, д. 15. Л. 2 об.

тыре железных» завода, принадлежащих совместно И. Твердышеву и И. Мясникову [56. С. 399—401]. В своей предпринимательской деятельности Рычков подерживал отношения с Твердышевым [329. С. 419], однако у него самого эта деятельность такого успеха, отнюдь, не имела.

За осуществление новых планов П. И. Рычков взялся с энтузиазмом, старался «об изыскании местных руд и способных под заводы мест», а обнаружив два таких места, постановил начать ходатайствовать о дозволении начать строительство. Но он видел, что совместить эти занятия со службой не удастся. Поэтому созрело решение «просить от дел отставки и увольнения вовсе» [59. С. 317].

В конце декабря П. И. Рычков отправился в Москву, а затем в Петербург, куда прибыл 27 января и был «весьма милостиво» встречен начальством. Но его «челобитная» об окончательном увольнении в отставку вызвала неудовольствие в Сенате. Одни предлагали дать лишь временный отпуск от дел, считая что он очень нужен «по знаемости» Оренбургского края, другие хотели удержать его при Сенате в Комиссии по коммерции. Но Рычков, «не желая, по его словам, быть в высших чинах» и, стремясь к спокойной уединенной жизни, настаивал на своем решении, которое мотивировал тем, что «за многими болезнями к продолжению службы... уже неспособен» [59. С. 318]. 21 февраля 1761 г. Сенат удовлетворил его просьбу и одновременно принял решение о ходатайстве перед императрицей о награждении его чином статского советника. Утверждение в этом высоком по тому времени чине он получил через три года.

Будучи в Петербурге, Рычков подал в Берг-коллегию прошение о строительстве двух медеплавильных заводов — Ирляндского, в 50 верстах от села Спасского на р. Ирле (или Ирне), впадающей в р. Зай, и Насаковского, в 35 верстах, на р. Азак (Акай, Акан), впадающей в приток Волги р. Сос [59. С. 317]. Он просил также разрешения построить временный завод в Спасском, который намеревался пустить в ближайшие месяцы. Прошение было удовлетворено. «На первый случай, — писал Рычков, — в селе моем Спасском двух медеплавильных печек с принадлежностями, а для делания железа о содержании тут же двух ручных горнов 17 февраля определение учинено, сходное с моими желаниями;

оттуда и указ дан и на места указы отправлены» [59. С. 320].

С чувством обретенной свободы 4 марта П. И. Рычков двинулся в обратный путь и приехал в Спасское 9 мая. Начиная новую жизнь, он был преисполнен оптимизма, намеревался существовать независимо и полностью посвятить себя научным исследованиям. Но для этого необходимо было иметь процветающее хозяйство. Основу своего благоденствия он видел в проектируемых заводах и сельском хозяйстве, которое собирался вести на научных началах.

В Спасском Рычков сразу начал подготовку к строительству завода, понимая, что сначала нужно «самому в ведение дела сего придти и собственных людей к тому и к прочим заводским делам приобучить» [59. С. 321]. Это стоило ему больших усилий. Целое лето, по его словам, он «все силы употреблял со многим трудом и иждивением». На восточной окраине села 7 июля были заложены две медеплавильные печи, а в конце 1761 г. уже «плавке руд проба учинена». Позднее к двум первоначально построенным печам были добавлены еще две. По ведомости, составленной в 1768 г. Берг-коллегией, на них вырабатывалось в год 37 пудов меди.

Завод в Спасском работал около 10 лет. Вначале Рычков планировал его лишь как экспериментальный, предназначенный «для апробации... рудников», но впоследствии пришлось превратить его в промышленное предприятие, так как в речке Акане, на которой «строение настоящего (Насаковского.— П. М.) завода дозволено, вода вдруг так оскудела, что тут завод и на одну печку содержать стало быть не можно» [329. С. 420]. Этот завод так и не был построен. Для переоборудования Спасского завода пришлось солидно укрепить плотину на реке.

Ирландский медеплавильный завод П. И. Рычкова вступил в строй, вероятно, в 1765 г. [329. С. 420], но в его работе постоянно встречались осложнения, связанные с недостатком рабочей силы и сырья, с финансовыми затруднениями хозяина. Предприятие страдало от пожаров, возникавших, возможно, из-за поджогов: крепостные и дворовые люди не желали трудиться на заводе. Приходилось искать наемную рабочую силу. В 1761 г. в официальных ведомостях о заводах П. И. Рычкова сказано: «К тем заводам покупки крестьян не бывало и не

имеется. А те крестьяне, которые в селе во Спасском находятся, к строящемуся в верстах от того села пробному и ни к которому заводу от него не причисляются. А строил он этот завод по большей части наемными людьми» [299. С. 244].

Рудники, закрепленные за Ирляндским заводом, в большинстве своем оказались бедными: либо было мало руды, либо она содержала мало меди [299. С. 205; 329. С. 421]. Последний год работы завода — 1771 г., когда плавка была прекраще-

П. И. Рычков.
Бюст работы Н. Н. Осокина.
Бугульминский
краеведческий музей

на «за неимением угля и работников», а также за неимением денег, так как из-за этого «обзадачить рабочих людей нечем». В 1778 г. Берг-коллегия объявила о продаже Ирляндского завода [329. С. 422].

Таким образом, ожидаемых доходов медеплавильные предприятия не принесли. Со значительно большим успехом П. И. Рычков занимался винокурением. В 1748 г. он купил у купца Ивана Мурашкинцова винокуренный завод, ранее принадлежавший И. Твердышеву [329. С. 229], а позднее сам построил мельницу и винокуренные заводы — в Спасском, под селом Мелекесом в Казанском уезде на наемной земле, в Исетской провинции (Боровлинский завод). Его доверенным лицом некоторое время был сам И. Твердышев.

О том, что винокурение сильно занимало П. И. Рычкова, видевшего, вероятно, в нем главную статью дохода, свидетельствуют его работы о дикорастущих травах как сырье для «винного курения» [32, 35, 50]. Позднее это дело продолжил его сын Василий, имевший в конце XVIII в. небольшой винный завод в деревне Верхостоево Бугульминской округи, на р. Сосновка [329. С. 419]. Завод в Спасском позже был реорганизован в Батурицкий крахмало-паточный завод, работавший до

1957 г. В 1958 г. здание завода демонтировали. Ныне ничего не осталось ни от рудников, ни от мощных в свое время медеплавильного и винокуренного заводов, но до сих пор живет народная молва в селе Спасском о человеке «великого разума».

На своих 25 десятинах земли П. И. Рычков занялся сельским хозяйством, прилагая много стараний к повышению плодородия почвы. Именно к этому времени относятся его статьи «О урожае хлеба» [36, 38], «Примечание о прежнем и нынешнем земледелии» [21], «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии» [23] и др. В них он описывал прогрессивные способы обработки земли, рекомендовал очистку пахоты от сорняков боронами, прополку посевов, заведение летних паров и т. д., предостерегая от механического перенесения в Россию иностранных агрономических рецептов. Из статей видно, что Рычков использовал опыт крестьян, собственные наблюдения и результаты поставленных им хозяйственных экспериментов.

Все, что начинал П. И. Рычков в 1761 г., он делал с большой энергией и «к немалому удовольствию». Однако вскоре его стали постигать неудачи в хозяйственных делах. Первое большое бедствие произошло 5 декабря 1761 г.: сгорел дом, в котором погибло много ценного имущества. От пожара сильно пострадала библиотека, сгорели рукописи и переводы, выполненные им лично. Делясь своими печалью с Миллером, он писал: «Несчастье, случившееся с моим домом, не допускает меня ныне писать, ибо 5-го числа по утру здешний мой дом (который гораздо был немал) весь до подошвы выгорел, и я принужден теперь трудиться, чтоб как-нибудь на зиму обьюртоваться, а летом новый дом строить... Главный мой убыток состоит в книгах, коих у меня до 800 было. Особливо жаль мне моих манускриптов, мисцеляней и переводов, мною самим учиненных. Сей убыток почитаю я невозвратимым» [59. С. 324].

По-видимому, уже тогда П. И. Рычков начал жалеть о том, что покинул государственную службу.

Познание края — познание Родины

За хозяйственными волнениями и заботами П. И. Рычков не забывал основной цели, ради которой переехал в Спасское. Удалившись от городских «суеи и хлопот», он собирался не только «пожить с покоем», но

и углубленно заняться изучением природы и истории Оренбургского края. В его планы входило укрепление связей с Академией наук, которой он как ее корреспондент должен был передавать сообщения, представляющие научный интерес. Для этого служила «полезная и приятная корреспонденция» с Г. Ф. Миллером, и он надеялся, что отставка поможет сделать ее более оживленной и содержательной.

Спасский период действительно оказался самым плодотворным в творчестве П. И. Рычкова. Здесь он написал множество статей о природных богатствах губернии, ее истории, сельском хозяйстве, местных промыслах. Его работы были основаны на личных наблюдениях и имели явную практическую направленность. Они дополняли «Топографию Оренбургской губернии», вторую часть которой Рычков закончил и отправил в Петербург в 1760 г. После хвалебного отзыва Ломоносова о первой части «Топографии» и решений Академии опубликовать ее, а карты вырезать на меди, работа пролежала пять лет. После завершения второй части наиболее капитальный труд Рычкова был издан полностью в 1762 г. Вначале он вышел в «Ежемесячных сочинениях» [10] и сразу после этого — отдельной книгой [11]. Ландкарты же, в дополнение к которым «Топография» была задумана, были напечатаны только в 1880 г. [55].

Сочинение П. И. Рычкова занимает важное место в русской и мировой литературе XVIII в. Оценивая ее значение в развитии географической науки, известный советский географ Ф. Н. Мильков, глубоко изучивший «Топографию», считает, что это «труд, намного опередивший свое время» [307. С. 79]. Благодаря Рычкову, ученые познакомились с огромным, до тех пор фактически неизвестным краем — с его рельефом, растительностью и животным миром, экономикой, населением.

Во второй части «Топографии», состоящей из 11 глав, дается подробное описание каждой из провинций и «дистанций», которые входили в Оренбургскую губернию, ее городов, промышленности и т. д. П. И. Рычков использовал возможные источники — и материалы Губернской канцеляции, и собственный и чужой опыт. «Сам ведая и от других осведомляясь», он делал записи о том или ином месте губернии, а затем «посылал к главным командирам тех самых мест требуя от них поправления и дополнений» [56. С. 238].

ТОПОГРАФІЯ
ОРЕНБУРГСКАЯ,

то есть :

обстоятельное описаніе
оренбургской губернии,

сочиненное

Коллежскимъ Совѣтникомъ и Импера-
торской Академіи Наукъ Корреспон-
дентомъ

ПЕТРОМЪ РЫЧКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

2. 1762

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ
1762 года.

Титульный лист
«Топографии Оренбургской губернии»
П. И. Рычкова, 1762 г.

Чтобы понять цель трудов П. И. Рычкова, нужно вспомнить его слова из предисловия ко второй части «Топографии»: «Даждь, Боже! чтоб главные правители здешних дел и народов с их помощниками всегда просвещаемы были совершенным знанием всего того, что внутри и вне сей обширной губернии для государственных интересов надобно и полезно, и здешняя б Азиатская коммерция действительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азии до самой Индии по известным намерениям блаженной и вечной, славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого» [56. С. 240].

«Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова послужила образцом, на котором учились состав-

лять топографические описания другие российские авторы. Однако ни одно из такого рода сочинений с ней не может сравниться. По словам Ф. Н. Милькова, «в большинстве своем это были работы, заключавшие ценный фактический материал, но лишенные теоретических выводов и обобщений, не содержавшие глубокого анализа фактов и оценки перспектив хозяйственного развития описываемой территории, чем как раз и была замечательна „Топография“ Рычкова» [307. С. 81].

Сочинение П. И. Рычкова сразу обратило на себя внимание ученых и было дважды издано в немецком переводе. Первый из них был выполнен пастором Х. Г. Газе из г. Сульц (ныне Бад Сульц) в Тюбингене. Этот перевод опубликовал немецкий ученый А. Ф. Бюшинг, живший некоторое время в Петербурге и хорошо знакомый с русской географической литературой. «Топография» П. И. Рычкова вышла в пятом и шестом томах его 22-томного издания «Журнал новой истории и географии» в 1771—1773 гг. [47]. Второй перевод, принадлежащий рижанину Я. Роде, был издан отдельной книгой в Риге в 1772 г. [49]. Переводить «Топографию» на немецкий язык начал и академик П. С. Паллас, но эта работа осталась незавершенной.

Новое русское издание было осуществлено в 1887 г. Оренбургским отделом РГО [56]. В предисловии к этому изданию отмечалось, что «ни один исследователь Оренбургского края не может обойтись без того, чтобы не почерпнуть чего-либо из этого, замечательного для своего времени труда». В 1949 г. «Топография Оренбургской губернии» была переиздана в сокращенном виде (только географический раздел) под редакцией Ф. Н. Милькова [60], в 1983 г. вышло новое немецкое издание (с некоторыми сокращениями), которое осуществил А. Андерле [64].

Сам П. И. Рычков, всегда очень сдержанно оценивавший свои научные заслуги, видел в «Топографии» лишь первую попытку описать Заяицкие степи и Башкирию, «достойные осмотров и испытания от людей, во всех науках совершенных» [56. С. 237]. Ему, как он считал, удалось «по долговременной... бытности в здешних краях» собрать «нужные справки» для будущего обстоятельного описания Оренбургского края. Поэтому он был весьма обрадован положительными отзывами ученых своего времени. Когда известный историк А. Л. Шлецер опубликовал в немецком журнале в 1766 г.

рецензию на «Топографию» с подробным обзором ее содержания, П. И. Рычков записал: «К достопамятствам сего 1766 года в рассуждении меня и сие придают надлежит, что в Геттингенских объявлениях об ученых делах под дирекцией Английского королевского собрания наук, в марте месяце напечатана рецензия на Оренбургскую мою Топографию с немалым выхвалением; я ее, переведа на русский язык, приобщил к той моей Топографии, коя в домашней моей библиотеке имеется» [59. С. 325].

Живя в Спасском, Рычков внимательно изучал географию близлежащих мест. В июле 1762 г. в «Ежемесячных сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», где публиковались главы «Топографии Оренбургской губернии», он дал подробное описание Бугульминской Слободы. «Жительства в одной Бугульминской Слободе, — писал Рычков, — будет сот до пяти домов и две церкви деревянные, тут же... учреждена богадельня, в которой всякого звания, и по большей части из ссылочных, не могущие работать и собственное пропитание иметь... Под ведением Бугульминской земской конторы состояли другие слободы, и именно Письмянская, Кувацкая, Бугурусланская, Еланская, Кандыжская и еще разные по той большой дороге² и в стороне от нее находящиеся российские и иноверческие жительства... всего до 4.720 душ» [56. С. 268]. Это описание позволяет сделать вывод, что в те времена Бугульминская Слобода была важным административным центром. Рычков очень точно охарактеризовал различные кустарные промыслы (овчинно-шубные, кожевенный, кузнечный, гончарный и др.), места ярмарок, торговлю скотом и солью. Говоря об окрестностях села Спасского, он указывал, что в лесу родится много грибов и ягод, а в чистых и холодных водах речек Шайтанки и Гремячки водится много рыбы — кутемы, пеструшки и форели.

Большое научное значение имела работа о Каповой пещере на правом берегу р. Белой вблизи Воскресенского медеплавильного завода, куда П. И. Рычков ездил по служебным делам зимой 1760 г. «Имел случай, — писал Рычков, — посмотреть с немалым моим удовольствием ту великую пещеру, которая от заводу вверх по реке Бе-

² Большой дорогой Рычков называл дорогу, идущую из Москвы в Оренбург через Казань.

лой на самом берегу сей реки в высокой горе находится и во всей Башкирии за наибольшую и знатнейшую почитается» [59. С. 316]. Миллеру он сообщал, что для этого он «ездил верхом чрез глубокий снег без дороги верст двадцать» [334. С. 61].

Работа Рычкова «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается», опубликованная в том же 1760 г. [9], получила впоследствии высокую оценку географов и считается первой в России научной работой по карсту. «Правда, упоминание о карсте можно встретить и в более ранних печатных изданиях,— указывал Ф. Н. Мильков,— но все они носят характер случайных, отрывочных сведений, в то время как у Рычкова мы имеем дело с крупной статьей, специально посвященной карсту — описанию и выяснению генезиса пещеры, а частично и других карстовых форм рельефа» [307. С. 32].

После выхода в свет «Топографии Оренбургской» Г. Ф. Миллер дал Рычкову совет — начать географическое описание Российского государства. В письме, датированном 28 марта 1763 г., соглашаясь на это предложение, Рычков писал: «Я б охотно взялся за то, чтоб сочинить введение к Географии Всероссийской империи; но ежели оное обстоятельное надобно, что в нем гораздо больше трудности, нежели в историческом сочинении. Что до истории надлежит, сие можно брать из разных книг и сочинений, а в географии нужно будет справки и сношения иметь с такими людьми, которые о принадлежностях к ней никакого почти понятия не имеют. Довольно для меня, ежели б я и Казанскую губернию под именем Топографии Казанской описал» [334. С. 71]. Он просил, чтобы Академия наук для облегчения задачи официально предложила ему написать этот очерк. Тогда он мог бы «свободную корреспонденцию иметь и надобные к тому извести получать». Кроме «Казанской топографии», он, возможно, написал бы еще «Астраханскую топографию», а впоследствии «из таких частных или местных описаний не трудно уже будет и всецелую георгафию сочинить» [334. С. 72]. К сожалению, эти планы не были осуществлены.

Сотрудничество с Академией наук

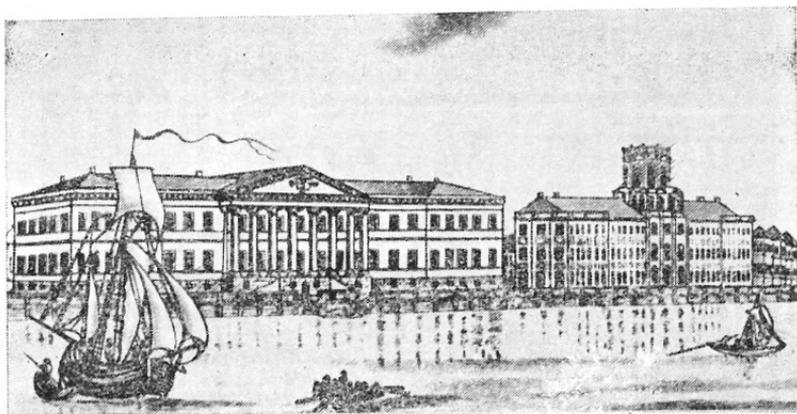
Удаленность от Петербурга не мешала П. И. Рычкову чувствовать себя членом Академии наук. Академическое звание он оправдывал постоянными научными исследованиями, тематика которых была связана с изучением Оренбургского края и как нельзя лучше соответствовала интересам Академии наук в то время.

Природная любознательность заставила его смолоду собирать сведения обо всем достопримечательном, с чем приходилось сталкиваться на осваиваемых землях. «Я сначала бытности моей, — писал Рычков, — там по охоте моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрез посылаемых в те места, где что-либо куриозное есть, достоверно разведывать, а иногда и описывать» [334, С. 41]. Эту склонность своего члена-корреспондента широко использовала Академия наук, перед которой стояла задача комплексного изучения природы Российского государства.

1 февраля 1765 г. Академия разослала губернаторам отдаленных окраин, в Казань, Оренбург, Астрахань и т. д., указ и наставление «о присылке для приумножения императорской кунсткамеры всякого рода куриозные натуральные вещи, которые бы могли служить впредь физическому описанию Российской империи, яко то: птицы, звери, рыбы, гады и всякие насекомые. Также минералы, семена всяким лесным, полевым и водяным плантам и растениям» [126. С. 628]. В эту работу, соответствовавшую его интересам, П. И. Рычков включился с присущей ему энергией.

Еще в 1759 г. он в ответ на просьбу Г. Ф. Миллера послал в Академию наук несколько экспонатов с их описаниями для «натурального кабинета» А. С. Строганова. Намереваясь пополнить коллекцию любопытными и мало известными в науке того времени образцами, ее владелец должен был обратиться за помощью к знатокам осваиваемых областей Российского государства. Лучшего поставщика таких научных «раритетов», чем трудолюбивый исследователь из далекого Оренбургского края П. И. Рычков, найти было трудно.

Понимая это, Г. Ф. Миллер перечислил несколько интересных, с его точки зрения, природных объектов (образцы минералов и руд с указанием их месторождений, в частности: соли из Илецка и окрестностей Самары, гнездо птицы ремеза, чучело земляного зайца,

Петербургская Академия наук, XVIII в.

белужий камень, изображение выхухоли и т. д.) и поставил перед Рычковым ряд связанных с ними вопросов. «Подробные ответы на эти вопросы, — писал Миллер 25 февраля 1759 г., — будут помещены в изданиях Академии наук». При этом он ссылался на публикацию Рычковым статьи касательно выхухоли, что заслужило похвалу не только в России, но и иностранных народов [334. С. 89—90].

П. И. Рычков усердно взялся за работу и выполнял ее со свойственной ему тщательностью. Уже 6 мая 1759 г. он отправил чучело выхухоли с описанием животного, 13 мая — три гнезда ремеза, присланные по его просьбе из Исетской провинции, а затем несколько чучел этой птицы. Он собрал сведения о местах ее обитания и образе жизни, привел литературные данные и собственные наблюдения, а также сообщил, что в народной медицине считается полезным для здоровья окуривать жилище угольками из гнезда ремеза. В нескольких письмах Рычкова описаны камни, которые иногда обнаруживаются в теле рыбы (белуги) или животных (баранов, диких кабанов). В январе 1760 г. он сообщил Миллеру о редкой для Европы птице — водяном воробье, или олянке, а в июле 1761 г. послал ему саму птицу, застреленную в Спасском, и описал ее повадки. В письме от 6 апреля 1761 г. дано описание местных пород овец — курдючной «киргизской» и «трухменской» (или бухарской) и сделаны заметки об их содержании [334. С. 89—95].

Восточной Сибири и в особенности в Оренбургской губернии
 и в Оренбурге,

Миллеру

Ваше письмо о водном воробье, которое вы описали в своем
 журнале, мне очень интересно. Я не знаю, где вы видели
 его, но в Оренбургской губернии он встречается в большом
 количестве. Я видел его в Оренбурге, в окрестностях
 города, а также в некоторых местах Оренбургской губернии.
 Он отличается от обыкновенного воробья тем, что имеет
 белую грудь и белую голову. Он живет в кустах и в
 низких деревьях. Он поет очень приятно. Он очень
 ловок и проворен. Он очень любит воду. Он очень
 любит есть ягоды. Он очень любит есть хлеб. Он очень
 любит есть мясо. Он очень любит есть рыбу. Он очень
 любит есть овощи. Он очень любит есть фрукты. Он очень
 любит есть все, что ему нравится. Он очень любит
 жить. Он очень любит быть свободным. Он очень любит
 быть счастливым. Он очень любит быть здоровым. Он
 очень любит быть добрым. Он очень любит быть
 честным. Он очень любит быть справедливым. Он
 очень любит быть трудолюбивым. Он очень любит
 быть скромным. Он очень любит быть вежливым. Он
 очень любит быть терпеливым. Он очень любит
 быть стойким. Он очень любит быть смелым. Он
 очень любит быть храбрым. Он очень любит быть
 верным. Он очень любит быть преданным. Он
 очень любит быть любящим. Он очень любит
 быть уважаемым. Он очень любит быть любимым.

Письмо П. И. Рычкова о водяном воробье

Сообщения Рычкова касались самых разных явлений природы, которые он наблюдал в Оренбургском крае, обычаев народов многонациональной губернии, их языков и т. д. В сентябре того же года Рычков сообщал о распространенном в крае вишневом кустарнике с крупной вишней, «не хуже садовой», а в ноябре ответил на вопрос Миллера о способе приготовления рыбного клея, применяющемся в Яицком городке. Этот

Сятельнѣишии Графѣ!

Мѣтнншии Дѣри Володи.и.сербъ ГригоръЕвннч.

Вѣдроложь 1761. году прилислиъ вашето Графского сѣл. тельства отъ 18. септѣбра, получилъ я записку сѣлельнѣи дабы я лонѣи исполнилъ, которомъ требованно отъ меня.

1^е Постаратся олринсканинъ не большаго количества черъ пѣца или на клоловъ лолодилъ червлячкоть, которые уже изъ Янцѣ вышлѣ.

2^е переслатъ пѣбачкоть или пѣлчичкоть нѣсколька гораздо сльдо собранилѣ. нсколька лолодилъ не лоломлять мѣлѣ, въ которилъ бы сще можно было разсмотрѣть не сѣлкое.

3^е травы нсколоторѣ тѣ Янчкн нахадятся, высушеннѣи въ бумагѣ свѣдѣточкѣми и несозрѣлѣи лѣддѣми такъ же изрѣлѣи лѣдѣ свѣдѣчанинѣ въ ванкѣ, сѣдѣлѣ лолодилъ сѣлѣси трѣи лоло сареннѣи пѣ локромъ лѣлѣ.

Нѣслово того сѣ году отъ 13. окт. докосилъ уже я, что то тѣрѣ бѣвалѣе лоловое тѣрѣи испралѣ вышетоу графскому сѣлельнѣи донесу. по чему нѣнѣи и лолосилѣо лрнселѣ вышетоузначеннѣи червлячкоть и лнчекѣ не большоо количество. олнсанѣе ушнѣе лоло мною обнѣлѣ на лрѣдѣ сето лолосилѣо уже отъ меня лѣ вышетоу сѣлельнѣи, лоло и на лѣсѣчѣтнѣи лѣ VI. частнѣи Экономическѣи тѣрудѣлѣ. чнстнѣи червлячкоть не лололѣ я нѣнѣи вѣлѣлѣ собралѣ; но лоло тѣрѣи лересылѣнѣи изъ лоло сланнѣи лнчѣ на дѣлѣе дохѣлѣи

Сообщение П. И. Рычкова В. Г. Орлову об оренбургской кошенили

в два с половиною аршина и об окаменелом дереве, обнаруженном на рудниках Ивана Твердышева.

К 1763 г. относится сообщение Рычкова, вызвавшее в Академии наук большой интерес. Он описал встречающиеся на корнях земляники шарики с «червецом» внутри, подобным кошенили: местные жители, «собирая оные шарички из под клубники во свое время, красят шерсть и другие вещи в самую хорошую и кар-

ибылуктис. и еста она самыя свѣдѣіе, но незнаю кем перепя-
 тила по нѣмъ кѣнности въ перепялке, или небылуктис или
 члмвас червячки.

Чтобъ касатся до травы у которои въ коренне оне червячки
 намъчкка насаждаеца: то она обыкновенная клубнишина трава,
 которои нѣвъ Санктпетербургскѣхъ садахъ надытьсь довольно
 есть. однакъ для образца нони нѣсколько листочковъ взе
 ленными ягодами тутъ се похосама, цвѣтъ унѣ быдѣе вълок
 аводнѣннѣ желтънхся желтая шиньщѣка, но здѣшняя клу-
 ника надытьсь гораздо крунняя Санктпетербургскои. Мо-
 же ягоды насаждаеца по саилому большему орѣху, а иногда
 неораздо больше что надытьсь подоботвъ здѣшнихъ земля,
 слѣблывъ ядаъ переслатъ отъсея неможно лѣтними дѣра,
 ибо они очени скоро портятея измяо, но для съблывъ шесу
 шенихъ на сонце. или, икортышкавъ выколосѣ нѣвъ Заатарже
 ноу земляе ецель прикжете въ зимнѣе время переслатъ
 къ вашему сіятельству недрѣвнику.

Въ протѣе доаторлю еще Мудрашуя мѣо въ катарство. Эка прѣд-
 лене сына моего къ дѣду профессору Лиласу, «каоторого онъ кѣ мало
 дои чедрѣт» много може научисъ полезному для себя для Отечествъ,
 и тако докогда свѣтлѣе мѣея прѣбдуу декубоцишннѣ лѣчнтнелѣ.

Vasilio Trivicko Sved. Ekemba
 Митинвиско Свѣд. Мѣо.

Попорядку иерархіи Свѣд.

Мѣо ричивѣ

Звѣстаскаго,
 июля 12 дѣа
 1766. году

Отпущено Мѣ.
 24.1. 1766. году.

В. Коуна & Шварцъ, Нѣроу прѣдѣлѣнѣе Дѣлаиав
 то оидъ прѣдѣлѣи илѣкобъ Франсѣ Коуна, Нѣроу прѣдѣлѣи

Свѣд. Мѣ. Нѣостама.

мазину подобную краску» [334. С. 98]. Миллер ответил в письме от 4 августа: «Открытие такого неизвестного в натуральной истории предмета, как кошениль в Оренбургской и Казанской губерниях и притом на кустиках земляники, заслуживает великой признательности. Я не премину огласить это во всеобщую известность для вашего прославления» [334. С. 98]. Позднее П. И. Рычков опубликовал статью об оренбургской кошенили [19], а при ее обсуждении почетный член Академии наук И. Г. Модель для проверки выводов автора произвел сравнение полученной из нее краски

с краской из американской и польской кошенили [363. С. 253].

15 ноября того же года Рычков препроводил в Академию наук три плитки самородной флюсовой известки, употребляемой на местном медеплавильном заводе вместо жженой извести. В том же письме он просил прислать «для пробы и виду» кусочек наилучшего каменного угля, чтобы сличить его с местными образцами. В конце года он послал для передачи М. В. Ломоносову образцы уральских медных руд.

1 сентября 1767 г. Рычков отправил Миллеру описание (впоследствии утерянное) земляного зайца — зверька, по его словам, «весьма куриозного»: когда он скачет, то «больше схож на прекрасную птичку, нежели на зверочка» [334. С. 101—102]. В Академию наук были отосланы также «чучелки» этого животного, которые рассматривались на заседании академической конференции 2 ноября 1767 г.

Многие из сообщений П. И. Рычкова были опубликованы в академическом журнале «Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», другие — с 1765 г. — в «Трудах Вольного экономического общества»; некоторые остались неопубликованными.

Говоря о связях П. И. Рычкова с Академией наук, необходимо остановиться на его отношениях с М. В. Ломоносовым в эти годы. Они встретились в Петербурге на академическом заседании 12 февраля 1761 г. Рычков вспоминал, что на этом заседании «удостоился похвалу и благодарность получить» за посланные в Академию труды, а особенно за сочинение «Оренбургского исторического и географического описания» [334. С. 45—46].

Но как раз в это время из-за обострившихся разногласий с Г. Ф. Миллером Ломоносов сформулировал несколько обвинений против него и направил их президенту Академии. Одно из них касалось П. И. Рычкова в связи с его академическим титулом. Он писал: «Г. Миллер не токмо пишет, но и печатает ложь и общество обманывает, например Рычкова представил почетным членом. А как его по справедливости сделали только корреспондентом, то Миллер печатал его членом корреспонденции в противность определения и обыкновения. Из сего и из многих примеров видно, коль неправедны бывают протоколы конференции, кои он один подписывает» [334. С. 46].

По-видимому, разговоры об этом велись и раньше и дошли до П. И. Рычкова, так как он еще 17 мая 1760 г. писал Миллеру: «Я не признаваю никакой дифференции в том, чтоб именовать корреспондентом или членом корреспонденции. Мне кажется первое еще и преимущественнее, разве в ваших академических поведеньях инаково... А я никаких высших преимуществ не требую, но еще и прошу, дабы для избежания критики и всяких споров при сочинениях моих имен не ставить» [333. С. 70—71]. В то же время Рычков был уверен, что причина недовольства М. В. Ломоносова кроется совсем не в недостатках его работ, которые, как он знал, напротив, получили высокую оценку академика. И его совсем не радовало «соучастие» в академическом конфликте. Покинув Петербург в марте 1761 г., он долго не писал Миллеру, и тот считал, что это молчание — следствие этих событий. Однако Рычков объяснил, что причиной было весеннее распустье, и их отношения стали прежними.

Оренбургский край всегда вызывал у М. В. Ломоносова большой интерес. Он понимал, что изучение этой многонациональной окраины России будет стимулом развития русской науки — не только естественно-географических дисциплин, но и востоковедения. Поэтому в своем проекте преобразования Академии наук и университета ученый доказывал необходимость основания кафедры «ориентальных языков» [114].

Сообщения Рычкова, неутомимого исследователя и знатока Оренбургского края, М. В. Ломоносов ценил, находя в них новые полезные сведения. Рычков же, глубоко почитал знаменитого академика, стремился поддерживать с ним связь. Так, 31 августа 1763 г. он обращался к Миллеру с просьбой: «Ежели нетрудно и непротивно, покорно прошу вас уведомить меня: Михайло Васильевич Ломоносов где и как ныне находится?» [333. С. 88].

Отношения между ними оживились в 1764 г. в связи с описанием руд и минералов, нужным для сочинения, которое задумал, но не успел довести до конца академик. 20 декабря 1763 г. был объявлен указ заводчикам, в котором говорилось: «Автор книги, именуемая: Первые основания Металлургии, статский советник и профессор Ломоносов, намерен для общего знания и приращения рудных дел во всей Российской империи сочинить описание руд и других ми-

нералов, находящихся на всех российских заводах; из чего б составить общую систему Минералогии Российской и показать физическим и химическим основаниям в предводительство правила и приметы рудным местам для прииску, много точнее, нежели поныне известны» [126. С. 625—626]. Поскольку для осуществления этого полезнейшего проекта требовались образцы минералов, ко «всем содержателям разных заводов» направлялась просьба доставить Ломоносову образцы руд и минералов. Получив его, П. И. Рычков писал Г. Ф. Миллеру 18 апреля 1764 г.: «Вчерась получен в заводскую мою контору указ из горного начальства, чтоб по требованию Михайла Васильевича Ломоносова всем заводчикам сообщать к нему руды и минералы со описанием. И я намерен о моих рудах послать к нему описание и пробы» [333. С. 71]. Через несколько дней, 1 мая 1764 г., он поспешил отправить Миллеру пакет с образцами медных руд и их описанием и просил передать его М. В. Ломоносову, а осенью, получив новые сведения, дополнил прежнее сообщение. «Не знаю я,— писал он 27 ноября,— каково показалось Михайле Васильевичу Ломоносову описание мое о рудах. Ныне приехали ко мне с уральских моих рудников люди. Я из разговоров с ними приметил о положении тамошних руд такое обстоятельство, которое, как мне помнится, недовольно я изъяснил в моем описании». И далее, описав расположение пластов руды в районе Уральских гор, он заметил: «Кажется сие достойно особливих примечания и рассуждения. Мне мнится, что всему тому, а может и происшествию тех самых гор причина когда-нибудь бывшее великое землетрясение, либо наводнение. Не разсудите ли вы сие при случае Михайле Васильевичу сообщить» [333. С. 72].

Ломоносов одобрил это сообщение, как и предыдущую записку, которая впоследствии была обнаружена в его бумагах [126. С. 628]. Миллер писал Рычкову 24 декабря: «Сегодня все наше академическое общество обедало у его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова. При этом случае я виделся также с г. Ломоносовым и показывал ему ваше известие о рудах на Урале. Оно было ему приятно, и он обещался письменно поблагодарить, как за это так и за прежние сведения» [126. С. 628].

«Я рад,— отвечал П. И. Рычков 15 января 1765 г.,— что Михайле Васильевичу Ломоносову понравилось

Perennisimae ac Potentissimae Imperatricis
ELISABETHAE AVUSTRIAE
totius Russiae Imperatoris
maie.

ESTO SINCERUS COMES DE КОЛУМКОМЪ
Sacre Imper. Maiestatis Minoris Russiae ad vicinque Bogushevskij girum
ac legationum terrarum catherachus Helmanus
Eisdemque Comaribus ordinarius, Academicus Imper. Facultatum Præses
militum preteritoriarum benedictarum Praefectus
ordibusque P. Andree. Aquilæ albæ. S. Alexandri et S. Simeon Episcopi
pro pietate ab AVUSTRIA mihi concessa

Quorum Imperatorum, Comitatuum Petrar. Regibus
in cunctis etiam, qui cum Imperiali Scientiarum, Nobilitatis, Artium ac Commercii literarum, scripto, il, que de Historiæ antiquitate
spe factus, fore, ut, Andree, et bonæ artis, a Commercii literarum, anni, ipso, hinc, Imper. hactenot
vobiscum non vulgarum, fieri, adferunt.

Петроби, А. С. МИХАИЛ. die xvi. Augusti.

Com. G. Illus. Romanow

Gen. G. Illus. Romanow
et ad. hinc. hinc. et hinc.

Диплом члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. И. Рычкова

сочинение мое о рудах и минералах». Из дальнейшего текста видно, что он с нетерпением ждал ответа. Но обещанное письмо так и не пришло: 4 апреля 1765 г. М. В. Ломоносов скончался.

Одобрение Ломоносова придавало Рычкову уверенности в полезности его сообщения, которое он опубликовал впоследствии под названием: «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии» [16]. Отправляя рукопись в журнал, он писал Миллеру 28 июня 1766 г.: «Ныне... послал я представление о здешних рудах на том основании, как я к покойному Ломоносову писал. Он отзывался мне весьма им довольным, согласуя с моим мнением».

Дела семейные

В конце 1761 г. П. И. Рычков, все сильнее испытывая материальные трудности, впервые попытался вернуться на службу. Он хотел получить освободившееся место директора казанской гимназии, не связанное с такими «большими трудами и беспокойствами», как в Оренбурге, но дающее в год 600 р. жалованья. Обращаясь к Г. Ф. Миллеру с просьбой похлопотать за него, он писал: «Сие место... по моим летам и по моим склонностям... кажется для меня не несходно б... Буду я не в дальности от моих деревень и заводов, кои будучи в Казани править мне не трудно» [334. С. 49]. Однако в ответном письме Миллер сообщил, что желанное место уже занято.

Между тем забот у П. И. Рычкова прибавлялось. Семья росла. В 1761 г. родилась дочь Анна, в 1762 г. — сын Ксенофонт. Воспитание и образование детей занимали важное место в его жизни. Он сам обучал их основам наук, приглашая себе на помощь лишь преподавателей немецкого и французского языков [398. С. 289]. Судя по тому, что сыновья впоследствии быстро проходили университетский курс, в роли педагога П. И. Рычков выступал успешно. Это и неудивительно, так как он, вне сомнения, принадлежал к ученым людям России. Но, не получив сам систематического образования, он хотел, чтобы дети не испытали связанных с этим неприятностей. Директорский пост в казанской гимназии казался ему привлекательным «особливо для воспитания малолетних детей своих» [334. С. 49].

Педагогические взгляды П. И. Рычкова изложены в его «Записках», которые он начал вести именно в это время, имея в виду дать в них наставление детям. «Должность отцовская..., — писал он, обращаясь к ним, — и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вам такое письмо, которое к честному и добродетельному житию было бы вам некоторым правилом и наставлением...». Задумав «Записки» как «род... домашней истории, коя... потомкам роду небезпотребна, но и полезна», он описывает свою жизнь, чтобы дать пример для подражания — «образ такого отца, которому дети должны последовать, ежели хотят быть честны и добродетельны» [59. С. 289, 290].

От страницы к странице Рычков внушает детям принципы, которых придерживался всю жизнь. Он замечает, что никогда «к нажиткам и богатству страстно не был прилеплен» и главную свою цель видел в добросовестном исполнении своего долга. «Истинное и совершенное благополучие», по его мнению, состоит «в честности и добродетели..., також и в спокойствии духа» [59. С. 291]. Поэтому и детям он советует «несмотря ни на какие затруднения и помешательства, в должностях... прилежность умножать и труды к трудам прилагать крепко» [59. С. 304—305]. «Мои желания в расуждении вас, — обращался он к детям, — всегда состояли в том, дабы вас в добром воспитании и в учении содержать (к чему крайнюю мою возможность употреблял и употребляю), а при том оставить бы вам хотя и небольшие способы, однакож такие, чрез которые бы вы в содержании своем великих нужд и бедности не имели» [59. С. 291].

Свое напутствие детям П. И. Рычков сводит, по существу, к следующему: «Когда с молодых ваших лет не будет в вас лености и в должностях ваших так станете трудиться, как я мог... и поступки ваши с моими будут сходственны, то надеюсь... что вам в свете ни в чем нужном недостатка не будет; излишества ж бесполезны, отводят от добродетели, следственно и желать их не надо» [59. С. 291].

Старшие дети П. И. Рычкова получили самостоятельность. Андрей, который в 1757 г. был пожалован поручиком и в том же году женился на дочери симбирского помещика А. М. Рогова, продолжал службу в армии. В 1761 г. он находился в заграничных войсках, куда был отправлен по его собственной просьбе. П. И. Рычков пи-

сал по этому поводу: «Желание истинной чести, врожденное ему чрез меня, побуждало его к вышеозначенному прошению, чего и я ему, как его отец и сын отечества, воспрещать не мог» [59. С. 316]. Служба шла успешно, и отец «обрадован был», узнав, что 1 августа Андрей Рычков «за отличность в бытность его при атаке и взятии города Берлина и за неоднократную курьерскую езду из армии в Санкт-Петербург и в армию пожалован капитаном» [59. С. 321].

Андрею после его женитьбы П. И. Рычков отдал деревню Саврушу. Здесь в 1769 г. родился сын Андрея Петр, оставшийся его единственным ребенком.

Интересно отметить, что, продолжая начатую дедом традицию, Петр Андреевич впоследствии вел записки. В них он дал яркую характеристику своих родственников и прежде всего отца и деда, которых хорошо помнил. Описал он и свою мать — жестокую крепостницу, напоминающую печально знаменитую Салтычиху. Записками П. А. Рычкова воспользовался его внук Николай, который в 1862 г. в журнале «Библиотека для чтения» опубликовал талантливо написанный очерк «Отрывок из семейных записок Рожновых» [369]. Несмотря на некоторое изменение в фамилии, здесь безошибочно узнаются представители семьи Рычковых. Петр Иванович, его жена Елена Денисьевна и Андрей Петрович выступают под настоящими именами. Они обрисованы блестяще, живо и показаны типичными представителями своей эпохи.

Андрей Петрович в изображении сына — «в полном значении слова, служака времен царствования Екатерины II. Он был добр, откровенен и готов был отдать свою последнюю рубашку, чтобы помочь солдатам, службой дорожил и в исполнении служебных обязанностей был неутомим и неумолим» [369. С. 125]. Участвовал во многих сражениях, а вообще «любил жизнь веселую и так любил играть в карты, что когда был награжден императрицею Екатериной II за свои заслуги золотой табакеркой, осыпанной алмазами, то эта награда была проиграна, по неимению денег, сей час же по получении». Эта семейная легенда была, по-видимому, основана на фактах. Вероятно, соответствовало действительности и сообщение о том, что, спасаясь от «грязной и мелочной жизни», выпавшей ему на долю, Андрей Петрович не вышел в отставку, и «отъезды в полк были единственными средствами, которые он употреб-

лял, чтобы хотя бы на время избавиться от своей супруги».

Второй сын П. И. Рычкова — Иван учился в это время в Московском университете, но 16 февраля 1762 г., «получа о своем учении надлежащий аттестат», был из университета «уволен» и вернулся к отцу в Спасское. Третий сын — Николай находился на военной службе.

Летом 1762 г. П. И. Рычков вынужден был выехать в Исетскую провинцию, где «с превеликою нуждою учили... удобовозможное поправление» делам, связанным с винокуренными заводами, — делам, которыми он был «подвержен... многим затруднениям и беспокойствам». В конце года он отправился с сыновьями Николаем и Иваном в Москву, чтобы хлопотать об их службе — «для способности к их содержанию из Троицкого драгунского переписать в Ревельский драгунский полк». Кроме того, в столице нужно было уладить некоторые заводские дела. Отправившись в путь 8 декабря, они сделали остановку на три дня на Меленкинском винокуренном заводе «для поправления оного», а затем, следуя через Симбирск, прибыли 30 декабря в Москву [59. С. 322].

Во время этой поездки П. И. Рычков был представлен новой императрице — Екатерине II. В своих воспоминаниях он сообщает, что 1 января 1763 г., «будучи во дворце, имел счастье быть у руки ея величества», не проявляя при этом никакого восторга и верноподданнических чувств. Это событие запомнилось ему точно так же, как и то, что 1 февраля к нему в Москву приехала жена, «с которою того же дня ввечеру имел случай быть при дворе в маскараде». 6 февраля они выехали из Москвы, провели пять дней в своем подмосковном «сельце» Тетерах, побывали в Ростове «для молебствия по новоявленному чудотворцу Димитрию», а затем через Суздаль, Муром, Арзамас и Симбирск 17 марта вернулись в Спасское [59. С. 322].

Летом их ждали большие неприятности. Как писал в «Записках» П. И. Рычков, в июле «в селе Спасском и деревне Верхосулье произошел мятеж и беспокойство от некоторых крестьян». Взбунтовавшись, они стали разбегаться. Из них семь человек добрались до Оренбурга и доказывали в своей челобитной, что они вольные, отданные в каторжную работу, а не крепостные [59. С. 322—323]. Несмотря на наказание, крестьяне, видимо, не успокоились. В письме к Миллеру 31 авгу-

ста Рычков признавался: «У меня здесь в селе очень конфузно: между крестьянами человек двенадцать бежало. Сие меня не мало беспокоит и не допускает о делах ваших мыслить и писать порядочно, ибо от плутов несколько и в опасности нахожусь. Стараюсь, чтоб они были усмирены в силе указов канцелярским определением» [334. С. 50].

Занявшись сельским хозяйством, Рычков изо дня в день общался с крепостными крестьянами и мог наблюдать их жизнь. (В середине 50-х годов он был владельцем 2709 душ [398. С. 305]). Он понимал, что процветание Отечества непосредственно зависит от производительности земледельческого труда, и старался найти способ согласовать интересы крепостных и помещиков. Однако, подобно многим своим современникам, Рычков считал крепостничество явлением не только закономерным, но и непреходящим. Поэтому он вовсе его не осуждал, не обличал его пороки. Высказанные в его «Наказе для управителя или прикащика»... [41] пожелания ввести трехдневную барщину и несколько смягчить положение крепостных, диктовавшиеся необходимостью поднять производительность барщинного хозяйства, были крайне робкими.

В то же время Рычков считал, что помещики должны заботиться о благополучии крепостных, об их здоровье, о «нарочитом хлебном запасе», рекомендовал следить за тем, как крестьянин «свое домостроительство наблюдает», советовал поощрять крестьян «к заведению овощных огородов, плодовых садов» и т. д. Он высказывался против поддержки некоторых вредных обычаев, не одобрял излишества в быту у дворянства, осуждал непомерный рост числа дворовых людей, что отвлекало крестьян от земледелия.

Осуществить эти меры на практике оказалось, по-видимому, делом весьма трудным, а мечта «пожить с покойем» становилась все более недостижимой.

П. И. Рычков сделал новую попытку найти место государственного служащего. Вначале опять появилась надежда стать директором казанской гимназии, и опять его постигла неудача. Тогда он попытался предложить свои услуги учрежденной в Петербурге Комиссии о коммерции, которая изучала давно поставленный, но по-прежнему актуальный вопрос о торговле с Индией.

Этот вопрос вызывал большой интерес у правительства Екатерины II. Заботы о расширении и стабилиза-

ции оренбургской торговли в среднеазиатском и индийском направлениях приобретали государственный характер [284, 291]. Летом 1763 г. вместо губернатора А. Р. Давыдова в Оренбург был определен Д. В. Волков, бывший секретарь Петра III, человек блестящих дарований, игравший видную роль среди придворных политиков. Назначая его 6 мая оренбургским вице-губернатором, а 13 июня — губернатором, Екатерина II отправляла его в почетную ссылку, продолжавшуюся, впрочем, только до конца года: в октябре он был вызван в Петербург и стал президентом Мануфактур-коллегии.

Именным указом императрица предписывала Д. В. Волкову, как говорил П. И. Рычков, «от себя самого всякие представления делать и присылать проекты ко учреждению коммерции и к приласканию тамошних народов иноверных» [84. Ф. Воронцовых. Л. 278—278 об.]. Представляя новому губернатору полную свободу действий, она одобряла все его «политические и экономические распоряжения» относительно коммерции, лишь бы «оная могла простираться до Индии» [84. Ф. Воронцовых. Л. 170—171]. Предписывалось и впредь поступать с азиатскими купцами так «снисходительно», чтобы и при «погрешностях» их «не отлучать азиан» от «оренбургского торга»³.

В этих условиях в Петербурге, казалось бы, должны были обратить внимание на опыт и знания П. И. Рычкова, тем более что с Волковым его связывали приятельские отношения [334. С. 72]. В своей статье «Мнение о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские страны и о средствах, к тому надлежащих» [69], отправленной Г. Ф. Миллеру 13 декабря 1763 г., он повторил соображения, которые они с А. И. Тевкелевым высказывали в 1759 г. относительно постройки в устье р. Эмбы города — центра торговли со странами Азии вплоть до Индии. Однако летом 1764 г. он узнал от Миллера, что и на должность в Комиссии рассчитывать в ближайшее время не приходится. Игравший в этой комиссии ведущую роль академический деятель Г. Н. Теплов считал, что «Мнение» Рычкова «не скоро еще понадобится, потому что комиссия намерена сначала обрабатывать общие положения». Миллер задавал Рычкову вопрос: «Зачем вам желать этого? Не лучше

³ ГАОО. Ф. 3, д. 82. Л. 87 об. См. также [418. Т. 2, кн. 3. С. 124].

ли спокойно проводить свою старость в своем семействе? По крайней мере, я думал бы так, бывши на вашем месте. Имей я клочок земли, которая б могла меня прокормить, как бы скоро бежал треволнений» [334. С. 52].

Рычкову пришлось утешиться выгодами своего положения, о которых он писал 7 августа 1764 г. Г. Ф. Миллеру: «Здесь в деревне с женою и с меньшими детьми, коих при мне шестеро, сплю сколько хочу. Напившись чаю с ними, хожу и езжу на медный мой завод, который от дому моего не далее двух сот сажений. Там бываю с час и больше. Возвратясь оттоль, смотрю церковное строенье (церковь каменная изрядною архитектурою здесь строится, и сие лето окончить ее надеюсь). Иногда схожу на винокуренной мой завод и на мельницу. Езжу в деревню мою, которая отсель верстах в 5—6, или на поле, где сев хлебный, с женою и детьми. За стол обедать сажусь с своимп в шести или семи человеках, но редкой день проходит, чтоб проезжаго не случилось, ибо живу на большой дороге и имею у себя приятелей. Вот жизнь моя, которую я здесь препровождаю. Три сына вместо меня служат Отечеству. Огорчения и досады, какие в деревенском житье бывают, сноснее городских, да и нет, надеюсь, в свете такого места и состояния, где б их не было» [334. С. 53].

Описывая проезд к нему в гости «всех детей и внучат его превосходительства г. генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева», добравшихся издалека, за 200 верст, он сообщил: «Теперь у меня здесь маленький Рим (по Цицероновым словам) тем наипаче, что вчерась и сегодня мимо моего села марширующие азовского полку офицеры, заезжая ко мне, умножают у меня людство и компанию» [334. С. 53].

В декабре 1763 г. П. И. Рычков узнал, что сын Андрей переведен в Оренбургский гарнизон секунд-майором и определен в квартировавший там Пензенский пехотный полк, а Иван и Николай — в тот же полк сержантами. На следующий год они были произведены в прапорщики к «немалому порадованию» отца. Продвинулся по службе и сам П. И. Рычков. В его записках сказано: «Знатнейшим приключением в моей жизни было пожалование по высочайшему указу 16 декабря статским советником...» [334. С. 323].

Он продолжал заниматься научными исследованиями и хозяйственными делами. В Спасском в сентябре 1764 г. было завершено строительство каменной церк-

ви, которую затем переименовали из Преображенской в Воскресенскую. Позднее (1769 г.) была выстроена каменная колокольня, и хозяин ездил покупать колокол для нее. В 1768 г. заложили фундамент нового каменного сельского дома.

В 1768 г. у П. И. Рычкова гостил его девятилетний внук Петр. Позднее его воспоминания об этой поездке были использованы, как уже говорилось, в «Отрывках из семейных записок Рожновых»: «Вот показалось вдали и село Спасское, расположенное в прекрасной местности. Избы крестьян были расположены в два порядка и хорошо выстроены. Церковь, которая существует и теперь, тогда только что была построена Петром Ивановичем, который село Спасское избрал местом своего жительства; архитектура церкви не отличается ничем от обыкновенных сельских церквей, но по-тогдашнему, она была отделана очень хорошо и считалась лучшею во всей окрестности. Господский дом был выстроен в ряд с церковью и был одноэтажный, с небольшими окнами и дверьми, и особенно это сильно бросалось в глаза оттого, что дом был очень велик и состоял из двадцати преимущественно больших комнат. Он был покрыт лубками и имел крутое каменное подъездное крыльцо с улицы.

Двор был обнесен высокими деревянными заборами и застроен разными хозяйственными постройками: кухней, погребами, людскими, конюшнями и пр. Дом хотя был и недавно выстроен, но смотрел как-то грустно своими маленькими окнами, а черный цвет потемневшей от дождя лубочной крыши придавал ему еще более угрюмости и мрачности. Против дома, через дорогу был расположен большой сад, еще только тогда засаженный соснами, березами, яблонями, и был также огорожен высокими заборами и решетчатыми воротами против середины дома. Вблизи дома, почти около самой кухни, вытекал из бугорка огромный родник, в котором воды теперь едва ли осталось четвертая часть, хоть он довольно велик и в настоящее время» [369. С. 139—140].

Иными были впечатления Г. С. Винского, который в 1783 г. приехал в Спасское, чтобы стать учителем в семье Рычковых уже после смерти Петра Ивановича. «Подъезжая к селу Спасскому, месту пребывания Рычковых,— писал он,— каменная церковь и дом построенный, с аллеями сад, метнулись издали в глаза; но подъехав к ним и видя, что все сие было, ежели не весьма

**Церковь в селе Спасском,
построенная в 1764 г. П. И. Рычковым.
Современный вид**

старо, то в крайнем запущении, я не мог возыметь о пребывании моем предварительно приятных мыслей». Трудно, конечно, ожидать, чтобы человеку, попавшему в эти места не по своей воле, они показались веселыми. Ознакомившись с окрестностями, он несколько изменил мнение и записал: «Местоположение не совсем было без приятностей; но помещение дома совершенно не у места, т. е. в яме, из которой вид был на одну церковь с кладбищем и на угрюмый сад. Самое интереснейшее в сем селе был ключ живой воды, бьющий из многих раселин и составляющий весьма бурный и сильный ручей» [145. С. 193].

В начале 1765 г. П. И. Рычков побывал в Петербурге с сыном Василием, которого представил на смотр в Сенат и испросил ему паспорт, как он писал, «о бытии ему при мне для обучения до 16 лет» [59. С. 323]. На следующий год Василий, видимо, подготовленный отцом, был отправлен в Москву для поступления в университет, откуда в 1767 г. «выпущен» с аттестатом в Казанский полк вахмистром. Отец записал, что он обучался «в пе-

мецком языке в внешнем, а во французском в синтаксическом классе и содержал себя порядочно» [59. С. 328].

В хозяйственных делах П. И. Рычкова продолжали преследовать неудачи. В 1764 г. он начал строительство медеплавильного завода на «позволенном» ему месте при Яицком заводе, а в 1766 г. записал: «1 августа... имел я удовольствие, что на новом моем медеплавильном заводе по многим моим трудам и убыткам, начали плавку меди, но 7 декабря к великому моему огорчению и убытку сделался тут пожар, от которого медь и др. заводские машины сгорели и завод сделался недействительным» [59. С. 325]. В сентябре 1768 г. «сделался пожар» и на Ирляндском заводе, так что, «вся фабрика и мехи сгорели». И хотя к декабрю фабрика была восстановлена, это опять принесло «великое несчастье и убытки» [59. С. 323].

Вольное экономическое общество

В 1765 г. Петербурге было учреждено Вольное экономическое общество (ВЭО), которое должно было действовать «поощрению в России земледельства и экономики». Ему покровительствовала Екатерина II, а среди учредителей были приближенные императрицы. Задачей Общества, названной в уставе, было повышение производительности крепостного хозяйства, увеличение доходов, расширение промыслов и ремесел. В своей деятельности оно стало опираться на передовых помещиков-предпринимателей, умевших вести хозяйство с выгодой.

П. И. Рычков, уже завоевавший авторитет работами, которые в наивысшей степени соответствовали целям ВЭО, стал одним из первых его членов. Он был избран единогласно 2 ноября 1765 г.⁴, о чем получил уведомление, искренне его обрадовавшее. В «Записках» он заметил по этому поводу: «Сие избрание, без всякого моего искания учиненное и приобщение меня к толь знатному обществу... почитаю я в нынешней моей приватной деревенской жизни... знатным приключением» [59. С. 324].

В декабре 1765 г. был утвержден печатный орган Общества — первый российский экономический журнал

⁴ Копия диплома, выданная П. И. Рычкову в 1766 г. в Петербурге, находится в ЦГАДА (Ф. 199, д. 385, ч. 1, тетр. 14. Л. 16).

«Труды Вольного экономического общества». Это издание начало выходить регулярно по три номера в год, так что за десятилетие, к 1776 г., было выпущено 30 томов [412. С. 99]. Его задача состояла в реальном осуществлении программы «распространения в народе полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний». В первом томе была опубликована анкета из 65 экономических вопросов, ответы на которые позволили бы «получить точное объяснение о настоящем состоянии всех российских провинций» [412. С. 38–46]. Эти вопросы были разосланы по губерниям.

П. И. Рычков не мог остаться равнодушным к ВЭО и журналу, который был призван публиковать статьи по вопросам, живо его интересовавшим. Он стал одним из самых деятельных сотрудников журнала и постоянным корреспондентом его издателей — И. И. Тауберта и А. А. Нартова, с которыми его связывали дружеские отношения. Свое членство в Обществе Рычков рассматривал как почетный общественный долг и прилагал все силы, чтобы с честью его выполнить.

Начиная с 1766 г. он опубликовал в «Трудах ВЭО» множество статей, касающихся Оренбургского края. Этот край представлял для Общества особый интерес. Богатые запасы полезных ископаемых, наличие лесных и водных ресурсов привлекали внимание как база для развития металлургии, а степные пространства — для земледелия и скотоводства.

Тематика работ Рычкова, как и других корреспондентов журнала, определялась потребностями экономики Российского государства. Одной из актуальных хозяйственных проблем, к решению которой он подключился, было, например, «приискание» каменного угля. Поиски угольных месторождений поощрялись ВЭО и Академией наук. П. И. Рычков опубликовал в 1768 г. статью «О горючей угольной земле» [30], в которой описал найденные им невдалеке от Спасского угольные пласты, а также результаты опытов по сжиганию взятой оттуда «угольной земли» в топках медеплавильного и винокуренного заводов. Она явилась хорошим эквивалентом дров. Это было весьма важно, так как леса для топлива уже тогда не хватало. Рычков был уверен, что «каменные уголья» в Оренбургской губернии «в разных местах сысканы быть могут, когда приложится о том старание». Это предсказание, по словам Ф. Н. Милькова, оправдалось блестяще: в настоящее время здесь

открыто несколько угольных месторождений, имеющих важное промышленное значение [307. С. 93]. С поисками полезных ископаемых связана и статья «О медных рудах и минералах» [16], написанная на материалах, которые Рычков подготовил по предложению М. В. Ломоносова.

В 1767 г. был опубликован ответ П. И. Рычкова на вопросы о земледелии, поставленные ВЭО [26]. Как и в более ранних своих работах на ту же тему, он постарался дать исчерпывающую характеристику земледелия Оренбургской губернии и указать реальные перспективы его развития.

Статья начинается с подразделения почв губернии по степени их пригодности для земледелия. Проявив глубокое знание сельского хозяйства края, Рычков показывает, что многие земли, «к хлебопашеству наименее пригодные», не используются из-за недостатка жителей. «Оренбургская губерния,— писал он,— по великому множеству самых лучших и хлебных земель могла бы числиться между плодотворнейшими местами во всей Российской империи, ежели б умножены были в ней прилежные земледельцы» [26. С. 114—115].

Рассматривая зерновые культуры, засеваемые в разных провинциях губернии, Рычков отмечает, что преимущество отдается ржи и овсу, а «сев пшеницы не размножается» не только из-за климатических условий и трудоемкости культуры, но и из-за приверженности к традиционным способам земледелия. Среди вопросов, затронутых в статье,— описание земледельческих орудий, которые применяют представители разных национальностей, населяющих Оренбургскую губернию, анализ рыночной конъюнктуры, в значительной мере определяющей направление развития земледелия, и т. д.

Рычков, понимая, насколько важно повышать культуру земледелия, придавал большое значение популяризации опыта лучших хозяев. Еще в 1758 г. он писал: «Ежели б кто из знатных и ученых людей ... будучи в деревнях своих, возымел тщание и труд рассмотреть и о всяком хлебе исследовать, каким образом в рощении оного божиим повелением действует натура, то б время от времени всегда открывались нам новые и чудесные ее таинства... Невозможно сомневаться нам ... чтоб разум и любопытство человеческое когда-нибудь в такие таинства не проникли. А понеже... все то в коротком времени исполниться не может, но... и сего б довольно

было, когда кто увидит или услышит, что достойное примечания и употребит к пользе вышереченной. Ибо в сих делах нередко случается, что самые простые люди, в деревнях живущие, но их в земледелии практике, имеют в том основательное сведение» [56. С. 521—522].

Передовой опыт ведения хозяйства и разумная организация труда крепостных крестьян, по мысли П. И. Рычкова, должны были обеспечить рост сельскохозяйственного производства, необходимого для процветания государства. Свои взгляды он изложил в «Наказе для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина» [41], который был опубликован в 1770 г. в ответ на объявленный ВЭО конкурс. Цель этого конкурса состояла в выработке наилучших рекомендаций по управлению сельским хозяйством, основанном на крепостном труде, с тем чтобы оно приносило наибольший доход помещикам.

П. И. Рычков, считавший крепостное право естественным порядком общественного устройства, думал, что, правильно организовав хозяйство, можно совместить интересы эксплуататоров и эксплуатируемых и добиться того, чтобы доходы помещиков «умножались прочно, не лишая и крестьян их собственных выгод» [41. С. 12]. Это, по его мнению, может быть достигнуто при разумном сочетании барщины и оброка. Он считал, что наиболее приемлемой является барщина в 3 дня, но там, где из-за недостатка земли крестьяне должны заниматься ремесленными промыслами или торговлей, следует перевести некоторое их число на оброк. Однако для того, чтобы не страдало земледелие, таких крестьян не должно быть много, а оброк нужно определять значительным.

Этой работе П. И. Рычкова была в том же 1770 г. присуждена золотая медаль. «Ноябрь 5-го, — отмечал он в своих «Записках», — от Вольного экономического общества определили мне золотую медаль в 35 червонных за сочинение управителям и прикащикам о управлении деревень наказа» [59. С. 332]. Она была вручена ему следующей весной. «При самом моем приезде в Оренбург вручена мне была золотая медаль, присланная от Экономического Общества; изображение ее на одной стороне портрет Ее Величества, а на другой стороне под деревом на снопах спящая Церера увенчающая лавровым венком земледельца; вверху надпись полукружием:

За труды воздаяние, а внизу, Петру Ивановичу Рычкову, ноября 9 дня 1770 года» [59. С. 333].

Другая золотая медаль за работу на ту же тему была присуждена замечательному просветителю и популяризатору агрономических и экономических знаний А. Т. Болотову [334. С. 104], с которым у П. И. Рычкова было много общего.

В «Трудах ВЭО» Рычков систематически публиковал работы, касающиеся самых разных вопросов земледелия Оренбургского края, скотоводства, домоводства и организации сельского хозяйства. Среди них — статьи о козьей шерсти [14, 17], об оренбургской кошенили [19, 34], о тканях из верблюжьей шерсти и хлопчатобумажных тканях [15], о винокурении [25, 35, 50], пчеловодстве [21, 29, 33, 39], лесоводстве [20] и т. д. Специальную статью П. И. Рычков посвятил охране и искусственному разведению леса [20]. Она, по словам Ф. Н. Милькова «замечательна для нас как одна из первых научных русских работ по степному лесоводству, включающая много свежего, оригинального материала» [307. С. 94].

Особенно занимал ВЭО вопрос улучшения пчеловодства в России. Не прошел мимо него и П. И. Рычков. Знакомясь с Башкирией, он обратил внимание на занятие населения пчеловодством, на любовь башкирского народа к этому виду хозяйствования, на ценность меда как питательного и лечебного продукта. Вскоре после переезда в Спасское он завел пасеку и сам занялся пчеловодством, понимая его большое хозяйственное значение. Так как в русской литературе сведений о пчелах не было, он решил изучить и описать их жизнь. Результаты этой длительной и кропотливой работы он изложил в большой статье «О содержании пчел» [21], напечатанной в 1767 г. «Сие есть,— писал Рычков,— что я в рассуждениях пчел от простых пчеляков получить мог. Не могу умолчать, что столь в чудном животном осталось весьма еще много достаточно к рассмотрению и удивлению». В 1768 и 1769 гг. были опубликованы еще три его статьи по пчеловодству, в которых освещалось состояние пчеловодства в Оренбургском крае [29, 33, 39].

П. И. Рычков хорошо знал также работы европейских ученых (Моральди, Линнея, Реомюра) о пчеловодстве. Следует отметить, что многие его наблюдения и выводы не совпадали с иностранными описаниями поведения пчел и он первым указал на ошибочность этих

описаний. Рычков явился родоначальником русской научной литературы по пчеловодству, и его имя глубоко чтут советские пчеловоды [166]. В «Календаре пчеловода», изданном в 1951 г., раздел «Выдающиеся деятели русского пчеловодства» открывается его портретом.

К сотрудничеству в Обществе П. И. Рычков привлек и свою жену Елену Денисьевну.

Медаль Е. Д. Рычковой

Среди промыслов, развитие которых пропагандировал в своих статьях П. И. Рычков, важное место занимало ткачество. При этом он уделял большое внимание проблеме сырья (хлопка, шерсти и т. д.), весьма интересовавшей ВЭО.

Вопрос о ввозе хлопка через Хиву и Бухару, заботивший Петра I, не потерял актуальности и во второй половине XVIII в. Делались также попытки разведения этой культуры в пределах Российского государства. П. И. Рычков в опубликованной в 1766 г. статье «О мануфактурах из хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти» [15] рассказал об опытах по внедрению хлопководства в Оренбургском крае. Они проводились на том основании, что хлопок успешно разводят в Хиве, сравнительно недалеко (на расстоянии 12—15 дней караванной езды) от Оренбурга.

Рычков писал, что в 1745 г. с этой целью по распоряжению Неплюева Сеит Хиялин основал поселение (Сеитовская слобода), «чтоб сев хлопчатой бумаги по азиатскому обыкновению завести». Опыты Сеита были неудачны, так как «высеянные в поле хлопчатой бумаги семена хотя и взошли и рост их был изрядной, но на цвету повредились и поспеть не могли». Неудача постигла и самого Рычкова («при самом созревании шишки... позябли»), но он подозревал, что виной тому невежество садовника, и считал необходимым провести более основательные опыты, если не в Оренбурге, то южнее, в казахской степи — в Гурьеве, в устье Эмбы и особенно близ Аральского моря, где «великий бывал город Джанкрит», о возобновлении которого ходатайствовал Абулхаир [15. С. 92—94].

П. И. Рычков отмечал достоинства верблюжьей шерсти, которой торговали казахи в Оренбурге, и сообщал о том, как английские купцы «около 1740 г. ... накупили оной шести... и отправя ее в Англию, продали ее там с

великою себе прибылью». Тогда же правительством было велено «чтоб торг сей обращать в пользу российских купцов и покупку б ее иностранными купцами для отпуску за море воздержать» [15. С. 98].

Особый интерес вызывал у П. И. Рычкова местный промысел — вязание изделий из козьего пуха. Он приложил много сил для популяризации его среди новоприбывшего населения края. Впоследствии пуховязальный промысел — изготовление знаменитых оренбургских платков — стал традиционным для Оренбуржья и приобрел всемирную славу.

В статьях, опубликованных в 1766 г. («Опыт о козьей шерсти» [17] и «Дополнение о козьей шерсти» [14]), Рычков сообщал о полезности козьего пуха, о народных и своих собственных «опытах» над ним. Он писал, что сам начесал с одной «посредственной козы» около фунта пуха и что этот пух необычайно мягок и «схож почти с хлопчатую бумагою». По его мнению, никакая другая шерсть не пригодна так для прядения и изготовления теплых вещей для зимней носки.

Как член ВЭО, которое прилагало усилия к разведению льна, конопли и растений, способных заменить их, П. И. Рычков обратил внимание на то, что башкиры издавна употребляют для этой цели крапиву, и пытался перенять их опыт. В статьях «О крапивной кудели и о употреблении в пряжу и в другие экономические надобности» [42] и «О крапивном холсте» [45] он описал, как в августе, когда крапива созреет, кусты выдергивают с корнем, вяжут в снопы и сушат. Затем ствол просушенной крапивы разрезают, сдирают кожу, толкут в ступе и по очистке «делают кудели, из коих... прядут нитки». Ткань из них, по мнению Рычкова, не менее прочна, чем льняная, чему свидетельство он видит в том, что башкиры «из крапивного холста сделанную рубаху, не скидывая с себя, по целому году носят». Он представил ВЭО два лоскута беленой и небеленой холстины, вытканых из крапивных ниток в Спасском. За эти работы П. И. Рычкову в 1771 г. была присуждена серебряная медаль ВЭО.

Сенсационной новостью были изделия из «травяного пуха», описанного П. И. Рычковым в 1769 г. [37]. В январе 1770 г. в письме к А. А. Нартову он сообщал: «Из травяного пуху... прислали ко мне ныне из Исецкой провинции шляпу. Три части положено в нее того пуху, а четвертая шерсти, и шляпа удалась нехудая,

хотя тамошние мастера и не имеют еще довольно искусства во оном мастерстве. Я не сомневаюсь теперь, что оной пух на шляпное дело годится, а шерсть может у нас оставаться на другое употребление». Речь шла о пухе многолетней травы кипрейника, описание которой имеется в рукописном сочинении Рычкова «Лексикон»: это такая «трава», которой в разных местах Оренбургской губернии «растет великое множество. Плод или семена ее содержатся в стручках, имеющих столь белой и чистой пух, который подобен хлопчатой бумаге... Искусные и трудолюбивые люди могут производить разные рукоделия, кои не только равняются, но в некоторых вещах еще и превосходят хлопчатую бумагу» [69. Л. 163].

За изделия из пуха кипрейника жена П. И. Рычкова Елена Денисьевна, по видимому, искусная мастерица, была удостоена золотой медали ВЭО. «Статская советница Рычкова, — отмечалось в «Лексиконе», — сделала из сего кипрейного пуха своими руками колпак, гораздо легче и в доброте превосходнее бумажного, и, выткнув в доме своем небольшую ширинку, от помянутого общества получила в награждение золотую медаль, на коей... надпись «За труды воздаяния», внизу же имя и отчество ее поставлено» [69. Л. 163]. Это событие было особо отмечено в «Записках» Рычкова, который получил сообщение об этом 19 февраля 1770 г., находясь в Ставрополе. Послание, подписанное 20 января президентом Общества Г. В. Орловым и секретарями А. А. Нартовым и И. Штелином, гласило: «Присланное от вас представление с приложенным колпаком и ширинкою холста, которые сделаны из пуха травы кипрейника, собрание слушав определило с общего согласия изъявить вам письменно свое удовольствие за труды ваши в изображении способов, в сельском домостроительстве пользу приносящих, а супруге вашей посылает в знак своей благодарности за оказанное усердие нашему обществу сообщением как прежнего, так и нынешнего нового рода рукоделия, медаль золотую с вырезанием ее имени, желая, чтобы подражали сему похвальному ее старанию и прочие благородные жены Российского государства» [59. С. 331].

Изготовленные Е. Д. Рычковой вещи, видимо, отличались высокими художественными достоинствами. Очевидно, раньше в Петербурге познакомились и с ее изделиями из козьего пуха. И. И. Тауберт писал Рычко-

ву 21 января 1770 г.: «Я поздравляю ее (Е. Д. Рычкову. — П. М.) с ее отличною честью, о которой известна уже всемилостивейшая государыня и которая всемерно возбудить должна и других дворянских жен к подражанию ее примеру» [334. С. 104].

Следует заметить, что в печати иногда встречается утверждение, что Е. Д. Рычковой медаль была присуждена за связанный красивейший платок из козьего пуха. Это неверно. Козий пух и всякие изделия из него, известные в крае с XVII в., как правильно отмечает и писатель И. Уханов [104], уже не были в XVIII в. новинкой, достойной золотой медали.

Известие о награде вызвало радость в семье Рычковых. Они дорожили общественным мнением и высокая оценка скромного, но полезного обществу труда значила для них очень много. 24 февраля П. И. Рычков писал Г. Ф. Миллеру: «Что жена моя удостоена золотой медали, о сем она и я имеем уже известие чрез Ивана Ивановича Тауберта... Я недавно медаль получил с вырезыванием на оной моего имени при письменном благодарении, но серебряную. Жена моя счастливее меня, но я ей не завидую» [334. С. 104]. И конечно же, удовлетворение его стало полным с получением 14-й части «Трудов Вольного экономического общества», где имя Е. Д. Рычковой, по словам ее мужа, «с похвалой в публику объявлено». В письмах к А. А. Нартову он заверял, что труженица-супруга и впредь готова «трудами своими вам служить» и «постарается примыслить новый рукодельный способ».

Однако выработка художественных тканей из кипрейника, требовавшая больших затрат непроизводительного труда на собирание пуха, не получила, как известно, промыслового значения в дальнейшем. В условиях крепостного строя рукоделие Рычковой из кипрейного пуха — всего лишь трудовой эпизод, оригинальный художественный эксперимент, впоследствии преданный забвению.

Козий пух оставался вне всякой конкуренции. Его приоритет в пуховязальном промысле незыблем с того времени и доныне. Нет конца и проверенной временем популярности изделий из него, потому что они — не только товарные потребительские стоимости, имеющие народнохозяйственное значение. Оренбургские платки, прежде всего так называемые паутинки, нежные и теплые, — это необыкновенные, порой уникальные художе-

ственные ценности, которые, помимо своей прямой функции, выполняли и выполняют также эстетическую — служат на радость людям.

Академические экспедиции

Для изучения природных ресурсов и производительных сил Кавказа, Сибири и восточных областей Российского государства Академия наук снаряжала экспедиции, которые доставляли ценнейший материал для описания новых земель. Важное значение имели долговременные научные экспедиции, организованные в 1767—1768 гг. и включившие в свой состав видных ученых разных специальностей [163, 245, 330, 406 и др.]. В них приняли участие С. Я. Румовский, С. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, В. Л. Крафт и др. Академические экспедиции прошли многие тысячи километров по внимательно разработанным маршрутам, и дневники, составленные во время этих путешествий, явились драгоценными собраниями сведений по географии и геологии, истории и этнографии, ботанике и зоологии многих почти неизвестных в то время областей государства. Они выполняли сформулированные Берг-коллегией и ВЭО государственные заказы на поиск природного сырья, в значительной части ввозившегося из-за границы. При этом велись поиски угля, металлов, селитры, квасцов и других минералов, выявлялись источники красильных веществ, изучались местные промыслы.

В Оренбургский край отправились три экспедиции. Их возглавляли известный ученый, профессор естественной истории П. С. Паллас, адъютант ботаники И. И. Лепехин, профессор Медицинской коллегии И. П. Фальк. Астрономическими экспедициями руководили академик Г. М. Ловиц и поручик артиллерии Христофор Эйлер, сын выдающегося петербургского ученого академика Леонарда Эйлера.

Естественно, что участники этих экспедиций, стремившиеся использовать каждый источник сведений для выполнения поставленных перед ними задач, не могли оставить в стороне такого глубокого знатока Оренбургского края, как член-корреспондент Академии наук, член Вольного экономического общества П. И. Рычков. В 1768 г. Спасское посетили сначала И. И. Лепехин, а затем П. С. Паллас, и оба оставили в своих путевых дневниках записи о встречах с П. И. Рычковым.

Рычков не только всячески помогал экспедициям, принимал у себя их участников, давал консультации и делился своим опытом, но и приобщил к этому важнейшему, как он считал, делу своего сына Николая, вышедшего в 1767 г. в отставку в чине капитана.хлопоты П. И. Рычкова о включении Николая в состав академической экспедиции увенчались успехом. В «Записках» сказано: «В следующем 1768 году определен он в экспедицию, отправленную... от Академии наук в Оренбургскую и другие губернии для натуральной истории с профессором Палласом, с жалованием по 200 руб. в год» [59. С. 329]. В письме от 26 июня 1767 г. П. И. Рычков сообщил Миллеру: «Известен я, что мой сын Николай, по старанию моему, определен в команду г. профессора Палласа, о чем и сам г. профессор ко мне пишет» [334. С. 114].

Как отмечено в «Записках», 15 декабря 1767 г. Николай поехал в Москву [59. С. 329] с письмом отца к Г. Ф. Миллеру. В нем сказано: «Вручитель сего, сын мой Николай, которого не изволили еще видывать. Рекомендую его в вашу милость и призрение в надежде той дружбы и милости, которыми вы меня жалуете, уповая, что он полезными вашими советами и наставлениями, как молодой человек, будет пользоваться» [334. С. 114]. С этого времени, как показывают протоколы Академии наук [358], Н. П. Рычков на несколько лет оказался погруженным в академические дела.

Летом 1768 г. в Симбирске он присоединился к экспедиционному отряду, который возглавлял И. И. Лепехин (1740—1802), будущий академик, а в то время молодой адъютант, недавно вернувшийся после обучения в Германии. Вместе с этим отрядом Николай Рычков двинулся по р. Черемшану и прибыл в Спасское, где участники экспедиции с пользой провели несколько дней [406. С. 99]. В «Записках» П. И. Рычкова отмечено: «30 августа приехал из Санкт-Петербурга... Николай с доктором Лепехиным, отправляющимся в экспедицию» [59. С. 329].

И. И. Лепехин прибыл в Спасском до 9 сентября и описал свои впечатления в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» [261], опубликованных в 1771 г. Он свидетельствует, что пользовался советами «г. статского советника Петра Ивановича Рычкова, мужа отменными любопытными упражнениями у нас знаменитого» [261. С. 186],

рассказывает об «особливой благосклонности и ласке», с которой был принят, и обо всем «достойном примечания» в окрестностях Спасского, которые он осмотрел в сопровождении хозяина.

В «Дневных записках» Лепехина [261. С. 201—210] описаны остатки медных рудников и алебастровые горы «верстах в четырех от села находящихся» (возле села Огородникова), неизвестные ему до тех пор виды рыб (пеструшка и кутема), «любопытные упражнения над пчелами», проводившиеся Рычковым, и способ, которым башкиры «лазят в свои борти и сохраняют соты от лакомых к меду медведей». Он мог на деле убедиться в использовании некоторых видов природного сырья, что рекомендовал на основании народного опыта П. И. Рычков в статьях, публиковавшихся в «Трудах Вольного экономического общества», — об изготовлении холста из крапивной кудели, о спирте из так называемой воробьиной травы и т. д.

5 октября в Спасское приехал П. С. Паллас «для совещания, — как писал П. И. Рычков в своих «Записках», — о делах до его экспедиции принадлежащих» [59. С. 329]. Позднее Паллас в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российской империи» вспоминал: «Пятого числа проехали мы по лежащей от Кичуя почтовой дороге деревню Малую Бугульму на речке того же имени и прибыли в Спасское село, в котором обыкновенно живет прославившийся своими сочинениями и по заслугам почтения достойный г. статский советник Рычков, где я по причине ласкового принятия и весьма приятного обхождения одного преученного мужа пробыл до 11 числа сего месяца» [332. Ч. 1. С. 148].

В своих записках Паллас повторил известные из статей П. И. Рычкова описания земляного зайца, выхухоли червеца, водящегося на кустах клубники, упомянул водяного воробья и рыбу кутему. Пребывание в Спасском и для него оказалось весьма полезным. По словам П. П. Пекарского, «незнакомый даже с азбукою предмета, Рычков, однако, успел некоторыми из своих наблюдений и известий упредить деятеля с таким громким именем в истории естествоведения, каковым был Паллас. Разгадку тому следует искать в благоприятных обстоятельствах, в которые поставлен был Рычков, живший долгое время в маловедомом оренбургском крае.

в любознательности его, а также в близком общении его с Академиею наук» [334. С. 88].

В «Записках» П. И. Рычков писал, что Паллас 11 октября «поехал для осмотра по реке Соку лежащих мест... А сын мой Николай на другой день отправился от него в Оренбург; был он там и в Яицком городке, возвратился в Симбирск для соединения с доктором, чтобы принять меры на будущее лето к дальнейшему их путешествию» [59. С. 329].

В 1769 г. П. И. Рычкова посетил адъюнкт физики В. Л. Крафт, с которым он отправил в Петербург до двух пудов минералогических образцов [27. С. 53]. Гостями его были также Г. М. Ловиц и Х. Эйлер, о чем он сообщал в письмах к Миллеру [334. С. 119], а позднее, в 1770 г., он принимал в Оренбурге И. П. Фалька и И. Г. Георги.

Влияние П. И. Рычкова сказалось и на научной работе сына. К этому выводу на основании анализа трудов Н. П. Рычкова пришел Ф. Н. Мильков, впервые подробно осветивший их содержание [307. С. 111—117; 308]. Находясь в составе экспедиции П. С. Палласа, Н. П. Рычков получил возможность совершить в 1769—1770 гг. несколько самостоятельных путешествий по Оренбургской губернии и изложил результаты своих наблюдений в книге «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769—1770 гг.» [371], опубликованной в 1770 г., а также в ее «Продолжении», вышедшем двумя годами позднее [372].

В книге содержатся составленные Н. П. Рычковым географические карты маршрутов, собранный им археологический материал с планами древних укреплений, развалин и городищ. Подробно излагаются сведения о развитии горнодобывающей промышленности, о наличии полезных ископаемых, о величине их возможных запасов. От его наблюдательного взгляда не ускользали ни особенности рельефа, животного или растительного мира, ни обычаи и род занятий населения — все, что казалось ему новым для науки, отмечалось в его дневнике. И наоборот, он не останавливается на вещах, казалось бы, исключительно важных, но уже упоминавшихся другими исследованиями. Так, Н. П. Рычков ничего не говорит о нефтяных источниках этого края, поскольку они уже были описаны другими экспедициями. «Как они уже осмотрены и описаны другими пу-

тешествующими, — заметил он, — то признаю за ненужное о них напоминать».

Двигаясь по маршруту от Симбирска к низовьям Камы и далее через Билярск и Новошешминск к Закамской укрепленной линии, Н. П. Рычков детально обследовал районы рек Малый Черемшан, Зай, Ик, Шешма, указав на их использование для перевозки грузов. Он писал, например: «Река Шешма... тут шириною близ десяти сажен, и столько глубока, что барки одною, или двумя тысячами пудов нагруженные могут по ней свободно пройти до реки Камы, в которую она устьем своим впадает» [371. С. 27].

В четырех верстах от Новошешминска Н. П. Рычков осмотрел алебастровую гору и сделал вывод, что здесь известковый камень, добываемый местными жителями, лучше по качеству, чем тот, который добывался в алебастровой горе возле села Огородниково, недалеко от Спасского. Обожженный на огне, он применялся для побелки стен и печей, причем не желтел и не темнел, белизна его сохранялась значительно дольше. «Сия гора, — подчеркнул он, — есть лучшая из всех вещей, обретаемых в округе сего селения».

Маршрут экспедиции от Новошешминска проходил через Старошешминск, Ерыклы и Заинск на Акташ, расположенный западнее села Альметьево (ныне г. Альметьевск, ТАССР). Здесь Н. П. Рычков обследовал рудник с большими запасами медной руды и подробно описал подземные штольни, в которых она добывалась. Следы их сохранились до наших дней.

По дороге на Набережные Челны он посетил медный рудник на Лысой горе возле Заинска и определил примерные запасы руды, которая добывалась здесь уже несколько десятилетий. Направляясь далее из Елабуги в Мензелинск, он обследовал рудники вблизи Елабуги, медеплавильный завод на р. Серали и разработки песка для этого завода.

Далее путь экспедиции проходил по берегам р. Ик, от устья до того места, где ныне расположен г. Октябрьский (БАССР). Здесь Н. П. Рычков ознакомился с медными рудниками, крупными по тому времени медеплавильными заводами промышленника И. Осокина и оставил подробное описание этих заводов, а также фабрик, которые вырабатывали посуду для местного населения.

Описывая окрестности г. Елабуги, знаменитые сейчас благодаря пейзажам замечательного русского художника И. И. Шишкина, Н. П. Рычков заметил: «Земля в округе... наполнена великим множеством соснового лесу». Он обследовал исторически известное Чертово городище под Елабугой, расположенное на высоком берегу Камы, а также карстовые пещеры по рекам Ик и Колва.

Описание одной из этих «подземельных храмин», находящейся на берегу Ика, было примечательным научным событием, так как касалось редкого природного явления — ледяной пещеры. Н. П. Рычков отметил холод, царивший здесь в конце июня, и записал: «К вящему моему удивлению увидел я, что вода местами, покрывающая испод сея пещеры, покрыта столь крепким льдом, что человека на нем стоящего легко поднимает» [371. С. 95]. Он высказался за естественное происхождение пещеры, заметив, что «справедливее приписать сотворение пещер воде внутри земли текущей, нежели людям, которые столь мало ими пользоваться могли». Причину возникновения низких температур он видел в свойствах породы, в которой пещера образована.

Следует сказать, что в 1760 г. его отец — П. И. Рычков — посетил Каповую пещеру [9] и позднее описал свои наблюдения. П. И. Рычкова прежде всего поразил вход в пещеру, который он определил как «изрядный проспект». Осмотрев три залы-грота, подивившись сверкающим сталактитам, сталагмитам и ледяным столбикам («длиною аршина на два, а иные и выше сажени»), ученый столкнулся с многими любопытными фактами, например с постоянством температуры воздуха в пещере. Он писал, что в одном из залов посетителям пришлось снять шубы, так как там было очень тепло, хотя снаружи свирепствовал январский мороз. Пройдя под землей до конца пещеры, местами разбирая каменные завалы и ползком одолевая узкие лазы, П. И. Рычков набросал план, на котором отметил все тупиковые ходы, гроты, площадки. Он записал рассказы старожилов, которые утверждали, что «в пещере в древнейшие времена жили люди, и имели хлебопашество свое, довольно лесу, лугов, всяких угодий, и множество скота и лошади». Исследователь предположил, что пещеру расширили вручную, делая ее удобной для жилья.

Н. П. Рычков с симпатией и сочувствием описывал нравы и быт местного населения — татар, башкир, маришцев, удмуртов — и предлагал ряд мер по улучшению жизни бедноты. Одна из них предусматривала переселение крестьян из болотистых и сырых мест Вятской провинции в более теплые края и на плодородные земли восточных окраин России. Большое внимание Н. П. Рычков уделил вольнонаемным и крепостным рабочим заводов, осмотренных по пути, интересовался условиями их труда [371. С. 121—127].

Проведя обследование района Среднего Ика, экспедиция повернула в сторону Спасского, побывала в доме Рычковых, а затем по р. Сок и далее на юг направилась в Оренбург. На этом ее маршрут был окончен.

Второе сочинение Н. П. Рычкова [372] написано по итогам наблюдений, которые он провел во время путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г. По заданию П. С. Палласа он присоединился к военному отряду своего брата Андрея и вместе с ним совершил нелегкий переход от Орска к р. Тургай. Вернувшись, он отправился в новое путешествие по бассейнам рек Башкирии. В его записках содержится богатый материал о природных ресурсах этих областей.

«Высокий научный уровень „Дневных записок“, — отмечал Ф. Н. Мильков, — находит объяснение не только в личных дарованиях их автора, но и в том, что воспитателем и учителем путешественника был выдающийся географ своего времени — Петр Иванович Рычков. Можно предполагать, что Петр Иванович принимал участие в редактировании „Дневных записок“ своего сына и уже несомненно просматривал их перед отправкой в Петербург» [307. С. 117].

Спасское десятилетие

Спасский период сыграл важнейшую роль в творческой жизни П. И. Рычкова. Неугомонный и трудолюбивый исследователь переходил без отдыха от одной работы к другой, ставил агрономические и промышленные эксперименты, писал статьи для «Трудов Вольного экономического общества», которые награждались медалями. В то же время он продолжал свои историко-географические исследования.

Окончив «Топографию Оренбургскую», Рычков задумывался о том, «чтоб сочинить введение к географии

всероссийской империи», как советовал ему Миллер. Он понимал трудность такой задачи и, желая быть реалистом, помышлял лишь об описании Казанской и Астраханской губерний. «Довольно для меня,— писал он Миллеру 28 марта 1763 г.,— ежели б я Казанскую губернию под именем Топографии Казанской описал. Сделайте мне от Академии формальное предложение и доставьте мне требующиеся к тому способы, дабы я мог свободную корреспонденцию иметь и надобные к тому известия получать, то я б сию часть географии российской, а может быть и астраханскую б на себя взял» [334. С. 71].

Над осуществлением этого замысла П. И. Рычков трудился в последующие годы, и результатом его усилий явились «Опыт казанской истории древних и средних времен», опубликованный в 1767 г. [23], и «Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов; а во второй — о покорении сего царства под державу российских монархов», вышедшее из печати в 1774 г. [52].

Сочинение «Опыт казанской истории», названное так потому, что он считал его «еще несовершенным» [334. С. 73], Рычков рассматривал как один из необходимых предварительных очерков, на основании которых будет написана полная история России. Во введении, написанном в 1767 г., выражена надежда на скорое ее появление, так как над ней «потрудились уже и ныне в ней упражняются самые знатные и ученые люди... Начало ее оставил уже нам покойный статский советник Ломоносов — пример, достойный подражания» [334. С. 76]. Рычков имел в виду и труды В. Н. Татищева, и только что вышедшую «Древнюю Российскую историю» М. В. Ломоносова, которая, видимо, произвела на него сильное впечатление.

В работе над «Опытом казанской истории» П. И. Рычков пользовался советами Г. Ф. Миллера, который не одобрил первый вариант сочинения за недостаточно критическое отношение к документальным источникам. Серьезное и в высшей степени благожелательное отношение этого ученого к трудам П. И. Рыčkова говорит о том, что он видел в оренбуржце исследователя, приносящего значительную пользу исторической науке. Эта оценка приобретает особый вес, если вспомнить, что Г. Ф. Миллер был одним из крупнейших

историков того времени. Как справедливо заметил Г. А. Князев, «говорить о Миллере — это значит говорить об истории пятидесяти лет существования Академии наук, о разработке научной русской истории, об архивном деле и просвещении в XVIII в.» [241].

Высоко оценивал исследования П. И. Рычкова, его вклад в изучение экономики России и развитие научно-земледелия также советник Академии наук И. И. Тауберт. Печатаемая его статьи в «Трудах Вольного экономического общества», Тауберт признавался, что «Рычков есть один из самых деятельных сотрудников в помянутом журнале» [339. С. 7], и относился к нему как к весьма ценному сотруднику. Кроме того, как и с Г. Ф. Миллером, с И. И. Таубертом Рычкова связывала взаимная симпатия. Тауберт был первым, кто уведомил Е. Д. Рычкову о присуждении ей золотой медали ВЭО и сердечно поздравил ее [334. С. 104], а осенью того же года — П. И. Рычкова с такой же наградой, повторяя, что готов его «заслугам при всяком случае отдать справедливость» (334. С. 105). Рычков в 1766 г. писал ему: «Никакая корреспонденция больше не может меня веселить как та, которую я с вами имел и желаю иметь» [334. С. 113]. Узнав 9 июня 1771 г. о смерти Тауберта, Рычков делился с Г. Ф. Миллером своей печалью: «Очень, крайне сожалею и не мог удержаться от слез, лишившись столь любезного и полезного друга» [334. С. 113].

Сложнее складывались отношения П. И. Рычкова с историком А. Л. Шлецером, который подверг критике «Опыт казанской истории», но считал многие другие его сочинения заслуживающими внимания. В 1766 г. он поместил в «Геттингенских ученых ведомостях» хвалебную рецензию на «Топографию Оренбургской губернии», которая сразу приобрела популярность. На нее ссылались историки и географы, в том числе П. С. Паллас, упоминавший «достохвалебную г. статским советником Рычковым сочиненную Оренбургскую топографию, которая по справедливости достойна быть переведена на другие языки для сведения иностранных» [332. Предисл.].

Труды П. И. Рычкова служили стимулом для исследований других историков и географов. Примером тому может служить появление «Описания Каспийского моря» видного государственного деятеля и ученого Ф. И. Соймонова, которое было опубликовано в обра-

ботке Г. Ф. Миллера в «Ежемесячных сообщениях» в 1763 г.⁵ Ф. И. Соймонов, с картографическими работами которого были хорошо знакомы основатели Оренбургского края, знал сочинения П. И. Рычкова. Он сам признавался, что написать один из разделов «Описания», посвященный торговле с Бухарой и Индией, его «принудили труды господина сочинителя „Оренбургской топографии“» [169. С. 200].

Г. Ф. Миллер, состоявший с Ф. И. Соймоновым, как и с П. И. Рычковым, в переписке, считал своей заслугой, что они оба «поощрены были и свои труды для общей пользы... приобщить к сочинениям, печатавшимся в „Ежемесячных сообщениях“» [169. С. 171]. Эти «русские любители наук», действительно, имели много общего. Адъютант С. Я. Румовский, будущий академик, посетивший в 1761 г. Тобольск и познакомившийся с Ф. И. Соймоновым, который был в то время губернатором Сибири, писал Г. Ф. Миллеру, что «редко и в Петербурге такого охотника до наук сыскать можно», и что от него «Академия не меньше, как от Рычкова или, может быть, более пользы получить может» [330. с. 67]. Получив от Соймонова рукопись «Описания», Миллер писал ему 14 июля 1761 г.: «Как скоро „Топография Оренбургская“ к концу приведена будет, то возьмусь я за журнал Каспийское море, чтоб произвести оной по тому ж в печать» [169. С. 174].

Современные П. И. Рычкову историки рассматривали его сообщения об Оренбургском крае как незаменимый материал для будущей всеобщей истории Российского государства. Г. Ф. Миллер писал, что «подробное описание России возможно будет только тогда, когда во всякой губернии будет человек, прилежанием и искусством подобный Рычкову» [334. С. 125]. В наше время дана объективная оценка его трудов. По мнению С. Л. Пештича, которому принадлежит их основательный анализ, П. И. Рычков является «одним из первых историков-краеведов большого масштаба, работавших по широкой программе изучения истории огромной территории страны» и «занимает почетное место в развитии исторической мысли XVIII столетия» [341. С. 294–295].

⁵ Иллюстрированный список рукописи этого труда, датированный 1728 г., поступил в 1972 г. в библиотеку Государственного архива Оренбургской области.

Живя в Спасском и занимаясь хозяйством и науками, П. И. Рычков внимательно следил за событиями в губернии. Оренбург по-прежнему занимал особое положение в планах правительства как центр международной торговли, которая оставалась постоянной и главной целью России в Средней Азии.

Как уже говорилось, в 1762 г. вице-губернатором, а затем губернатором стал Д. В. Волков, бывший секретарь Петра III, попавший в почетную ссылку в Оренбург после государственного переворота и восшествия на престол Екатерины II. Пробыв здесь до 1764 г., он пытался разработать меры для решения экономических проблем губернии. Свой проект он изложил и в «Записке», направленной Екатерине II 26 мая 1763 г. [153]. Описывая сложность условий в Оренбургской губернии, он отмечал разницу между нею и другими губерниями: если в других местах губернатору достаточно «быть не трусу и не лакому, а при том стараться, чтоб дела и тяжбы умалять и сокращать, а не новые заводить», то здесь все это нужно «с прибавкою», касающейся иноверческих дел. «И сие так нужно,— писал Д. В. Волков,— что государственная политика требовала бы примерным здесь правосудием сделать Россию любезною для всех окрестных и разноверных народов» [153. С. 52].

Свои взгляды на международную политику, которую следует проводить оренбургскому губернатору, Д. В. Волков изложил в 11 пунктах. Первый из них указывал на необходимость осуществлять «намерения Петра Великого, проектами Кирилова обновленные, о распространении коммерции генерально в Азию, а паче в Хиву и Бухарию, а потом далее в Индию». Считая, что большого успеха в этом деле не заметно, он предлагал «разбирать, какие были причины, что не удались тогдашние опыты, и промыслять, как ныне сделать их с лучшим успехом».

Пути в Индию «затруднительны и опасны» из-за того, что «много живет по дороге разных своевольных народов, к хищничеству и грабежу жаждущих». Но, по мнению Волкова, нужно не пугаться этих трудностей, а «верить, что трудом и искусством все преодолено быть может» [153. С. 53]. Он был убежден, что успеха можно достигнуть не военными, а мирными средствами. Отвергая путь насилия, он писал: «В Чингизхановы времена славно было цветущие государства предлагать

в ужасные пустыни, но гишпанцам не прощают и доныне, что кровью неповинных жителей утвердили владычество свое в Америке». Единственно правильными он считал мирные «способы, кои медлительными быть кажутся», но зато ведут прямо к цели.

Для достижения успеха Волков предлагал укреплять дружеские отношения с казахами и добиваться, чтобы они не формально выполняли условия подданства, а «Россию собственно для России любили». Волков считал, что у них следует «возбуждать охоту вступать в здешнюю службу», «прибучать их земледелию и хлебопашеству», пользоваться всеми случаями, чтобы «хлебом их разлакомить и к заведению лесов поощрить». Поэтому, указывал он, важно развивать производство хлеба в Оренбургской губернии, а также строить здесь жилища и осваивать минеральные ресурсы. «Великое и государственное дело», — называл Волков добычу «славной» Илецкой соли, «которую найдутся, может быть, способы удовлетворить знатную часть империи с большею казне прибылью, нежели ныне с Эльтонского реза делается» [153. С. 57].

Однако пока эти мероприятия принесут пользу, нужно, считал Волков, «думать только о том, чтоб заведенную уже, какова есть, в Оренбурге коммерцию до упадка не допустить, а паче в лучшее, сколько можно, состоянии привести стараться» [153. С. 58].

Те же вопросы затрагивались и в напечатанной в ноябре 1763 г. в «Ежемесячных сочинениях» безымянной статье «Изъяснение о способах к производству российской коммерции из Оренбурга с бухарскою, а из оной и с индейскими областями», в которой предлагалось перевозить товары по воде — по Яику, а затем по Каспийскому морю. В статье цитировалась «Топография Оренбургская» и ее автор упоминался как признанный авторитет.

П. И. Рычков не остался в стороне и в декабре того же года отправил Г. Ф. Миллеру новую статью, озаглавленную «Мнение о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские стороны и о средствах к тому надлежащих» [71]. В ней напоминалось о проекте постройки города в устье Эмбы, который стал бы важным пунктом на торговом пути. Статья, хотя и осталась неопубликованной, получила известность и укрепила репутацию Рычкова как знатока коммерции со странами Азии.

В марте 1766 г. П. И. Рычков совершил поездку в Москву, где пробыл до 24 мая и получил аудиенцию у Екатерины II. В его «Записках» говорится, что протекцию ему составили Г. Ф. Миллер и граф Г. Г. Орлов [59. С. 325]. Императрица весьма благосклонно приняла ученого из Оренбургской губернии, которая ее очень интересовала с экономической и политической точек зрения. Рычков вспоминает, что услышал от нее слова: «Я известна, что вы трудитесь на пользу Отечества, за что вам благодарна». Затем он преподнес ей свою книгу «Опыт казанской истории» и более часа отвечал на вопросы «о городе Оренбурге, о ситуации тамошних мест, о хлебопашестве, о коммерции». Эту беседу следовало рассматривать как знак высочайшей милости, и Рычков записал: «Сей день наилучшим и счастливейшим почитать мне надлежит» [59. С. 325].

О большом авторитете П. И. Рычкова свидетельствует присуждение ему звания корреспондента учрежденной правительством Комиссии о коммерции. Во время пребывания в Москве он получил от нее «вопросные пункты... о нынешнем состоянии оренбургской коммерции». В «сообщении» от 10 мая говорилось, что так как «чрез долгое пребывание в Оренбургской губернии» Рычков «довольное приобрел знание о тамошней коммерции», он может ответить на вопросы: была ли в прошлом оренбургская торговля в цветущем состоянии, почему и в какие годы она начала приходить в упадок, как восстановить ее, достаточно ли в Оренбурге купцов и чем привлечь их, чтобы «привести в силу тамошнюю коммерцию» [59. С. 326—327].

После отправки его «мнений и изъяснений», Рычков получил следующее послание от члена комиссии фон Клингштета: «Комиссия... препоручила мне вас просить принять на себя звание корреспондента учрежденной при дворе комиссии о коммерции, с тем, чтобы и впредь она могла пользоваться вашими примечаниями, как об Оренбургских коммерческих обстоятельствах, так и обо всем, что может со временем привести тамошний торг в цветущее состояние» [59. С. 327].

Вместе с этими «сообщениями» П. И. Рычков приводит в своих записках еще одно послание от комиссии, в котором высказано пожелание, чтобы он представил также «способы, по которым бы возможно было достигнуть до тех намерений, изыскать людей к умножению тамошнего земледелия и склонить капитальных купцов на

тамошнее поселение, для лучшего производства тамошних торгов... По знаемости вашей сих мест и обстоятельность никто другой лучше вашего высококордия полнейшие способы изыскать на то не может» [59. С. 328].

Однако П. И. Рычков не был доволен судьбой. Причина крылась в материальных затруднениях, которые с каждым годом становились все значительнее. Убедившись на собственном опыте в непроизводительности барщинного труда, он занялся поисками службы, которая обеспечила бы приличный заработок, достаточный для содержания большой семьи.

Заводы, на которые возлагались надежды, этих надежд не оправдали. В апреле 1766 г. незадачливый промышленник жаловался Миллеру, что заводы «одни только хлопоты, а не прибыль приносят» [334. С. 54], и он намеревается их распродать. Это решение укрепилось после бегства приказчика, унесшего «последние деньжонки». «И так не знаю, — писал тогда же Рычков, — как исправляться». Он видел выход в продаже дома в Оренбурге и был «за полцены рад бы его продать».

Найти службу оказалось далеко не просто, несмотря на ходатайство покровителей. По их совету, данному под впечатлением столь милостивого приема ученого Екатериной II, П. И. Рычков в марте 1767 г. подал челобитную в Сенат, в Герольд-мейстерскую контору, об определении его «к делам, к каким являюсь способным». Но «порожних» вакансий не оказалось, и он уехал из Москвы ни с чем.

Не помогло и ходатайство Комиссии о коммерции перед Сенатом о назначении П. И. Рычкова на должность товарища Оренбургского губернатора. По словам С. М. Соловьева, «Сенат оскорбился таким вмешательством Комиссии в назначение высших должностных лиц и приказал: доношение Комиссии отослать ей назад с таким объявлением... — определение в губернаторские товарищи поручено императрицею в исключительное усмотрение и попечение Сената, то и надобно дожидаться...; что же касается отзыва ее о знании Рычковым коммерческих дел, то об этом сообщить герольдии для сведения о том при случае, когда этот Рычков представлен будет для определения к каким-либо делам» [385. Кн. 14. С. 58]. Видимо, у наивысших властей П. И. Рычков был все же не в чести.

В сентябре 1767 г. он просил Миллера хлопотать о месте при Казанском губернаторе. «Мое намерение и желание ни к чему иному не клонится, — писал он, — как токмо усердно служить Отечеству. Партикулярного моего ничего тут больше нет, как лучший способ к воспитанию детей моих. 600 рублей не велико жалованье... К лакомству и нажиткам я не склонен... Со всем тем очень я несчастлив» [334. С. 55].

Положение не изменилось и в 1768, и в начале 1769 г. В письме от 31 января он с грустью сообщал Миллеру: «Я по-прежнему продолжаю жизнь мою деревенскую и, взирая на обращения нынешние, часто удивляюсь, а иногда тужу об моей судьбине» [334. С. 55].

Только в августе было получено из Оренбурга от губернатора И. А. Рейнсдорпа извещение о том, что П. И. Рычков будет принят на службу. По представлению сенатора Н. Д. Еропкина, председателя Соляной комиссии, П. И. Рычков назначался на должность правителя соляных дел, «кои ныне, за недостатком в Украине соли, весьма уважаются». Ему было предписано добиться «отправления Илецкой соли внутрь империи перед прежними годами в наибольшем количестве» [59. С. 330].

В Оренбурге П. И. Рычкову предстояло сотрудничать с губернатором И. А. Рейнсдорпом, сменившим своего предшественника на этой должности А. А. Путятина в феврале 1768 г. Их отношения, видимо, с самого начала складывались не наилучшим образом. Это проявилось, когда при баллотировке в депутаты от оренбургского дворянства в Комиссию по выработке нового Уложения П. И. Рычкова победил, набрав два лишних балла, ставленник губернатора. «Как ни желали прочие дворяне, — писал он Миллеру, — чтоб я выбран был в депутаты, но губернаторская сторона превозможе» [334. С. 55].

Однако поначалу высокий авторитет Рычкова в обществе обеспечивал ему подобающее отношение со стороны губернатора. В донесении в Сенат о бедственном состоянии соляных дел он сообщал, что на должность правителя «представляется ныне тамошние места довольно знающий и самоспособный к тому статский советник Рычков»⁶. И в 1770 г. в «Записке» о недостат-

⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 104 (Дела разные). Л. 84.

ках вверенной ему губернии Рейнсдорп писал, что, высказывая мысли о соляных делах, он пользовался «разными полезными представлениями, полученными от статского советника Рычкова, который о сих делах и о всех к тому принадлежащих способах совершенное знание имеет» [365. С. 100].

В конце 1769 г. П. И. Рычков простился с деревенской жизнью и приступил к исполнению новых обязанностей. Но расставаться с научной работой ученый не собирался. В его письме к Миллеру от 3 декабря сказано: «Я, сделав установ моей комиссии, не премину трудиться, по привычке моей, в делах до наук принадлежащих» [339. С. 9.]. И действительно, этой «привычке» он остался верен до последних дней жизни, не расставаясь с ней при самых трудных обстоятельствах.

Крестьянская война (1773—1775)

«Стоит упомянуть... о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостью и добросовестностью — достоинствами столь редкими в наше время».

А. С. Пушкин

Будни крепости на Яике

После десятилетнего перерыва П. И. Рычков вернулся в Оренбург, где его ждала служба. Начался также новый этап его научной деятельности.

Рожденный «веком торговли»¹, расположенный на географическом стыке Европы и Азии в обширнейшем многонациональном крае, Оренбург стал к этому времени оплотом военно-феодальной колонизации и центром международного общения и торговли. Город-крепость II класса, он был окружен более чем трехметровым рвом, почти четырехметровым земляным валом с каменной облицовкой и бастионами.

В путевых заметках И. П. Фалька, который прожил в 1771 г. несколько месяцев в Оренбурге и дал подробное описание города, отмечалось: «Оренбург есть губернский город, главная крепость и сборное место Оренбургской линии. Вал, простирающийся на 3 версты, и сухой ров, выложенный рыхлым песчаным камнем, ограждают город при реке полукругом. В нем есть артиллерия и магазины, гарнизон, состоящий из 4 батальонов и команда артиллеристов... Выше стоит козацкая слобода с одной церковью, а ниже оно находится Российская слобода. В сем городе 4 ворот, 6 каменных и 3 деревянные церкви и 4 колодца» [402. С. 238—239].

В городе вместе с казачьим пригородом — форштадтом — насчитывалось, по данным 1760 г., 2866 домов [11. С. 245]. При малочисленности каменных строений преобладали полуземлянки и деревянные домики, часто сгоравшие дотла от пожаров. Свидетель домостроитель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 59.

ства и стихийных бедствий в городе П. И. Рычков с огорчением констатировал: «Самая необходимость требует, чтоб в Оренбурге деревянные строения вовсе запретить» [69. Ч. 2. Л. 34]. В Оренбурге, писал И. П. Фальк, «присутственные места, губернаторский дом, гостинный двор, пробирная палата для исследования серебра... и 1 частный дома были каменные, но в 1770 году строено было много казенных каменных домов; прочие дома худые, деревянные;... хороших же садов нет ни в городе, ни за городом» [402. С. 239—240].

В 1745 г. в Оренбурге было 25 улиц, имевших военные и местные наименования. К 1773 г. многие названия улиц (Бердская, Казанская, Мещанская, Алексеевская, Штабская, Петровская, Ундерофицерская, Солдатская, Проезжая, Аптекарская, Инженерная, Офицерская, Госпитальная и Маркитанская) были заменены: появились Орская, Яицкая, Гостиная, Петропавловская, Троицкая, Садовая, Нижняя и другие улицы². По словам И. П. Фалька, улицы Оренбурга были «широкие, прямые, не мощеные, по которым весной бывает великая грязь, а летом сильная пыль» [402. С. 239].

Заселенный военными и ссыльными Оренбург в самом начале почти вовсе не имел гражданского населения. На Штабской улице, например, было 20 офицерских дворов (Пальчикова, князя Путятина, Аничкова, Бестужева, Ртищева и др.) и только два из них принадлежали штатским: один — «слесарю» Гавриле Сусальникову, другой — священнику Козьме Иванову. На «Третьей» улице было 24 солдатских двора и один — «слесаря» Ивана Свешникова. В 60—70-х годах XVIII в. военно-феодальный Оренбург по условиям материального производства и социальному составу населения значительно изменился. В городе появились кирпичные заводы, «казенные» и «партикулярные» кузницы, пивоварня, работали ремесленники разных профессий, водовозы, извозчики. Вне крепости на западной стороне действовала «Контора оренбургских строений», где сотни ссыльных выполняли разнообразные работы в городе и за его пределами, становясь затем постоянными горожанами-ремесленниками. И хотя в городе по-прежнему преобладали военные, в нем заметно выросли контингенты крепостных кре-

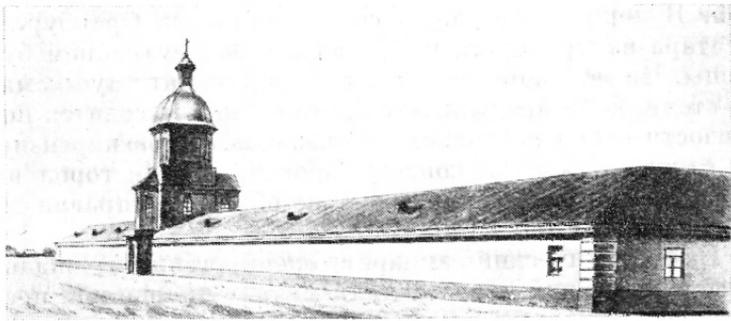
² Это видно из экспликации плана Оренбурга 1745 г. (ГПБ. Рукоп. отд. № 276/47. Л. 142) и плана Ригельмана 1760 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА, № 22299).

стьян (дворовых, обслуживавших своих военных господ), купечества, духовенства, мещанства и чиновников. Жители рекрутировались по преимуществу из ссыльных, из солдат и солдатских детей, из переселявшихся купцов и их приказчиков. Городскими мещанами и казаками становились многие русские, калмыцкие и башкирские полоняники, высвобожденные в 1742—1754 гг. из плена у казахов (1182 человека), а также выходцы из других среднеазиатских «наций» [56. С. 112].

Облик города в то время определялся в основном его назначением как международного торгового центра, каким ему предстояло оставаться еще целое столетие.

Внешняя политика России на юго-востоке, лишенная еще каких-либо экспансионистских посягательств в среднеазиатском и индийском направлениях, и оренбургская международная торговля, строившаяся на началах взаимной выгоды, не внушали опасений народам Востока. Официальная Россия решительно отвергала всякую необходимость в завоеваниях чужих земель в XVIII в. в среднеазиатском направлении. Еще в 1723 г. Петр I говорил своим сенаторам: «Вы в заблуждении, если думаете, что я стремлюсь к завоеваниям новых земель. У меня их слишком много, мне надобно только побольше воды» [138. С. 278]. И по представлениям Екатерины II, Россия так велика и богата, что ей нет «никакой нужды отправляться для завоеваний в Индию» [373. Т. 10. С. 358—360]. Поэтому, подчеркивала она, «я не даю ни людей, ни кораблей, ни денег и отказываюсь на вечные времена от земель и владений в Восточной Индии и Америке» [373. Т. 10. С. 384—386]. В то же время заботы о расширении и стабилизации торговли в среднеазиатском и индийском направлениях приобретали государственное значение.

Это придавало Оренбургу особый характер, что отметил академик П. С. Паллас при описании своих путешествий. Ссылаясь на «достохвальную г. статским советником Рычковым сочиненную Оренбургскую Топографию, которая по справедливости достойна быть переведена на другие языки для сведения иностранным» [332. Ч. 1. Предисл.], он полагал, что, имея «столь обстоятельное известие о местоположении, учреждении и о всех зрениа достойных публичных строениях сего изрядного города» [332. С. 346], можно не описывать его подробно. Вместо этого Паллас высказал некоторые общие соображения о роли Оренбурга. «Вообще ска-

**Гостинный двор в Оренбурге.
Реконструкция В. В. Дорофеева**

зять можно, — писал он, — что основание оного совершенно соответствует важному Азиатскому торгу, посредством которого стараются сей город сделать главным пристанищем, и что надлежало бы оной населить зажиточными купцами, и заведенными фабриками таких товаров, которые больше покупают азиатские народы, привести в цветущее состояние; ибо Оренбург бесспорно должен быть самым важнейшим провинциальным городом в Российском государстве» [332. С. 346].

В описании Оренбурга, данного И. П. Фальком, отмечены Гостинный и Меновой дворы, игравшие важную роль в жизни города, так как, по его словам, «главный промысел в Оренбурге есть торговля с киргизцами и бухарцами и с крепостями линии, которые товары покупают в Оренбурге» [402. С. 242]. «Гостинный двор, — указывал он, — есть строение крепкое с двумя воротами; оно длиною и шириною на сто сажень, состоит из 300 сводов во внутреннюю сторону с покрытым ходом или галереею и принадлежит казне, которая за наем лавок получает ежегодно по 5000 рублей. Лавки наполнены расхожими здесь товарами, а на площади торгуют съестными припасами, лошадьми и другим скотом. Кроме сего, есть еще открытый рынок» [402. С. 240].

«На киргизской стороне, — писал далее Фальк, — в 2 верстах от левого берега Урала и города, находится Азиатский меновой двор, весьма похожий на гостинный двор, но только вдвое более. Из двух его ворот одни для русских купцов (здесь над ними таможня), а другие в степь для киргизцев. На площади, позади каменных лавок, находится Бухарский меновой двор, такой же боль-

шой. В первом торгуют русские купцы из Оренбурга, и татары из Оренбурга и Каргалы, а во внутреннем бухарцы. На меновом дворе стоит отряд солдат с пушками, а с степи, пока продолжается лето мена, находится поблизости отряд нескольких сот казаков. Зимой киргизы по отделениям и за конвоем провожаются в город на меновой двор и вечером таким же образом отправляются обратно в степь» [402. С. 242].

Бюрократический аппарат оренбургских гражданских учреждений представляли мелкие чиновники, протоколисты, толмачи (переводчики). Последних готовила «татарская школа», открытая В. Н. Татищевым в 1740 г. (еще в Самаре) и действовавшая при губернской канцелярии в течение всего XVIII в.³ Эта школа была «продолжением дела, заведенного и достаточно налаженного» его предшественником И. К. Кириловым, который также придавал большое значение обучению «инородцев» [310. С. 69].

Активное участие в работе школы принимал П. И. Рычков, который руководил ею после отъезда Татищева. Школа испытывала вначале «великое затруднение» в написании и печатании татарских и калмыцких слов, и Рычков в письме от 25 февраля 1741 г. спрашивал «своего благодетеля», «не худо ли» поступил он, что велел ученикам «сначала русскими литерами учить татарские и калмыцкие слова» [334. С. 10]. В этой работе ему оказывал помощь Ибрагим Абдурахманов (ум. в 1761 г.), по словам И. И. Неплюева, «пребывающий в Оренбурге магометанский, ими почитаемый знатный духовный». Рычков не раз упоминал его в письмах к Татищеву как человека ученого, знатока татарской истории [334. С. 12, 13 и др.].

Среди чиновников значились старший переводчик Мендияр Бекчурин, секретари Андрей Второв, Иван Коптяжев, Андрей Марков, Стефан Иванов, регистратор Фадей Чекалов, «копейист» Степан Попов и др. [180, 398]. Видное место среди них занял правитель губернской канцелярии — «заграничных дел секретарь» — Петр Чучалов, окончивший татарскую школу и получивший самый лестный отзыв о себе П. И. Рычкова⁴. Еще более видным чиновником был переводчик Матвей Арапов — «великий знаток татарских диалектов», ста-

³ ГЦБЛ. Ф. Паниных, кн. 12. Л. 42.

⁴ Там же, Кн. VIII/2. Л. 42.

рательно исполнявший свою должность с момента образования Оренбургского края. Он был изранен повстанцами Пугачева под городом 28 марта 1774 г. и вскоре умер. Такого человека «уже здесь не осталось, и скоро, — записал П. И. Рычков, — возыметь не можно» [362. Т. 9, ч. 1. С. 330].

Самым популярным и образованным чиновником, пользовавшимся общей известностью в обширном крае и в столице, был, несомненно, сам П. И. Рычков. Его новая должность начальника недавно учрежденного правления Оренбургских соляных дел оказалась связанной с немалыми волнениями и хлопотами. Предстояло навести порядок в добыче соли на Илецком месторождении, объявленном в 1754 г. государственной собственностью⁵. Торговля илецкой солью в центральных районах России должна была существенно увеличить доходы казны.

Рычков с жаром взялся за работу. Уже 17 декабря 1769 г. он выехал из Оренбурга для поиска подходящих мест под пристани на реках, откуда должен был производиться вывоз соли. Путь его проходил через Стерлитамак и Уфу. Здесь к нему присоединилась жена, и вместе они проехали по течению Камы. В селе Божки Рычков «назначил быть» пристани и соляным «магазейнам» [59. С. 331]. Затем, остановившись на короткое время в Спасском, через Симбирск они прибыли в Оренбург. Осенью П. И. Рычков отправился в Москву «для персонального объяснения в порученной... комиссии главному командующему генералитету». По дороге он посетил пристани и «магазейны» на реках Белой и Каме — 28 и 29 ноября побывал на Бугульминской и Ашкадарской пристанях, 30 ноября — в Уфе, 3 декабря приехал в Спасское, откуда через десять дней выехал для осмотра камских пристаней. По дороге он заехал на свой медеплавильный завод, погостил у А. И. Тевкелева, добрался 22 декабря до Казани и 24 декабря отбыл в Москву. Здесь 8 февраля «воспоследовала высочайшая конфирмация» нового главного правителя Оренбургских соляных дел.

Вернувшись, Рычков занялся организацией вывоза соли по суше и водным путем, строительством приста-

⁵ Подробно об истории г. Соль-Илецка см. в основанном на архивных материалах исследовании оренбургского историка А. В. Аксенова [91].

ней на реках Белой, Каме, Волге, внедрением технических новшеств, которые увеличили производительность промысла за один год более чем на 30% [91].

В июле 1771 г. вместе с женой П. И. Рычков побывал «в Илецкой защите, где соль добывают, для распоряжения тамошних работ» [59. С. 332]. Результатом знакомства с соляным месторождением — этим удивительным явлением природы — явилась опубликованная в 1772 г. статья «Описание Илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания, а при том и об отправлении оной сухопутно и водою в разные места» [48].

Характеризуя месторождение, П. И. Рычков писал: «Илецкая соль... может по самой справедливости названа быть таким щедрым дарованием природы, которое она на потребность человеческую, хотя и в неизвестное нам время, но может быть в самой глубочайшей древности на премногие веки и в неизмеримом количестве представила». В статье изложена история разработки соляных залежей и особенно подробно с 1734 г., когда на них «по любопытству своему» обратил внимание «начинатель Оренбургской экспедиции» И. К. Кирилов.

Илецкое месторождение было описано Кириловым в его сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства». Он писал: «Между Уфинскою и Казанскою провинциями в сторону Яицкой степи есть соль самосатка, многочисленные места, которую, езда в степь, берут и лошадьми вывозят башкирцы и татары и другие ясачники, и в городах берут у них за деньги для казенной продажи, а башкирцы и сами довольствуются» [239. С. 227]. Рычков отметил, что именно Кирилов «приехал» башкир к поставке илецкой соли в Уфу и другие города. В статье Рычкова была дана подробная характеристика свойств Илецкой соли, способов ее добычи и т. д.

В Оренбурге семья Рычковых жила, как и прежде, на главной — Губернской улице (ныне ул. Советская), но уже не в прежнем, построенном в 1753 г., доме (сейчас дом № 4). На плане 1767 г. он значится как «дом коллежского советника Рычкова, ныне купленный для аптеки»; на плане 1777 г. наискось от первого, под № 8 указан «дом статского советника Рычкова»⁶, который, впрочем, может быть его прежним домом, построенным в 40-х годах. Однако скорее это тот, по словам Рычкова,

⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 22302.

«хороший и покойный дом», который начал строиться «казенным коштом» в 1773 г. и в котором в последующие годы жили Рычковы [334. С. 135].

Временами семья выезжала в Спасское. Так, отправившись в декабре 1771 г. на осмотр соляных пристаней, П. И. Рычков остановился по дороге в своем имении. В «Записках» он отметил: «Жена моя с дочерьми Марьей, Александрой, Анной, Катериной, Аграфеной, Прасковьей 18 числа декабря из Оренбурга туда же приехала, а 25 и сын мой Андрей прибыл, и так сей год благополучно и совокупно окончили» [59. С. 334].

В январе 1770 г. Андрей получил чин подполковника и служил в Сергиевском драгунском полку. Сыновья Иван и Василий летом 1771 г. находились в Крыму — во 2-й армии под Перекопом. 1 января 1772 г. отец сделал запись: «Меньшой сын Василий пожалован в Московском легионе подпоручиком» [59. С. 334]. Сыновья, по видимому, хорошо понимали П. И. Рычкова и помогали в его делах. Например, подробнейший план Илецкой защиты, датированный 3—6 июля 1772 г., выполнен Василием Рычковым «под присмотром отца»⁷.

Занятый служебными делами, П. И. Рычков тем не менее, как всегда, живо отзывался на важные события, происходившие в крае. В 1771 г. он сообщил Г. Ф. Миллеру об одном из них — уходе из России калмыков, степенных немецкими колонистами и русскими переселенцами, которые обосновались на луговой стороне Волги. Тогда же он написал очерк «О причинах удаления из России калмыков» [73].

Рычков писал, что калмыки, «во многих тысячах едва не все, встревожась, с женами и детьми, и со скотом перешли через реку Яик на киргизскую сторону... и, как слышно усильством пробираются на те места, где прежде зюнгорцы, их однородцы кочевали. Вот какая чудная революция!» [334. С. 123]. Он сообщал Миллеру также о бесплодности всех мер, принятых губернатором Рейнсдорпом для возвращения беглецов.

Сведения о походе он получал из первых рук, так как в погоне участвовали его сыновья Андрей и Николай. В «Записках» отмечено: «15 мая 1771 г. старший сын Андрей отправлен из Оренбурга в Орскую крепость для похода в киргизскую степь за бежавшими калмыками; к нему присоединился и сын мой Ни-

⁷ ЦГАДА. Ф. 192, д. 8.

колай, приехав туда из Челябинска с наставлением от г. Палласа, чтобы сделать осмотр тамошних мест» [59. С. 333]. Они возвратились через месяц «в жалостном состоянии».

Эти письма в Петербург вызвали недовольство И. А. Рейнсдорпа. У него, по-видимому, вообще уже зрело раздражение против Рычкова, который отличался поведением от других чиновников и был поэтому ему непонятен. В письме к Миллеру Рейнсдорп уверял, что Рычков не смел без его ведома сообщать о событиях, «которые для него были совершенно сокрыты», тем более, что вся переписка по этому делу «считается тайною». Он обвинял Рычкова в «неограниченном себялюбии», в том, что «низкая зависть направляет его к самым черным поступкам», и заключал: «Это настоящий портрет Тартюфа!» [334. С. 131]. Нерасположение губернатора к Рычкову выразилось в тех помехах, которые чинились ему, когда осенью 1772 г. он собирался выехать по служебным делам в Москву. Поездка все же состоялась в январе 1773 г. и продолжалась до конца апреля.

Для Рычкова она имела большое значение, так как в этот проезд он был принят в члены Вольного российского собрания — литературного общества, учрежденного в 1771 г. при Московском университете. К нему принадлежали университетские профессора А. А. Барсов, С. Е. Десницкий, П. В. Чеботарев, Д. С. Аничков и др., а также известные писатели и ученые А. А. Нартов, Н. И. Новиков, Г. Ф. Миллер, Е. Р. Дашкова, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, А. П. Сумароков.

Среди первых членов Собрания оказался и П. И. Рычков. Это было действительным признанием его научных заслуг. Он записал позднее: «2 марта имел я честь впервые присутствовать в Вольном российском собрании Московского университета, к чему проводителем моим был сам тайный советник и куратор Иван Иванович Мелиссино, и один из профессоров говорил на русском языке касающуюся до меня речь» [59. С. 334]. В сентябре 1773 г. получило апробацию сочинение П. И. Рычкова «Введение в Астраханскую историю» [52], которое было решено напечатать тиражом в 1200 экземпляров за счет Собрания.

Между тем отношения с Рейнсдорпом продолжали ухудшаться. Особенно они обострились во время

Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, которая в 1773—1775 гг. бушевала на территории Оренбургского края.

Летописец осады Оренбурга войсками Пугачева

В письме к Г. Ф. Миллеру, датированном 3 сентября 1773 г., П. И. Рычков впервые упомянул о беспорядке в связи с событиями, которыми начиналась Крестьянская война, а 5 сентября пугачевцы уже осадили Оренбург. Положение сразу стало столь серьезным, что 25 ноября он записал: «Наши обстоятельства такие, каких сначала здешнего города не бывало, и я от роду моего не видывал» [334. С. 136].

Пристальнее всматривался престарелый Рычков в социальную жизнь и регистрировал события Крестьянской войны. Внимательный свидетель почти непрерывных так называемых киргиз-кайсацких предрезостей, башкирских бунтов, волнений и восстаний в Яицком казачьем войске, Рычков в момент превращения Оренбуржья в колыбель «пугачевщины» и начавшейся осады Оренбурга завершал свой труд на тему: «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани» [63]. Писал он его не «от скуки», как иронически заметил М. Н. Покровский [343. С. 272], но отвечая на злободневный вопрос, поставленный временем.

Известно, что народная фантазия овеяла непреходящей славой Степана Разина, обратив его в «заговорного человека», которого ни пуля, ни сабля не берет. И в XIX в. его представляли в образе неустраслимого казака, который будто бы, писал в «Дневнике» Т. Г. Шевченко, живет «до сих пор в одном из приволжских ущелий близ своего бугра» [419. С. 115] и готов подняться и «бушевать пуще прежнего» [246. С. 235—236]. В народном сознании атаман вовсе не разбойничал на Волге: он со своей вольницей только «собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям».

В XVIII в. в условиях повсеместного роста крепостничества все крестьянство держало в памяти «заветные думы Степана». И нет ничего удивительного, что ровно через столетие после восстания Разина в народе с новой силой возрос интерес к его незавершенному делу. Атаман понизовой вольницы в представлении людей стал действовать с прежней удалью под именем

Емельяна Пугачева. Отзвуки этих настроений слышались даже в 50-е годы XIX в., когда 110-летний старик-волжанин, видевший крестьянского вождя, рассказывал под Царицыном историку: «Тогда иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, он и вышел из горы» [246. С. 236]. И не случайно бердская казачка Ирина Бунтова в разговоре с А. С. Пушкиным делала Степана Разина участником пугачевского восстания [22. С. 290—291].

Для Рычкова восстания Разина и Пугачева, несомненно, были общественными явлениями одного порядка, и он старался их осмыслить. Осада Оренбурга длилась шесть месяцев, и, переживая ее трудности, добросовестный ученый, «самовидец и слышатель многого», вел дневниковые записки, делал «очевидные примечания», фиксировал «городские обстоятельства и разные приватные известия».

Впоследствии эти заметки помогли ему составить описание осады Оренбурга, которое А. С. Пушкин, как отмечалось, использовал как документальную основу для своей «Истории Пугачева» и полностью включил в это сочинение; вместе с приложениями «Летопись» составляет две трети всего текста. Кроме собственных заметок, Рычков опирался на «Экстракт» (или «Журнал») Рейнсдорпа — ежедневные записи о событиях в осажденном городе, которые вел при губернской канцелярии П. Чучалов, и на походный журнал командующего правительственными войсками П. М. Голицына. «Журнал» Рейнсдорпа регистрировал события только «по письменным делам», тогда как многие другие факты, достойные «нужных примечаний», вовсе не вошли в него [62. С. 224].

«Летопись Рычкова» — интереснейший образец творческой и в своем роде единственной документальной компиляции XVIII в. Она состоит из семи частей (97 пунктов), трех «Прибавлений» и известна во множестве списков, вышедших несомненно из Оренбурга и не имеющих существенных разночтений⁸. Оригинал (его местонахождение не установлено) был оформлен в первые два-три месяца после снятия осады города. Все писарские копии изготовлялись постепенно в 1774—1776 гг.

⁸ Там же. Д. 494. Л. 106. То же в конспекте А. С. Пушкина «Журнал Рейнсдорпа» [62. С. 516].

Идея всестороннего и правдивого описания шестимесячной осады Оренбурга принадлежит несомненно Рычкову. Социальными же заказчиками его были Голицын, Щербатов, Рейнсдорп, снабдившие ученого своими «Журналами» и обязавшие его освещать события в духе, приемлемом для царизма и крепостников. Рычков старался оставаться верным своему исходному принципу, четко им сформулированному: «Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить» [334. С. 139]. Однако по составу источников, по их значению и содержанию «Летопись» — глубоко политический и классово-тенденциозный труд. При всей верности освещения в нем фактов и событий политическая тенденция первоисточников, несомненно, преобладала над исторической правдой. Так, «Летопись» умолчала о двухдневной успешной агитации отставного сержанта Ивана Костицына, перешедшего к повстанцам в Рассыпной. Между тем факт его проникновения по заданию Пугачева в Оренбург 1 октября для «смущения обывателей» и склонения их к отдаче города без напрасного кровопролития отчетливо констатирует «Экстракт»⁹. О переходе на сторону Пугачева казацкого сотника, члена Уложенной комиссии Тимофея Падурова с полком оренбургских казаков в 600 человек Рычков упомянул впервые только 8 января [62. С. 292], тогда как это произошло еще 27 сентября [272. Т. 2. С. 112].

Эти и другие менее важные отступления автора «Летописи» от истины диктовались его четко выраженным отрицательным отношением к восстанию. Естественное при его консервативной идейно-политической установке, оно, несомненно, усугублялось и факторами личного порядка. Иначе не мог воспринимать события отец убитого пугачевцами симбирского коменданта Андрея Рычкова, потерявший сожженную повстанцами драгоценную библиотеку и потерпевший от них хозяйственное разорение на 20 тыс. р. [334. С. 140, 143].

Квинтэссенция труда П. И. Рычкова — шестимесячная осада Оренбурга повстанческими силами Пугачева, начавшаяся 5 октября 1773 г. и кончившаяся 6 апреля 1774 г.

⁹ Там же.

Рассказав о событиях в Яицком войске, летописец отмечает, что казаки приставали к Пугачеву «потому наипаче, что он объявил себя императором Петром III» [62. С. 211]. Он описывает, как в своем победном шествии вверх по Среднеяицкой линии Пугачев легко преодолевал препятствия и, разбив наголову корпус Билова, 27 сентября взял Татищеву крепость. Только теперь, записал Рычков, «совсем опущенную доселе Оренбургскую крепость», начали приводить «в оборонительное состояние» [62. С. 214]. Рычков правильно понимал военно-стратегический план Пугачева: окружить Оренбург, чтобы взять его затем приступом; в противном же случае «в блокаде содержать», перерезав к нему отовсюду, кроме казахской степи, «всякую коммуникацию» [62. С. 219].

«Летопись» знакомит нас немного с топографией Оренбурга и его окрестностей, где жили и действовали повстанцы. Указываются пути их передвижения и места поселения, прежде чем они утвердились в Берде 18 октября [62. С. 230]; говорится о рытье землянок с 5 ноября, где только можно [62. С. 232, 244]. В итоге слобода Берда, обнесенная оплотом и рогатками, насчитывавшая не более 200 дворов¹⁰ [62. С. 291], была окружена множеством «ям», или землянок, где зимовало многотысячное население повстанческого лагеря. На сыртах вблизи и вдали от Берды у повстанцев находились сторожевые форпосты и караульные вышки-маяки, которые были предназначены для сбора повстанцев «зажжением нарочно приготовленных у них маяков» [62. С. 247].

Осажденный и перенаселенный Оренбург, насчитывавший около 15 тыс. человек вместо 2,5 тыс. в обычное время, находился на строжайшем военном положении. К обороне крепости были привлечены все регулярные и нерегулярные войска. В гарнизон, составлявший в начале 2968 человек и располагавший 70 орудиями, были зачислены даже отставные солдаты, купцы и другие разночинцы [62. С. 216].

День за днем «Летопись» скупо повествует о растущей силе и количественном превосходстве повстанцев Пугачева, о настроениях обреченности и панического

¹⁰ В Летописи говорится о 50 дворах в Берде. Это явное недоразумение, так как в «Топографии» Рычкова значится 200 дворов [56. С. 254], у Пушкина так же [62. Ч. 1. С. 102].

страха, овладевавших войсками гарнизона и населением осажденной крепости. Решение атаковать повстанцев 9 октября не встретило ни малейшего энтузиазма даже со стороны командного состава. Офицеры всех частей гарнизона поспешили рапортовать коменданту, что у своих подчиненных и на этот раз они «слышат роптание, и великую робость и страх» [62. С. 223]. По этой же причине не вышел на атаку корпус и 10 октября, когда «город, — как писал Рычков, — со всех сторон злодейскою толпою был окружен... большею частью из разных народов», а 11 октября команда только простояла «в параде на сборном месте» [62. С. 227]. 13 октября корпус, «сделав из регулярных каре, возвратился в город», не досчитавшись 123 человек [62. С. 228—229].

Растущую силу и активность повстанцы показали 22 октября. Пользуясь пушками и зарядами с завода Я. Б. Твердышева, они дали «по примечанию» около тысячи пушечных выстрелов. Ядра падали и рвались посреди города, по дворам и улицам; трехфунтовое ядро упало во дворе самого летописца [62. С. 235].

Но 2 ноября «злодейское устремление», по Рычкову, было «несравненно сильнее и отважнее». В 8 ч. утра повстанцы вновь построили вокруг города несколько батарей; в версте от города переустроили «мишень» в батарею, приделав к ней валы; то же сделали позади часовни, где находился «убогий дом», превратили форштадтскую церковь в «батарею и вертеп». Повстанцы «непрестанно» палили по городу с утра до 6 ч. вечера, несколько реже и в ночь до 12 ч. Они сопровождали пушечным выстрелом каждый звон часов соборной церкви. На этот раз два ядра попали в губернаторские покои, несколько — в Соляное правление, снова во двор Рычкова, где едва не убит протоколист Ершов, а ядро, угодившее в окно дома «капитального» купца, члена Уложенной комиссии И. Л. Кочнева, оторвало руку хозяину, скончавшемуся к вечеру. Всего было убито в городе шесть и ранено семь человек [62. С. 239—243]. В «Летописи» не сказано ничего о численности и действительной «судьбине» корпуса Чернышева, очутившегося 13 ноября в лагере повстанцев «без всякого сопротивления» [62. С. 248]. В этом корпусе, как показал П. И. Рычков позднее [84. Л. 19 об. — 20], было 600 солдат, 500 ставропольских калмыков и 100 крепостных казаков. Весь корпус достался Пугачеву благодаря

хитрости Тимофея Падурова [62. Ч. 1. С. 30—31; Ч. 2. С. 700]. Бесконечные попытки трусливого и бездарного командования осажденной крепости развить наступательные действия кончались неудачей. В истолковании Рейнсдорпа это объяснялось не столько превосходящей силой, сколько кознями стихии. Рычков не без прикрас описывает неблагоприятные условия осени и особенностями ранней зимы 1773/1774 г.

Бесполезными оказались все вылазки гарнизонных войск в декабре. Город, осажденный внезапно, не успевший заготовить достаточного количества продовольствия и фуража, с самого начала испытывал бедствия.

Из-за недостатка продовольствия и хлеба в городе начинался голод. До осады Оренбурга пуд ржаной муки стоил 12—15 коп., а «самой лучшей» пшеничной — 25—30 коп., мясо же — не более копейки за фунт. За первые три месяца осады «корыстолюбцы» — спекулянты — возвысили рыночную цену на ржаную муку до 12—15 руб., а на пшеничную — до 15—20 руб., т. е. стоимость хлеба увеличилась едва ли не во сто раз. В конце декабря и казенный хлеб «весь без остатка в расход вышел». Прося военной помощи, хлеба и скота для пищи, Рейнсдорп извещал казанского губернатора, что в Оренбурге «неминуемо наступает голод». В это время П. И. Рычков для облегчения тяжелой участи бедноты придумал способ употребления «в печенье и варенье» вместо хлеба говяжьей и бараньей кожи.

Впоследствии он описал его в специальной статье [53].

В «Летописи» приводятся некоторые сведения об умоастроениях в осажденном Оренбурге, она не скрывает ропота и смятения в народе, о которых, суммируя все данные, писал Пушкин: «В Оренбурге оказалось волнение; казаки с угрозами роптали; утрашенные жители говорили о сдаче города» [62. С. 23]. Появление Пугачева первоначально было тайною для горожан («содержано было скрытно») [62. С. 217]. Оренбургский «генералитет и знатнейшие штаб-офицеры» утвердили такой режим, при котором открытое восстание в пользу Пугачева было невозможно. Обер-комендант Карл Валленштерн снова и снова угрожающе объявлял, чтобы всякий военный и обыватель «до последней капли крови» не отступал от установленных правил обороны. Однако при этом в «регулярных и нерегулярных людях, между обывателями» упорно говорили, что Пу-

гачев «другого состояния», т. е. не вор и не злодей [62. С. 216].

Наступивший продовольственный кризис и настоящий голод, а затем холод и болезни, тревоги и беспокойствие от артиллерийских канонад, военного режима и повинностей усугубили ропот и озлобление горожан. Чтобы ослабить силу негодования, отвлечь от бедствий и смягчить напряженность в городе, Рейнсдорп прибегал, помимо репрессий, к помощи церкви. Не раз устраивались «благодарственные молебны», например, в ознаменование взятия Варны с салютом из 31 пушки. Все делалось, как пишет Рычков, «в ободренье народа» и с намерением «привести в размышление» и бердинских повстанцев [62. С. 290].

Проявлением бунтарских настроений были явные и скрытые побеги горожан к Пугачеву. На исходе октября бежали, или, как деликатно выражается Рычков, «отлучались к злодею», 44 человека из каргалинских татар [62. С. 233], в ноябре — один калмык и один татарин [62. С. 262], в декабре — ночью и «в непогоду» — три казака с вала и два часовых [62. С. 283].

«Сильное сражение», сопровождавшееся артиллерийской перестрелкой с 11 ч. утра до вечера 9 января, было пробой сил повстанцев, руководимых атаманами Ю. С. Лысовым, Т. И. Падуровым и А. Т. Хлопушей [62. С. 292—293]. Однако из всех высылки самая «люднейшая», по Рычкову, была 13 января. Рейнсдорп, «сбрав все силы», отважился дать решительное сражение, кончившееся, однако, полным разгромом гарнизонных войск. Сражение наблюдали, как пишет Рычков, отовсюду: «Не только на городском валу, но и на кровлях, и на высоких местах обоюго пола великое множество было зрителей». Поражение объясняли тем, что артиллерия якобы не была поставлена «на зимний ход». Добавляли к тому же в свое утешение и такие причины, как «малость здешней конницы и умножение злодеев» [62. С. 295—299].

Однако забывали при этом называть еще одну немаловажную причину: невежество в военном деле оренбургских военачальников, задумавших ловить «злодеев» теми капканами, «коими, — как иронически писал Рычков, — в здешней стороне обыкновенно ловят волков, лисиц, бобров и других зверей». Поставленные 27 капканов на поле между Оренбургом и Бердою были раскрадены, а повстанцы, узнав об этом, по свидетель-

ству летописца, «прямо делали разные о сей выдумке насмешки» [62. С. 308].

Вылазки и побег, стычки и сражения, описанные Рычковым за время шестимесячной осады Оренбурга, свидетельствовали о неумении повстанцев штурмовать крепость, хотя все они готовы были, как отмечает и Рычков, «сопротивляться до последней своей гибели» [62. С. 323]. Они свидетельствовали и о другом: о бессилии и ненадежности угнетенных осадой гарнизонных войск, лишенных к тому же морально-политических стимулов, чтобы победить повстанцев.

Дело решили правительственные регулярные войска, прибывшие извне под командованием князя П. М. Голицина и нанесшие поражения повстанцам 22 марта под Татищевой крепостью и 1 апреля в Каргалинской слободе, под Сакмарским городком¹¹.

Поскольку основу «Летописи» составили официальные документы, она, в отличие от других трудов Рычкова, насыщена канцелярским языком, почти не подвергавшимся стилистической правке. Канцеляризм и неуклюжих оборотов меньше там, где Рычков говорит от себя или пересказывает «приватные известия». Здесь-то и слышатся иногда типичные элементы народной речи: «Во время снежной бури и непогоды предводитель злодеев подходил к кузникам» [62. С. 383], или: «После полудня, когда поведрило, примечены одни их яргуалы (форпосты) в небольшом людстве» [62. С. 304].

Пугачев, его соратники и «чернь» Бердской слободы, в соответствии с политической концепцией летописца, злобно осуждаются и, разумеется, не находят ни малейшего оправдания. Сам Пугачев, прежде всего, «государственный злодей» [62. С. 230], «государственный вредитель»¹². «Славный мятежник», «славный злодей» у Пушкина, Пугачев у Рычкова именуется иногда «извергом», «вором», «бродягой», но чаще всего «злодеем». В то же время летописец не скрывает удивления перед тем, «с какой скоропостижностью и удачей» приводил он в действие «злодейские свои намерения» [62. С. 347].

С интересом воспроизводит Рычков показания писаря Соляного правления Полуворотова и корнета

¹¹ ЦГАДА. Д. 494. Л. 13

¹² Там же. Л. 71.

Московского легиона Пустовалова о личной жизни, внешнем облике и поведении Пугачева [62. С. 234, 235, 324], представлявшегося иногда в образе «отважного и многолюдного злодея» [62. С. 350]. И в переписке с Миллером, осуждая великого бунтаря, Рычков невольно восхищался вместе с тем умением Пугачева возмутить «почти всю чернь» и видел в нем «самого отважного и предприимчивого казака» [334. С. 143, 146, 148].

П. И. Рычков выражал объективно интересы передовых сил господствующего класса и не был апологетом реакции и застоя. Потрясенный размахом многонародного движения, он глубоко задумывается над первопричиной «великих опустошений». При этом, объясняя все пережитое неумением управлять народами, он приходит к мысли о необходимости решительных перемен. «Вы знаете, что управлять целыми народами, — писал он 15 августа 1774 г. А. А. Нартову, — потребен совершенный разум и довольное искусство»¹³.

Создатель «Летописи», не оторвавшийся от дворянско-крепостнической идеологии, с одной стороны, служил царизму и был типичным выразителем его интересов, а с другой — что более важно, был предан русской науке и принадлежал к тем ее творцам, которые эту науку «двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды»¹⁴.

Рычков первым ввел в русское историческое источниковедение документальный компилятивный труд, концентрирующий в себе не отдельные разрозненные факты, а действительно «всю совокупность»¹⁵ фактов, относящихся к осаде Оренбурга Пугачевым. И этот же труд — «Летопись Рычкова» — впервые обнаружил, понял, оценил и, опубликовав, пустил в научный оборот первый историк Крестьянской войны в России А. С. Пушкин. В представлении историка-поэта и летопись «нашего славного академика Рычкова», и все другие документальные приложения к его «Истории Пугачева» — это «исторические сокровища» [362. Т. 2, ч. 1. С. 389], относящиеся непосредственно к коренной проблеме народных политических движений, которая была впоследствии поставлена В. И. Лениным¹⁶.

¹³ Центр. Гос. лит. арх. Ф. 1268, д. 1. Л. 150 об.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

¹⁵ Там же. Т. 30. С. 351.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 187.

Пушкин, включив «Летопись Рычкова» в состав «Истории Пугачева», увековечил ее как общеисторический и историко-краеведческий памятник, наградив его создателя словами большой признательности и восхищения. «Трудолюбивый Рычков, автор Оренбургской топографии и многих других умных и полезных изданий, — писал он, — оставил любопытную рукопись о сем времени. Я имел случай ею пользоваться. Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неопенимое достоинство ученых людей того времени» [362. Т. 9, ч. 1. С. 400].

Труды последних лет

«Век жить — век учиться и трудиться»

П. И. Рычков

Суровое время

Во время шестимесячной осады Оренбурга П. И. Рычков, избавленный обстоятельствами от служебных забот по солянному ведомству, занимался своим привычным делом — писал. Результатом явилась хроника этого полугодия, ставшая основой «Летописи», и описание «астраханского бунта Стеньки Разина», которое, как сообщал Рычков в апреле 1774 г. Миллеру, он составил, «когда нечего было делать» [334. С. 11]. Кроме того, он написал для «Трудов Вольного экономического общества» статью «О приготовлении в пищу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож» [53], в которой подвел итог своим опытам, проведенным, по его словам, во время осады «в пользу здешнего общества, утомленного тогда крайнею нуждою и опасностью» [334. С. 111]. Тогда же им было закончено продолжение «Истории Оренбургской», с 1751 по 1774 г. [82], которое, к сожалению, осталось неопубликованным. В автобиографических «Записках» Рычков говорит о прожитом полугодии: «В ежедневном страхе и погибели сей город, следовательно, и я с женой и детьми и со всеми домашними находился» [59. С. 336]. Старшие сыновья были вне Оренбурга. Николай после завершения работы в экспедиции Палласа получил в 1772 г. чин коллежского асессора и был назначен в Царицын директором нового Ахтубинского шелкового завода. Андрей, Иван и Василий служили в армии.

2 декабря 1773 г. П. И. Рычков получил с большими трудностями переданное в осажденный город письмо из Самары от Василия, который писал, что стал поручиком и что они с Андреем были отпущены для свидания с отцом, но не смогли воспользоваться этой возможностью из-за отсутствия проезда в Оренбург [59. С. 335]. В 1774 г. Иван и Василий находились в Царицыне вмес-

те с братом Николаем. Андрей был произведен в полковники и назначен комендантом в Симбирск.

Братья Рычковы участвовали в военных действиях против войск Пугачева вместе с прибывшим в Царицын отрядом А. В. Суворова. В донесениях упоминается «здесьних шелковых заводов офицер Рычков» (по-видимому, Иван), который 3 сентября 1774 г. отправлялся наперерез Пугачеву с целью оттеснить его от озера Эльтон к рекам Малый и Большой Узень [177. С. 44], и «начальник калмыков Рычков», который, как сообщалось 14 сентября, захватил на Иргизе «шайку в 37 человек, в том числе любимца Пугачева — Афанасия Перфильева» [100. С. 25; 177. С. 61], а затем отправился далее к Узеням¹. Вероятно, во втором случае речь идет о Василии Рычкове. Следует отметить, что именно 14 сентября в 50 верстах от Яицкого городка на Узенях был схвачен Емельян Пугачев.

В воспоминаниях П. С. Рунича, одного из участников похода против пугачевцев, фигурирует также «дворянин и шелковичного завода хозяин Рычков», к которому А. В. Суворов был приглашен на завтрак, прежде чем отправиться в погоню за Пугачевым [367. С. 321—322]. Видимо, Николай Рычков, который здесь имеется в виду, в военных действиях непосредственного участия не принимал, а оставался на заводе.

П. И. Рычков после снятия осады рапортовал 30 апреля директору Главной соляной конторы М. Я. Маслову о расстройстве, в которое пришли за это время дела. Пристани и соляные склады были разорены, так что снабдить солью население, пользовавшееся обычно Илецким месторождением, не представлялось возможным. И позднее в течение лета Рычкову пришлось сообщать об убытках, которые понесли соляные прииски и склады в ходе военных событий [250. С. 92—93, 179]. Он писал Миллеру 19 мая: «Весьма уже начал я оскудевать в моих силах по причине вверенных мне здесьних соляных дел, в великую разстройку злодеями приведенных, и не знаю, достанет ли моих сил, восстановить оные и привести в тот порядок, в который они от меня были приведены» [334. С. 141].

¹ По словам П. И. Рычкова, «Узениями называются те места, кои, начинаясь вблизи онога (т. е. Яицкого.— П. М.) городка, пошли к самому Каспийскому морю, где великие болота, камыши и кустарники» [334. С. 142].

Пострадали и владения самого Рычкова. Село Спаское было разорено и «бывшие там пожитки, — писал он, — а при том и святые церкви и немалая моя бывшая там библиотека расхищены». Разгрому подверглись деревни и хутор Рычкова, убыток был «по самой меньшей цене считая, гораздо больше 20 тысяч» [59. С. 335].

25 августа в схватке с отрядом пугачевцев погиб Андрей. В отчаянье П. И. Рычков писал Миллеру 18 сентября: «Теперь снова посещен я печалью, но таковой, которая для меня больше быть не может: сын мой старший, тот, который был полковником и симбирским комендантом, деташирован был с малою командою на скопигшихся около Симбирска злодеев... Он тут скончался, убит оными злодеями» [339. С. 11—12]. В «Записках» он говорит об этом несколько подробнее, хотя и сдержанно. По его словам, когда «самый уже город угрожаем был от них нападением и погибелью, для охранения по возложенной на него должности, как комендант и верный сын отечества, собрав из гарнизона, до прибытия его в великой разстройке бывшего, около ста человек, да столько ж из уланов и копейщиков, недавно составленных из помещичьих слуг и крестьян, с одною пушкою (ибо и всех при сем городе было только две), выступили против оных скопляющихся в уезде мятежников и бунтовщиков» [334. С. 143]. Подчеркивая, что население перешло на сторону Пугачева («жители передались все на сторону злодеев»), П. И. Рычков описывает сражение слабой симбирской команды с отрядом из 700 человек, руководимым Фирсовым, которого Пугачев возвел в чин полковника. При чтении этих страниц нельзя не вспомнить «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, ее настроение и стиль повествования.

Обстоятельства гибели А. П. Рычкова под пригородом Корсуном описаны также его правнуком в семейных записках [369. С. 147—155]. Этот рассказ, особенно в части, касающейся перевоза тела погибшего его женой с поля боя в Симбирск, может показаться слишком красочным, но, судя по всему, в основе его лежали реальные факты. Они были подтверждены пятнадцатилетним Петром, сыном А. П. Рычкова, который, будучи поручиком, участвовал в бою и чудом остался в живых.

П. И. Рычков тяжело пережил безвременную кончину «любезного и долголетней жизни достойного» сына,

П. И. Рычков ок. 1770 г.
С гравюры А. Осипова

которого в январе 1775 г. перезахоронили в церкви села Спасского [59. С. 338].

Между тем отношения П. И. Рычкова с губернатором А. И. Рейнсдорпом продолжали обостряться. По словам П. П. Пекарского, «неудовольствия» между ними снова возобновились из-за несогласия в описании осады Оренбурга. Взявшись за эту работу, Рычков предвидел неприятности и делился сомнениями с Миллером. Он опасался, что может подвергнуть себя «еще большему нареканию против того, какому подвер-

жен был сын... Николай за описание похода, бывшего за бежавшими калмыками, но тем не менее не собирался отступать от истины, повторяя в этой связи: «Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить» [334. С. 139].

Рейнсдорп, недалекий и мелочный человек, беспokoившийся к тому же за свою служебную репутацию, хотел бы, видимо, чтобы события были представлены в смягченном свете и испытывал раздражение против неуступчивого старика. Рычков же продолжал стоять на своем. Он утверждал, что не относится к людям, «привыкшим к самолюбию и ласкательству», и повторял в письмах к Миллеру: «Я не могу быть таким, как они, и никогда таким не бывал: черное не называю белым. Вот Вам, любезный мой друг и милостивец, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорчения и возбуждаю противу себя ненавистников добру» [334. С. 141].

Позиция Рычкова вызывала в губернаторе ярость. В письме к Миллеру от 16 октября он жаловался на строптивца: «Г. Рычков получил от меня и других генералов все материалы для пугачевской истории. Действительно он написал ее и показал разным лицам, но для меня его хартия до сих пор остается тайною, из чего я с уверенностью вывожу, что он, по своему обык-

новению, наполнил ее сказками и лжами... Только в могиле такой человек расстанется со своей черной душой» [334. С. 145].

Поэтому понятно, что Рычков старался предложить свои услуги центральному командованию, полагая, что при сложившихся в Оренбургском крае обстоятельствах понадобятся люди, «начало и состав прежних учреждений и намерений знающие». Действительно, его знания вскоре потребовались генерал-аншефу П. И. Панину, которому Екатерина II рескриптом от 29 июля 1774 г. поручала «начальство над войсками, высланными против Пугачева, и над губерниями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, уполномочив неограниченную доверенностью к изысканию и употреблению всяких средств и мер, необходимых в возлагаемом на него важном государственном деле» [112. Т. 4. С. 119].

П. И. Панин понимал, что для наведения порядка на землях, охваченных народным волнением, необходимо хорошо познакомиться с состоянием дел в этих районах и, в частности, с особенностями их специфического многонационального населения. На П. И. Рычкова как на лучшего знатока местных условий ему указал Г. Ф. Миллер, а также П. Д. Еропкин, передавший ему копию первой части описания осады Оренбурга. Рычкову было направлено повеление явиться в Симбирск к Панину «для донесения о состоянии Оренбургской губернии». Получив его 10 сентября, он, к досаде Рейнсдорпа, 13 сентября выехал из Оренбурга и, спустя два дня, был на месте.

П. И. Панин принял Рычкова с подобающим уважением и дал ему ответственное поручение: по архивным делам Оренбургской канцелярии составить исторические «экстракты о киргизском и башкирском народах», об их отношении к правительству, о торговле, нравах и обычаях и т. д. Кроме того, П. И. Рычков назначался в «сочлены» к губернатору Рейнсдорпу в учрежденной Паниным «экспедиции по всем иноверческим и пограничным делам». В Оренбург он вернулся 15 ноября.

Во время пребывания в Симбирске П. И. Рычков имел случай встретиться с привезенным туда Е. И. Пугачевым. Это свидание описано им в письме к Г. Ф. Миллеру и более подробно — в записке, дополняющей «ле-топись»; ею впоследствии воспользовался А. С. Пушкин, опубликовавший ее содержание в «Истории Пугачева» [62. С. 78, 355]. Обе записки о встрече с Пугачевым под-

тверждают объективность в суждениях и справедливость историка, которую столь высоко ценил в себе Рычков.

20 ноября П. И. Рычков написал Миллеру: «Пугачев и сообщники его главные из Симбирска при мне отправлены. С помянутым злодеем разговаривая, нашел я в нем самого отважного и предприимчивого казака» [334. С. 148]. Можно удивляться тому, как убитый горем отец через два месяца после гибели сына старается предельно правдиво охарактеризовать того, кого должен был считать причиной своего несчастья. Кроме стандартного термина «злодей», он не допускает никаких проклятий, произносившихся тогда при имени Пугачева. И самое поразительное — признание, что увидел в этом человеке такие привлекательные черты, как казацкая отвага и предприимчивость.

В то же время П. И. Рычков не хочет умолчать и об отрицательных впечатлениях. «В разговорах его со мною, — писал Рычков, — примечал я в нем невежество и умение притворять себя ко всему. Когда я упомянул ему об моем сыне, который убит под Корсуном его сообщниками, и не мог притом удержаться от слез, то и он стал плакать, показывая вид сожаления. Впрочем признавал он себя виноватым перед богом и государынею...» [334. С. 148]. В более подробном варианте он пишет, что Пугачев отвечал ему, «яко бы все то делано без его ведома, ибо-де сообщники его что ни похотели, то не спрашивали его, сами делали», а слезы вождя повстанцев вызвали следующий комментарий: «Но сие было в нем от великого притворства, к которому, как от многих слышно было, так он приучился, когда б ни захотел, мог действительно плакать» [62. С. 355]. П. И. Рычков не хотел допустить и мысли об искренности «злодея».

«Экстракты»

Вернувшись в Оренбург, П. И. Рычков усердно принялся за работу. Ему был открыт доступ ко всем делам «иноверцев», и составленный им «Экстракт о башкирском народе» 6 декабря уже был отправлен Панину². За искусный труд автору была выражена благодарность Панина и выдано от его имени 2000 р. Они были как нельзя кстати «оскудевшему от разорения и ослабеваю-

² ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 8, ч. 2 («Письма от статского советника П. И. Рыčkова»). Л. 11.

щему в своих силах человеку», и Рычков писал Миллеру о своем «великом восхищении» по этому поводу [334. С. 149].

Панина очень интересовала сведения «о киргиз-кайсацком народе» в связи с полученными им 6 июля 1774 г. донесениями об участии казахов в восстании Пугачева [229. С. 63—72]. Поэтому он ждал от Рычкова срочного представления соответствующего «Экстракта», содержащего ответы на его вопросы, которые были сформулированы в 11 пунктах. С этими вопросами связана оживленная переписка между ними.

2 декабря 1774 г. Рычков писал, что составление «Экстракта о киргиз-кайсацком народе» заставило его усиленно заниматься «разбором и рассмотрением старых дел»³, а так как для конкретного объяснения каждого пункта «многие выправки надобны» и работа требует «множайших справок и великого предусмотрения»⁴, то «вскорости сделать» ее совершенно невозможно. Он обещал выслать написанное по частям.

Это задание, видимо, действительно оказалось трудным для Рычкова.

Стремясь не задеть сколько-нибудь правителей, бывших здесь после Неплюева (как писал он, «не войтить бы мне в споры и не зделать бы кому досады»), ученый старался всячески соблюдать «умеренности».

Выполняя задание Панина, П. И. Рычков определенно сознавал непреходящее источниковедческое значение своего труда. Он подчеркивал, что, кроме него, «нет уже такого человека, который бы все то по самой экспериэнции помнил, и впредь, какие здесь иметь надлежит наблюдения со основанием скоро узнать и представить мог»⁵. «Сии экстракты, — писал он, — с предписания Вашего сочиняемые, по моему мнению, не только ныне, но и для всех предбудущих здесь командиров будут они полным и ясным уведомлением»⁶.

Для составления «Экстракта о киргиз-кайсацком народе» П. И. Рычков взял в помощники своего секретаря по соляному управлению Федора Петрова — человека серьезного и, по его словам, способного «к сим делам лучше других потому, что он напредь сего бывал при мне в секретных у заграничных дел и хорошо об них

³ Там же Л. 12.

⁴ Там же. Л. 21—21 об.

⁵ Там же. Л. 24—24 об.

⁶ Там же. Л. 23.

помнит»⁷. Сообщая об этом в письме от 6 декабря 1774 г., Рычков говорил и о враждебности к нему Рейпсдорпа и чинимых им препятствиях в работе над «Экстрактом». Губернатор, обратив внимание на «великость сего труда», состоявшего из 30 тетрадей, задержал отправку его «до другой оказии». Но предусмотрительный ученый, как писал он уже 18 декабря⁸, приготовил и отослал «Особое представление о тех ордах», заключающее «существо одного экстракта с пространными примечаниями»⁹.

«Экстракты» хранятся сейчас в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве и в АЛО ИИ АН СССР [67, 84]. Рычков не считал их сочинениями, предназначенными для опубликования. Это официальные исторические справки, освещающие русско-башкирские и русско-казахские отношения со времени Оренбургской экспедиции и особенно накануне Крестьянской войны. В первую очередь в них подчеркиваются военно-феодальные меры правительства и оренбургской администрации по усмирению непокорящихся башкир, по укреплению пограничной линии регулярными войсками и их действиям в казахской степи, т. е. то, что особенно интересовало П. И. Панина.

«Экстракты» П. И. Рычкова не подвергались изучению с источниковедческой стороны. Между тем в них, как и в его переписке с П. И. Паниным, содержится много важных сведений. Например, мы узнаем, что до Оренбургской экспедиции «никакого счисления» башкирского народа никогда не было. В бытность там И. К. Кирилова в 34 башкирских волостях значилось 11 780 дворов, в которых «примерным положением» насчитывали 106 156 душ. С того времени, писал Рычков 3 декабря 1774 г., «сие число не токмо не убывает, но по их множеству и очень множатся»¹⁰. На вопрос «о пользах и выгодах, какие получает от башкирского народа Российская империя», он прямого ответа не дал. Эти «пользы и выгоды», по его мнению, состоят в развитии торговли, но от казахов «российские купцы гораздо больше имеют прибыли, нежели от сего башкирского народа»¹¹.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 27 об.

⁹ Там же. Кн. 12. Л. 27–42; копия — в АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, д. 438/247. Л. 6–19 об.

¹⁰ ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 8, ч. 2. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 11 об.

Правдивый Рычков не упускал случая указать на ничтожные результаты хозяйственного развития края и его заселения. «Губерния сия в рассуждении ее пространства,— с грустью писал он,— подобна великому полю, на котором хотя все то, что потребно к содержанию и обогащению людей преизобильно находится, но по причине великого ее недостатка в жителях надлежит почесть ее ныне по всей Российской империи за беднейшую; самые наилучшие земли лежат в ней праздно; в редких местах и на одних только знатнейших дорогах находятся жилища». Следует заметить, что на заседании Губернской канцелярии 31 декабря 1774 г., где рассматривался вопрос об изъятии у башкир, участвовавших в движении Пугачева, в наказание 300 лошадей, вероятно, под воздействием Рычкова было решено, чтобы, убогие «башкиры от той контрибуции» и от «крайнего изнурения сколько можно были б убережены»¹².

Главнейшими в «Экстракте о киргиз-кайсацком народе» и «Представлении» являются те вопросы, которые касаются вступления этого народа в российское подданство. Рычков рассказывает о «национальном праве» и вообще о склонностях казахов, о «всенародном их числе» и военной силе, об их богатстве и о том, «какая государственная польза была, есть и быть может» от их подданства. Никто из оренбургских деятелей не мог осветить эти вопросы лучше, чем П. И. Рычков.

Он сформулировал основные принципы национальной политики царизма в отношении Малой и Средней орд и указал, что именно «в рассуждении тех обоих орд надлежит предостерегать» иностранной коллегии и местным правителям. По его мнению, им следовало стремиться к тому, чтобы казахи имели у себя то правление, «какое оно ныне есть», чтобы «сии степные и многочисленные народы в одно согласие и намерение, т. е. в один корпус, согласиться не могли» и чтобы они не прошли к Волге и не соединились с калмыками, кубанцами и другими народами с целью вторжения в русские границы¹³.

Одновременно с Рычковым по распоряжению Рейнсдорпа, которому П. И. Панин также поручил присылку известий о башкирском и киргиз-кайсацком народах¹⁴,

¹² ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 99 (определения). Л. 53.

¹³ АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 438/247. Л. 14 об.— 15.

¹⁴ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 143. Л. 1—2.

над составлением «Экстрактов» работали и другие оренбургские чиновники. 19 декабря был отослан «Экстракт, учиненный в Исетской провинциальной канцелярии», а 2 января 1775 г.— «Экстракт в пунктах о башкирском Уфимской провинции народе и копии из дел Уфимской архивы».

Сотрудничество, однако, не улучшило отношений П. И. Рычкова с И. А. Рейнсдорпом. «Кроме того, что он лично не был расположен к Рычкову,— писал П. П. Пекарский,— его самолюбие по необходимости должно было страдать от назначения ему помощника, так как тем самым высказывалось недоверие правительства к силам и опытности начальника губернии» [334. С. 150].

Отношения обострялись и, работая вместе, они старались общаться через посредников. В письме от 2 января 1775 г. Рычков, описывая разбор архивных дел и отмечая достоинства и недостатки своих сотрудников, рассказывал П. И. Панину, что после двухчасовой работы он призывает секретаря Чучалова, осведомляется об иностранных делах, а затем приказывает ему, «о чем надобно напомянуть и представить Ивану Андреевичу, когда он войдет в ту камору, где сии дела отправляются». «Ибо,— подчеркивал П. И. Рычков,— в моих персональных с ним объяснениях ни способу, ни успеху не вижу (а для того и начал уже я за лутчее средство изъясняться с ним через него)»¹⁵.

Г. Ф. Миллеру, который в ответ на жалобу И. А. Рейнсдорпа пытался, по-видимому, воздействовать на своего обычно покладистого корреспондента и друга, П. И. Рычков достаточно резко ответил: «Вы, милостивый государь мой, многожды уже делали мне напоминания к согласию, которые я всегда наблюдал и наблюдаю; нынешнее письмо и увещание чтоб я не созидал моего счастья ко вреду других, довольно уже дает мне знать, в рассуждении ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всех людей, а наипаче тех, от коих я еще и одолжен бывал; но рассудите, милостивый государь мой, чего нет, можно ли сказать, что оно есть, и что есть, можно ли выговорить, что нет? Я во всю мою жизнь ласкателем и клеветником не бывал; держусь справедливости и резону во всех моих поведениях... Я мог бы больше изъясняться, но в рас-

¹⁵ ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 8, ч. 2. Л. 74—74 об.

суждении моей скромности и привычки к терпению всякое своенравие сношу» [334. С. 150].

Но «своенравие» губернатора, видимо, обуздать было трудно. Летом 1775 г. Рейнсдорп написал Миллеру: «Если не избавлюсь прежде от нелепого Рычкова и Оренбурга, то ничто в мире не удержит меня в начале сентября месяца просить графа Петра Ивановича об отзыве» [334. С. 150]. Спустя год, 11 марта 1776 г., он повторил жалобу на «ежедневные коварные происки» своего неприятеля, назвав его «здешним человеконенавидцем» [334. С. 154]. Дело, конечно, не ограничивалось словесными уколами.

Жизнь П. И. Рычкова на склоне лет была отравлена не только придирками чиновного недоброжелателя, но и болезнями. 13 февраля 1775 г. с ним случилось «несчастное приключение». В «Записках» он рассказывает: «Поутру, до рассвета дня, присутствовав у секретных и заграничных дел, по разсветании же дня, пошел было для присутствия ж в Оренбургскую губернскую канцелярию и, вышед из нее на крыльцо, нечаянным образом поскользнулся и, упав на порог, правую мою ногу столь сильно зашиб, что при превеликой болезни с трудом отнесли меня на креслах в дом мой, где несколько дней при несносной боли и ломоте во всей ноге пролежал недвижим» [59. С. 339]. Весь год, кроме того, он страдал подагрой. Однако на службу выезжал исправно, опираясь на костыль, а с другой стороны был «поддерживаем человеком».

В большой семье П. И. Рычкова происходили между тем печальные и радостные события. Новое горе пережил он из-за смерти в 1776 г. тринадцатилетнего сына Ксенофонта, подававшего, по словам отца, «большие надежды» [334. С. 152].

В 1775 г. дочь Марья вышла замуж за подполковника И. В. Толстого [59. С. 339]. Сыновья часто приезжали из Царицына навестить отца. В его «Записках» и письмах чаще всего фигурируют Василий и Николай. 10 марта 1775 г. П. И. Рычков писал П. И. Панину: «Из детей моих меньший мой сын капитан Василий Рычков, до определения его в службу обучался немецкому языку и некоторым наукам сначала в доме моем, после в Московском... университете, после чего служил в армейских полках прапорщиком, подпоручиком и поручиком и был в крымских походах неоднократно»¹⁶.

¹⁶ Там же.

Сообщив далее, что по болезни Василий был уволен в 1773 г. из армии и служил в царицынском батальоне в чине капитана, отец просил Панина определить его в Оренбург с «чином и жалованием коллежского асессора». Видимо, эта просьба удовлетворена не была. В «Записках» П. И. Рычкова отмечено, что 11 декабря он получил из Петербурга от сына Николая «к немалому порадованию» известие о пожаловании Василия помощником к нему на шелковый завод в чине секунд-майора [59].

Как свидетельствуют документы ГАОО, в 1777 г. Василий вышел в отставку и продолжал штатскую службу в той же должности до 1785 г., затем в чине коллежского асессора служил прокурором в Саратове и Уфе, выполняя обязанности «со всевозможным рачением и отменной прилежностью», а в 1804 г. был предводителем дворянства Бугульминского и Белебеевского уездов¹⁷.

Николай до самой своей смерти в 1784 г. был главным правителем шелковых заведений на Ахтубе и Украине. Академик И. И. Лепехин в работе «Краткое руководство к разведению шелка в России» [262], опубликованной в 1798 г., приводит некоторые сведения о его деятельности. Шелковый завод находился на волжском притоке Ахтубе, на левом берегу Волги выше Царицына, где были первые в России насаждения тутовых деревьев. Место это влажное, для тутовника неподходящее, а потому, по словам Лепехина, «невыгодно у нас было заведение для шелку на Ахтубе». Невыгодность завода, построенного по приказу правительства, отмечал и видный общественный деятель и ученый конца XVIII в. М. М. Щербатов: «Сей завод, по указу заведенный, по указу и содержится; а пчелы и шелковые черви не могут по указу весьма много размножаться».

Тем не менее работа Н. П. Рычкова была небезуспешной. Он прилагал много сил для усовершенствования шелкового производства и, в частности, методов обработки ниток. И. И. Лепехин в главе «О выматывании смотанного с коконов шелка» писал: «В выматывании искусство состоит в том, чтобы смотанные шелковые мотки очистить от вязкого свойства камеди, об-

¹⁷ ГАОО. Ф. 6, оп. 2, д. 925. Л. 13; ф. 1000. Л. 5–28; д. 1177. Л. 1–11 об.

лепляющей шелковые волокна, и для сего варят их в мыльном кипятке... а потом моют и полощут в речной или ключевой воде и наконец окунывают в холодный с квасцами и водою состав. Покойный г-н коллежский советник, главный правитель шелковых заведений в Ахтубе и Малой России Николай Рычков, старался у нас собранному шелку доставить лоск и доброту лучшего шелка, приказал выполаскивать оный в холодной воде со льдом или снегом» [262. С. 162—163].

Не прерывалась также его связь с Академией наук. Так, 7 июля академик П. С. Паллас сообщил на заседании о присланных Н. П. Рычковым семенах дикой пшеницы с волжского побережья и о его наблюдениях над этой культурой [358. С. 683]. Научная деятельность Н. П. Рычкова была по достоинству оценена современниками. Он упоминается в русских энциклопедиях как путешественник, географ, этнограф и историк.

В «Родословной потомков П. И. Рычкова», изданной в 1908 г. К. И. Рычковым [368], сказано, что «по семейным преданиям Н. П. Рычков женился на крестьянской девице крепостного своего отца, вследствие чего произошли неудовольствия с отцом и Николай Петрович из Саратовской губернии в Оренбург не возвращался».

Относительно Ивана Рычкова в том же издании (страдающем, впрочем, неточностями) говорится, что он служил предводителем дворянства Бугульминского и Бугурусланского уездов с 1788 по 1795 г. [368. С. 22]. Среди архивных материалов имеется документ, подписанный 11 января 1791 г. надворным советником Иваном Рычковым¹⁸.

Вызывает интерес архивное дело «О ищущих свободы крестьян помещика Рычкова», начатое в 1816 г.¹⁹. В нем собраны документы о тяжбе 33 крестьян села Спасского Бугульминского уезда, отпущенных на волю покойным подпрапорщиком Александром Рычковым, сыном надворного советника Ивана Рычкова. По жалобе родственников завещание было опротестовано, и суд решил вернуть их «в рабство». Однако крестьяне не согласились с этим и добились решения (рапорт от 25 августа 1826 г.) об «оставлении сих крестьян в свободном состоянии».

¹⁸ Там же. Д. 1000. Л. 7.

¹⁹ Там же. Оп. 3, д. 7368.

Весьма любопытную характеристику семейства Рычковых дал в своих «Записках» Г. С. Винский [146. С. 191—194], живший в ссылке сначала в Оренбурге, а затем в Уфе, где с 1783 г. в течение 12 лет «исправлял должность бродящего учителя» в домах местных дворян, в том числе Рычковых. Познакомившись с ними уже после смерти главы семьи, он воспитывал сына Марьи Петровны, к тому времени овдовевшей и жившей с матерью и незамужними сестрами. Значительное время он провел с ними в Спасском, куда переехала семья.

«Записки» Г. С. Винского, являющиеся, по словам их издателя, «одним из самых любопытных и замечательных памятников русской мемуарной литературы», написаны со свойственной автору резкостью и даже язвительностью. Поэтому лица, описанные в них, выступают в несколько шаржированном виде. Иногда встречаются неточности: например, одного из братьев Рычковых он называет Виссариемом, имея, очевидно, в виду Ивана. Однако в целом его рассказ, несомненно, соответствовал действительности. Вместе с уже упомянутыми «Отрывками из семейных записок Рожновых» Н. Д. Рычкова [369] мемуары Г. С. Винского ярко характеризуют близких П. И. Рычкова и дают представление о быте, нравах и психологии провинциальных помещиков, типичными представителями которых они были.

Описав Спасское и его живописные окрестности с «крайним изобилием» дичи, Винский обрисовал образ жизни хозяев, которые существовали «удовольственно» — с выездами в гости, карточной игрой и т. д. «За учением, — рассказывал он, — не сильно гнались; нравственностью, дабы я не поселил в детях чего-нибудь несообразного с правилами нового их дворянства, занимались сами родители...» [146. С. 194].

Очень выразителен образ «доброй хозяйки» дома. «В каменном доме жила старая барыня, Елена Денисовна, вдова родоначальника всей семьи, статского советника Петра Ивановича Рычкова. С нею вместе обитали четыре ее дочери, вдова Марья Петровна Толстая, которых сын был моим учеником, и три девицы: Анна, Агриппина, Прасковья. Старуха была из богатого симбирского дворянского дома; обхождения весьма приветливого, хлебосолка и обязательная с чужими, но к своим крайне жестока, скупа и своенравна,

По кончине супруга добрые люди попеклись поселить в ней страсть к игре, и старушка ночи, а часто и дни просиживала за ломбером. Играть доброхотные приезжали издалека; я же, будучи домашним, вскоре удостоен отличными милостями. Она, дочь ее вдова и я составляли ежедневную партию. Ежели бы я не боялся Бога, или лучше, ежели бы я умел чужие слабости обращать в свою пользу, я бы точно мог от себя барыни по картам иметь свое вечное состояние» [146. С. 193—194].

К хозяину Винский менее снисходителен. «Василий Петрович Рычков, сын старья барыни, хотя отдельно живший, по частому своему быванию с семьею, имел великое влияние на весь дом. Он осыпал меня сначала учтивостями и ласками, но вскоре заставил вкусить самых горьких неприятностей, по одной своей запальчивости и тщеславию. Сия последняя добродетель, можно сказать, всей семье была общею; ибо они, будучи не из старого дворянства, а по одному Петру Ивановичу, их отцу, во всех своих поступках, делах, даже речах являли, как будто бояться урониться. От сего часто бывали со мной самые досадные и смешные приключения» [146. С. 194]. Относясь резко отрицательно к обществу, в которое попал не по своей воле, Винский переносил на В. П. Рычкова свои чувства и, хотя признавал, что он «не злой и иногда даже добрый», был к нему беспощаден. Он описал его человеком непривлекательным и считал, что «нравственно он был того рода чудак, которых учат будто нарочно, чтобы яснее обнаружить их глупость, заставляя служить, дают места, дабы показать их ничтожество» [146. С. 193].

«Лексикон»

П. И. Рычков, несмотря на невзгоды, болезни, семейные заботы и занятость по службе, продолжал работу по историко-географическому описанию Оренбургского края. В 1776 г. он начал свой последний научный труд — «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии», заверченный в 1777 г. [69]. Среди многих оставшихся неопубликованными работ П. И. Рычкова он имеет особое значение.

В письме к Г. Ф. Миллеру, датированном 28 января 1776 г., П. И. Рычков сообщал: «Мне рассудилось... собрать особливой на здешнюю губернию лексикон так, чтобы ни едино жительство и обстоятельство, Примеча-

ния достойные, упущено в нем не было» [334. С. 151]. За этот труд, который мыслился как «географический и исторический лексикон», он взялся с энтузиазмом, несмотря на «беспутные толки» о бесполезности такой работы. «Есть уже здесь беспокойные головы, — писал он Миллеру 4 февраля 1776 г., — которые почитают сие за ненадобное дело, служащее к отягощению люда» [334. С. 151]. Эта «негодная и вредная критика», конечно, мешала, но П. И. Рычков, как всегда, был терпелив и тверд в своих намерениях, и через год полезная, по его мнению книга, была закончена.

Долгое время оставалось неизвестным, уцелел ли полный список «Лексикона». П. П. Пекарский поставил этот вопрос [334. С. 154], а в 1916 г. А. В. Попов отвечал на него отрицательно, утверждая, что это «труд крайне интересный, но затерянный для нас» [346. С. 90].

В 1948 г. нам удалось обнаружить полную копию «Лексикона» в АЛО ИИ АН СССР²⁰ (см. [287]), выполненную П. И. Рычковым для генерал-прокурора А. А. Вяземского. Рукопись состоит из двух частей. Первая (буквы от А до Л), подписанная автором и датированная 8 декабря 1776 г., имеет 194 листа, вторая (от М до Я), подписанная 2 марта 1777 г., — 145 листов. С географической точки зрения «Лексикон» внимательно изучен Ф. Н. Мильковым в 1953 г. [307].

«Лексикон» Рычкова по своему характеру — универсальное описание, в котором «кратчайшим методом объясняются разные науки и сведения» относительно природы, истории, географии и этнографии Оренбургского края. По мысли Рычкова, такая справочная книга, имеющая культурно-познавательное значение, в каждой губернии «не только для общенародного, но и для канцелярского употребления весьма надобна и полезна» [334. С. 152]. Конечно, нельзя назвать ее всеобъемлющей: в ней учтены в алфавитном словнике только важнейшие «обстоятельства» с момента образования края и до конца 1776 г. Самокритичный Рычков считал свое сочинение лишь первым — предварительным, или пробным, — вариантом «Лексикона». Он знал, что писалось оно поспешно и в состоянии моральной депрессии. И все же по своей точности и широте охвата мате-

²⁰ АЛО ИИ АН СССР, Ф. Воронцовых, № 521. Оригинал хранится в ГБЛ (Рукоп. отд. № 2931),

риала это сочинение — уникальный исторический источник.

Давняя мысль Рычкова о написании «Лексикона» мотивировалась рационалистическими соображениями, «здравым смыслом», как говорил он, полагая, что появление такого труда поможет поднять в крае культуру земледелия, промышленности, торговли, управления. Эти цели пропагандировали универсальные и тематические словари, выходившие на Западе с XVII в. и в России с начала XVIII в. Прототипом такого словаря для Рычкова послужил прежде всего «Лексикон исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева (изданный в 1793 г. [395]). Рукописный экземпляр этого сочинения сохранялся в библиотеке Рычкова [334. С. 85]. Кроме того, источниками «Лексикона» Рычкова являются все его опубликованные труды, обогатившие книгу новыми данными, а также текущие находки и наблюдения, народные предания и сказания.

В популярном описании природы края, сделанном на основе «Топографии», Рычков вводит новые сведения о лесах, о кипрейнике-траве, уточняет размеры и границы края на «Азиатской стороне». Территорию за реками Урал, Уй и Тобол «называют иногда заграницею, но (это), — писал он, — неправильно, ибо полагая киргиз-кайсацкие орды в числе подданных народов, не могут они называемы быть заграничными» [69, Ч. 1. Л. 10 об.].

Рычков много говорит в «Лексиконе» о древних и современных народах, населяющих край, и даже пытается выяснить их этногенез и демографию. Достоверно описаны также населенные места — села, крепости и города. Они рассматриваются автором как первичные колонизационные пункты, вносившие живую жизнь в пустынные и дикие пространства.

Из городов наиболее подробно охарактеризован Оренбург [69. Ч. 2. Л. 31—34 об.]. Позднее Ф. Н. Мильков целиком опубликовал эту статью из «Лексикона» в виде археографического приложения к своей книге о Рычкове [307. С. 137—141]. Среднеазиатские города, описанные не менее подробно, по мысли Рычкова, возымеют большее значение для России «со временем, когда они с российскими людьми вступят в большую знаемость» [69. Ч. 1. Л. 53—58; Ч. 2 Л. 122—124].

Много места в «Лексиконе» отведено разнообразным вопросам хозяйственного освоения и развития края, описанию промыслов и промышленности, внутренней товарно-денежной и внешней караванной (меновая) торговли.

Из промыслов особенно досконально Рычков изучил добычу соли. Илецкая соль, химически исследованная М. В. Ломоносовым, стала для всей России, по Рычкову, «щедрым дарованием природы на премногие века» [69. Ч. 1. Л. 117]. Однако «все свои классовые симпатии и расположение» Рычков отдает основателям горнозаводской промышленности в Оренбургском крае, купцам — «тулянам» и симбирцам, считая, что эти «рачительные люди... путь отворили для многих к тому охотников» [69. Ч. 1. Л. 83—84].

Сведения о внутренней и внешней торговле края дополняются четвертым по счету (после Афанасия Никитина) и первым из Оренбурга путешествием каргалинских татар Якупа Ягоферова и Надыра Саферова с торговой целью в Индию в 1753 г. [69. Ч. 1. Л. 74, 74 об. — 75 об.], а также характеристикой исторических личностей, крупных политических деятелей. С большой теплотой отзываясь Рычков о «славном рачителе российской истории» В. Н. Татищеве [69. Ч. 2. Л. 88], о бывшем во всех делах «истинном патриоте своего отечества» И. И. Неплюеве [69. Ч. 2. Л. 24 об.] и др.

Кардинальным политическим событием в крае, по Рычкову, было добровольное вхождение в состав России казахского народа по инициативе хана Абулхаира, бывшего «предводителем киргиз-кайсацких и каракалпакских орд к российскому подданству» [69. Ч. 1. Л. 8 об., 145—153]. Другими важными политическими событиями, описанными впервые в «Лексиконе» в виде отдельных очерков, явились «башкирские бунты» [69. Ч. 1. Л. 47—53] и «пугачевский бунт», который Рычков называет бунтом «великого злодея», трижды наголову разбитого, но схваченного только благодаря предательству его «сообщников и любимцев» [69. Ч. 2. Л. 46—48].

«Лексикон» Рычкова, тесно соединивший историю с географией края, не теряет и в наше время своего значения как важнейший источник. Ему присуща та подлинная «научность», которая обязывает во всех

случаях «учитывать живую жизнь», точные факты действительности²².

«Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии» — яркое свидетельство того, как удивительно много и усердно потрудились на своем веку неугомонный П. И. Рычков.

Завершение жизненного пути

Ни болезнь, ни напряженная творческая работа не приостановили энергичной служебной деятельности П. И. Рычкова. Об этом свидетельствуют его рапорты на имя И. А. Рейнсдорпа о делах в соляном правлении за 1776—1777 гг. Они касаются отправки караванов барок с солью от Стерлитамакской²³ и Боткинской²⁴ пристаней, приведения в оборонительное состояние Илецкой защиты²⁵ «злодейского заговора» в этой крепости²⁶ и т. д. Справляться с обязанностями становилось все труднее, но отказаться от службы П. И. Рычков не мог — слишком велики были материальные трудности.

Завершение «Лексикона» принесло не только моральное удовлетворение, но и позволило несколько поправить дела: Екатерина II пожаловала автору «за службу и труды» 15 000 р. Своей радостью Рычков делился с Г. Ф. Миллером 9 февраля 1777 г.: «Теперь я из самой, могу сказать, крайней нужды при великих моих недостатках и сумнительствах, вдруг стал снабжен да и обогащен» [334. С. 153]. Это, правда, не могло заставить его забыть немощи, которые докучали все больше. «Я весьма слаб моим здоровьем, — продолжал он. — Сверх болезни в ноге моей, мучит меня еще и лихорадка; однако ж не взирая на оную, выезжаю еще к моим должностям» [334. С. 153].

Поэтому вряд ли обрадовало его известие о новом назначении по службе, которое заставило старого больного человека покинуть ставший родным Оренбург и переселиться севернее — в центр горнозаводского Урала Екатеринбург. Видимо, здесь не обошлось без «содействия» губернатора, но отказываться от должности Рычков не хотел. Он писал Миллеру: «Всемилоостивей-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.

²³ ГАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 157. Л. 40.

²⁴ Там же. Л. 613.

²⁵ Там же. Л. 48.

²⁶ Там же. Л. 50—53.

шей и прозорливой нашей монархине угодно было 14 марта пожаловать меня главным командиром в Екатеринбург к тамошним заводским правлениям» [334. С. 153].

Уже 23 июля 1777 г. Рычковы прибыли к новому месту службы. Однако здесь неутомимому труженику не суждено было проявить свою энергию. Он слег и в августе и сентябре извещал Миллера, что «слаб здоровьем», а 15 октября скончался. На письмо Миллера от 18 октября ответила Елена Денисьевна. «Приятное письмо ваше к любезному вашему другу Петру Ивановичу, — писала она, — уже не застало его в живе, ибо... к несносному моему мучению скончался он октября 15 дня, и я осталась теперь со всеми своими детьми в горестнейшем состоянии» [334. С. 154]. Похоронили П. И. Рычкова в селе Спасском.

Вместо послесловия

В многодетной семье П. И. Рычкова дети всегда ощущали ласку и заботу со стороны отца. Он принимал все меры к тому, чтобы дать им образование и придавал большое значение их нравственному воспитанию, считая, что одна из главных черт человека — это любознательность, сочетающаяся с трудолюбием. С детских лет он стремился развить их тягу к знаниям и старался передать им свою любовь к Родине, ее природе. Страсть к науке и искренний патриотизм, присущие П. И. Рычкову, передавались из поколения в поколение его потомкам.

Как уже отмечалось, значительный след в науке оставил Николай Петрович Рычков, который шел по стопам отца и продолжал его дело. Имя Н. П. Рычкова, видного русского путешественника и географа, стоит рядом с именем П. И. Рычкова на страницах Большой Советской Энциклопедии.

Другой сын П. И. Рычкова — Василий Петрович — имел сыновей Николая и Петра. Слова особой благодарности нужно выразить сыну Николая — Дмитрию Николаевичу Рычкову, правнуку П. И. Рычкова. Это он сохранил, а позднее передал в Академию наук очень ценные рукописи, документы и письма прадеда. Благодаря ему и его дочери, Любови Дмитриевне, их бережному отношению к архиву своего знаменитого предка мы имеем полное представление о личности П. И. Рычкова.

Л. Д. Рычкова длительное время жила в Спасском, наблюдала жизнь крестьян и, продолжая семейную традицию, оставила интересные записки. Она была замужем за крупнейшим русским ученым-химиком, профессором Московского университета Владимиром Васильевичем Марковниковым (1837—1904), которому, зная несколько иностранных языков, много помогала в научных изысканиях. Исследователи творчества В. В. Марковникова должным образом отметили роль Л. Д. Рычковой в его жизни [342].

Ее брат, Николай Дмитриевич Рычков, имел наследные земли в селе Верхосулье (ныне с. Сула Бугульминского района ТАССР), основанном, как отмечалось выше, П. И. Рычковым, но жил и работал в Петербурге. Он был действительным статским советником и ближайшим сотрудником Ростовцева по делам освобождения крестьян. Его единственная дочь Софья, выйдя замуж за юриста, кандидата прав Петербургского университета Николая Васильевича Скалона, уехала с мужем из Петербурга в родовое имение Сулу. Н. В. Скалон, в юности много ездивший с Г. И. Успенским по России, страстный охотник и большой знаток природы, был сыном Василия Юрьевича Скалона (1846—1907) — видного русского буржуазно-либерального деятеля, который был председателем Московской уездной земской управы в 1874—1883 гг., в 1880—1882 гг. издавал еженедельник «Земство», а с 1885 г. был в Петербурге членом совета Крестьянского банка и одновременно редактировал «Труды Вольного экономического общества». С 1889 г. он был вторым редактором газеты «Русские ведомости». Работы В. Ю. Скалона, имеющие известное научное значение, публиковались в разных журналах, а также вышли отдельными изданиями.

В книге С. Ауслендера [107], где есть упоминание об ученом П. И. Рычкове и его сыновьях (коменданте Симбирска полковнике Андрее Рычкове, прапорщике Рычкове, командовавшем сотней калмыков, офицере Рычкове, названном в рапорте Суворова), говорится также о документах генерал-майора Антона Даниловича Скалона (1720—1777 гг.). Это дед В. Ю. Скалона, ровесник П. И. Рычкова, также умерший в 1777 г. Эти два человека являлись прямыми предками Софьи Николаевны Рычковой и Николая Васильевича Скалона.

Приехав из Петербурга в Сулу, Софья Николаевна и Николай Васильевич поддерживали переписку и личные контакты с видными столичными учеными, из которых многие побывали у них в гостях (например, выдающийся математик Н. М. Гюнтер, сделавший несколько фотоснимков семьи Скалон в Суле). Софья Николаевна была прирожденным зоотехником, любила животных, особенно лошадей. В их хозяйстве была выведена особая порода лошадей, которые отличались силой и выносливостью. Скалоновские коровы славились в округе высоким качеством молока. Н. В. Скалон предпринимал попытки открыть в Суле учебное заведение на базе свое-

го хозяйства, однако получить на это разрешение ему не удалось.

У Скалонов было два сына и четыре дочери. Старший сын — Василий Николаевич — профессор, крупный ученый, унаследовавший от своего знаменитого предка страсть путешественника и исследователя. Его с детства отличала глубокая любовь к природе, а научные интересы окружавших его людей не могли не способствовать раннему началу умственной деятельности. Как отмечает жена В. Н. Скалона профессор Т. Н. Гагина-Скалон, участие в охотничьих занятиях отца, большая охотничья литература определили интересы Василия Николаевича. Можно утверждать, что он рос, чтобы стать путешественником и охотоведом [380]. В молодости он пешком, на оленях и лодках, исходил Западную Сибирь от Ледовитого океана до Алтая, а позже много работал в Восточной Сибири и в степях Монголии.

Начав трудовую деятельность в 1918 г., В. Н. Скалон стал препаратором-таксидермистом в Новониколаевском краеведческом музее, которым заведовал известный литератор и художник-таксидермист М. А. Анзимиров. Затем он поступил в Томский университет и с первых же дней учебы, избрав путь натуралиста-зоолога, включился в научно-исследовательскую работу, которую не прекращал никогда.

В 1924 г. В. Н. Скалон как зоолог участвовал в Алтайской экспедиции Каменского краеведческого музея, а в 1926 г. начал публиковать статьи в журнале «Охотник и пушник Сибири». Его увлекла идея охраны природы. Уже в 1927 г. он напечатал статьи на эту тему: «Весенние хищники», посвященную борьбе с браконьерством, и «Учитель в краеведении», в которой впервые в Сибири была высказана мысль о необходимости вовлечения школьников в охрану природы.

В. Н. Скалон всегда самым решительным образом восставал против всяких конъюнктурных проектов «покорения» природы. Он был уверен в том, что природа так прекрасна и гармонична, так богата и производительна, что люди должны всеми мерами оберегать эту гармонию и умело, бережливо использовать те излишки, которые природа так щедро им предоставляет.

Занимаясь в основном орнитологией и териологией, он большое внимание уделял и низшим позвоночным, и насекомым. Как охотовед В. Н. Скалон уделял особое внимание вопросам экономики и организации охо-

ты, оленеводства, собаководства. Он не мог пройти мимо истории охотоведения, в результате чего им было опубликовано большое количество работ по истории Сибири. Но, понимая, что в деле охоты главное место занимает человек, он много внимания уделял этнографии. Его докторская диссертация «Речные бобры Северной Азии» (1951), в которой рассматриваются вопросы, связанные с хозяйственным и культурным значением бобров, представляет собой прежде всего историко-этнографическое исследование. В 1951 г. он опубликовал книгу «Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века». Список трудов В. Н. Скалона насчитывает 380 названий [380]. Он организовал Зоологический отдел Восточно-Сибирского института растений в Иркутске (1931), Зоологический отдел Иркутского противочумного института (1934), промыслово-биологическую станцию Всесоюзного арктического института в Якутске (1936), научный отдел Конде-Совинского заповедника (1939), зоологический музей Монгольского университета, охотоведческий факультет при Иркутском сельхозинституте.

В. Н. Скалон был членом многих советских и зарубежных научных обществ. В 1973 г. ему было присвоено звание Почетного члена Всероссийского общества охраны природы, а на VI съезде Географического общества СССР 12 декабря 1975 г. он был избран почетным членом этого общества [421].

Такова родословная П. И. Рычкова лишь по одной линии. Но знакомясь с ней, нельзя не заметить, как сложившиеся в семье Рычковых творческие традиции бережно сохранялись и передавались от одного поколения к другому и начатое П. И. Рычковым дело по исследованию и экономическому развитию страны продолжалось его потомками. Сейчас эту традицию представляют сыновья В. Н. Скалона: Андрей Васильевич, писатель, член Союза писателей, Александр Васильевич, ученый-охотовед, занимающийся вопросами природопользования, и Николай Васильевич, биолог.

В 1962 г., в преддверии 250-летия со дня рождения П. И. Рычкова, научный сотрудник Оренбургского областного музея, неутомимый археолог, этнограф и историк С. А. Попов предпринял попытку установить, сохранился ли в Оренбурге дом Рычковых, о котором сам ученый писал: «1763 года апреля 27-го заложен мною в Оренбурге каменный наш дом, наипаче в рассуждении

Село Спасское. Часовня на могиле Е. Д. Рычковой

сего, что деревянное тут строение по скудности лесу неспособно и непрочное, в которой я следующего 1754-го года 27-го сентября и пожитки перенес».

На плане Оренбурга, составленном подполковником П. Кротковым 16 ноября 1767 г. (подлинник хранится в Государственном Военно-историческом архиве в Москве), в начале Губернской улицы, «вторым от угла, от здания Оренбургской губернской канцелярии» показан дом «коллежского советника Рычкова, ныне купленный для аптеки». Его местоположение и форма здания в виде буквы «Г» полностью соответствуют плану 1767 г. По мнению С. А. Попова, это, несомненно, современный дом № 4 по Советской улице. Фасад и внутреннее устройство за истекшие 200 лет претерпели значительные изменения, но в целом это здание, без всякого сомнения, сохранило свой первоначальный облик. Ныне на доме П. И. Рычкова — одном из немногих памятников архитектуры XVIII в. в Оренбурге — в честь знаменитого ученого установлена мемориальная доска.

Здесь следует сказать и несколько слов о могиле П. И. Рычкова. Было известно, что она находится в Спасском, но где именно долгое время оставалось неясным, так как на ней не было никакой надписи. Считали (в том числе и академик П. П. Пекарский), что П. И. Рычков захоронен возле церкви, построенной им в 1765 г. Но Пекарский не был в Спасском, не работал

**Бронзовая ваза,
найденная при раскопках
на месте дома П. И. Рычкова
в Спасском.
Хранится
в краеведческом музее
спасской восьмилетней школы**

дится могила самого отца, Петра Ивановича Рычкова. Но над его прахом нет ни памятника, ни надписи» [147]. Об этом писал в том же году и Р. И. Игнатьев [214].

4 июня 1878 г. в газете «Оренбургский листок» (№ 23) сообщалось: «Могила Петра Ивановича Рычкова находится на правой стороне близь арки, отделяющей трапезу от внутренней части храма, памятника и надписи на ней нет. Чем объясняется это,—желанием самого Рычкова, который, может быть, завещал не делать над ним никакого памятника и эпитафии, или невниманием к трудолюбивому старику близких родственников и потомков,—нам неизвестно. Во всяком случае, мы думаем, что было бы нелишне чем-нибудь отметить место погребения этого замечательного деятеля в Оренбургском крае».

Таким образом, в 1916 г. место погребения ученого было установлено: «Могила П. И. Рычкова находится

с материалами местных архивов, не знакомился с документами, хранившимися у потомков П. И. Рычкова, и свое исследование строил исключительно на данных Архива Академии наук. Найденные позднее в архивах Оренбурга и Казани материалы говорят о том, что П. И. Рычков был похоронен в самой церкви Спасского. В 1877 г. В. Н. Витевский сообщал: «При входе в храм с. Спасского вы заметите на левой стороне в трапезе близ арки, отделяющей трапезу от внутренней части храма, камень с надписью на холсте,—это могила полковника Андрея Петровича Рычкова, бывшего Симбирским комендантом... На правой стороне той же арки нахо-

Мемориальная доска П. И. Рычкова в Спасском

на правой стороне трапезы, выстроенной им же церкви близ арки, отделяющей трапезу от внутренней части храма» [208].

Здание церкви в Спасском сохранилось до наших дней, хотя находится в запущенном состоянии. У него нет никаких следов трапезы церкви, так как ее стены были разобраны в 1893 г. при перестройке, проведенной Л. Д. Рычковой. Могила оказалась расположенной в одном из приделов.

Ныне в здании церкви находится товарный склад совхоза «Памяти Баумана». Татарское отделение ВООПИК взяло на государственный учет это здание как памятник материальной культуры. В 1981 г. Министерство культуры Татарии в специальном постановлении вынесло решение о необходимости реставрации церкви и создания в ней народного музея с мемориалом П. И. Рычкова, а также реставрации могилы ученого. Однако, к сожалению, долгое время практически ничего не было сделано. Это заставляет вспомнить слова В. Н. Витевского в 1878 г. в «Оренбургском листке»: «Неудачи, сопровождавшие Рычкова при жизни, как бы преследуют его память на земле и за гробом».

13 октября 1983 г. исполком Бугульминского райсовета принял решение «О создании народного музея с мемориалом П. И. Рычкова в селе Спасском». Татарская научно-реставрационная мастерская в 1985 г. закончила работу по составлению проектно-сметной документации и чертежей для реставрации церкви в Спасском, в которой предполагается разместить музей. Жители села и учащиеся школы освободили помещенье от

П. И. Рычков.
Настольная медаль
работы Н. Н. Осокина

хлама и подготовили его к реставрации. Следует довести это важное дело до конца, так как время уходит стремительно и продолжает разрушать сохранившийся ценный памятник материальной культуры России.

В селе уже проделана определенная работа по увековечению памяти ученого. Немало интересных экспонатов собрано в краеведческом музее спасской восьмилетней школы.

По случаю 200-летия со дня смерти П. И. Рычкова в 1977 г. в Бугульме и в Спасском были проведены юбилейные мероприятия. Художник Н. Н. Осокин изготовил памятную настольную медаль, на которой сделана надпись: «Петр Иванович Рычков. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук 1712—1777 гг.». Медаль выполнена в металле и фарфоре диаметром в 21,5 см. Оригинал хранится в Бугульминском краеведческом музее. Н. Н. Осокин написал также картину «П. И. Рычков в имении Спасском, 1760 г.»; им выполнена скульптурная группа «П. И. Рычков-ученый и путешественник».

23 октября 1985 г. Бугульминская газета «Ленинское знамя» сообщила, что в Спасском открыт памятник первому члену-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову. Автор бюста — скульптор В. Агафонов, архитектор К. Акманов, художники Н. Осокин и М. Ярыгин.

Образ П. И. Рычкова уже нашел отражение в полотнах Н. Н. Осокина, и нет сомнения в том, что в будущем появятся и другие посвященные ему живописные произведения. Биография П. И. Рычкова может дать замечательный материал также для произведений художественной литературы и драматургии.

Творчество и наследие П. И. Рычкова полностью еще не исследованы. С его именем связано много рассказов и легенд. Нужны новые поиски и исследования. Так,

большой интерес вызывает подземный переход от церкви, находящейся в центре Спасского, к часовне, расположенной приблизительно на расстоянии 900—950 м на сельском кладбище. Часовня находится в 50 м от Большого Оренбургского тракта и переход проходит под ним. Подобных архитектурных сооружений в этой местности нет, и тем более интересным представляется создание перехода с точки зрения строительных возможностей того времени. Как, когда и зачем был построен этот переход? Для складов или для убежища? Кто похоронен в часовне? Не является ли переход частью штолен, в которых добывалась руда для медеплавильного завода?

Ныне переход в нескольких местах поврежден, но не хранит ли он и до сего дня сведения, связанные с именем П. И. Рычкова? Возможно, что специальное исследование обогатило бы нас новыми сведениями и позволило бы получить ответ на ряд вопросов краеведческого характера.

Велико значение научных трудов П. И. Рычкова. И ныне ни один исследователь Оренбургского края, казахских и киргизских степей и гор Башкирии и Урала не обходится без использования его трудов.

Пожелтели и выцвели листы первых изданий его первых книг. Истлели от времени когда-то добротные кожаные переплеты, но еще многим поколениям людей будут дороги труды П. И. Рычкова как правдивые научные источники знания о далеком прошлом обширного края, некогда, по сути, открытого им для России.

Основные даты жизни и деятельности П. И. Рычкова

- 1712, 1 октября — в Вологде родился Петр Иванович Рычков
1720 — переезд семьи Рычковых в Москву
1720—1730 — годы учебы; постижение «бухгалтерской науки и внешней коммерции» на фабрике И. П. Тамеса
1730 — поездка в Петербург, назначение на должность управляющего Ямбургскими и Жабинскими стекольными заводами
1732 — женитьба на Анисье Прокофьевне Гуляевой
1733 — переезд в Петербург; служба в портовой таможне
1734 — назначение на должность бухгалтера Оренбургской экспедиции
1734—1737 — сотрудничество с И. К. Кириловым
1737—1739 — работа в Оренбургской комиссии с В. Н. Татищевым
1742—1758 — участие в управлении Оренбургским краем при И. И. Неплюеве
1743, 19 апреля — закладка г. Оренбурга
1743 — основание села Спасского
1744 — поездка с И. И. Неплюевым в Москву
1744, 15 марта — образование Оренбургской губернии
1751, июнь—июль — поездка в Петербург и знакомство с М. В. Ломоносовым; награждение чином коллежского советника
1751 — смерть жены
1752 — женитьба на Елене Денисьевне Чириковой
1755 — переписка с М. В. Ломоносовым; одобрение Академией наук «Топографии Оренбургской губернии» и рекомендация ее к печати
1755 — начало сотрудничества с академическим журналом «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»
1757 — начало переписки с академиком Г. Ф. Миллером
1759 — выход в свет «Истории Оренбургской»
1759, 28 января — указ об учреждении звания члена-корреспондента и избрание П. И. Рыкова первым членом-корреспондентом Академии наук
1760 — выход в отставку и переезд на жительство в Спасское; награждение чином статского советника
1761, январь—февраль — поездка в Петербург
1762 — публикация «Топографии Оренбургской губернии»
1765 — избрание в члены Вольного экономического общества и начало сотрудничества в «Трудах» Общества
1767 — поездка в Москву
1768 — посещение Спасского академиком И. И. Лепехиным и П. С. Палласом
1769, декабрь — вступление в должность главного правителя Оренбургских соляных дел

- 1770, 20 января — награждение Е. Д. Рычковой золотой медалью Вольного экономического общества
- 1771, январь — поездка в Москву
- 1771 — издание немецкого перевода «Топографии Оренбургской губернии» в Берлине (в следующем году — в Риге)
- 1773, январь — поездка в Москву; избрание в члены Вольного Российского собрания при Московском университете
- 1773—1774 — работа над «Летописью осады Оренбурга» во время Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева
- 1774 — поездка в Симбирск; начало работы над «Экстрактами» о башкирском и казахском народах
- 1776 — окончание сочинения «Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии»
- 1777 — назначение на должность главного командира Екатеринбургских заводоуправлений
- 1777, 15 октября — П. И. Рычков скончался

Литература

Сочинения П. И. Рычкова

Опубликованные труды

1. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо 1-е // Ежемес. соч. и пер., к пользе и увеселению служащие. 1755. Февр. С. 105–122.
2. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо 2-е // Там же. Апр. С. 307–338.
3. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письма 3-е и 4-е // Там же. Дек. С. 493–515.
4. Письмо о упражнении в деревенском житии // Там же. 1757. Ноябрь. С. 405–430.
5. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях // Там же. 1758. Май. С. 440–428; Июнь. С. 483–524.
6. Письмо от матери к дочери: Пер. с нем. // Там же. 1758. Апр. С. 342–358.
7. Письмо Сократа к Деновику: Пер. с нем. // Там же. 1758. Апр. С. 326–342.
8. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Там же. 1759. Янв. С. 97–103; Февр. С. 125–135; Март. С. 210–215; Апр. С. 310–318; Май. С. 333–339; Июнь. С. 382–387; Июль. С. 408–415; Авг. С. 452–459; Сент. С. 470–478; Окт. С. 491–499; Ноябрь. С. 510–521; Дек. С. 530–535.
9. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Там же. 1760. Март. С. 195–220.
10. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии // Там же. 1762. Янв. Ч. 1/2. С. 50–58; Февр. С. 72–75; Март. С. 93–98; Апр. С. 122–130; Май. С. 144–152; Июнь. С. 208–216; Июль. С. 312–330; Авг. С. 408–415; Сент. С. 425–432; Окт. С. 450–458; Ноябрь. С. 475–485.
11. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и имп. Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 1/2. 420 с.
12. О рыбьем клее¹ // Ежемес. соч. и пер., к пользе и увеселению служащие. 1763. Дек. С. 486–496.
13. О титуле белого царя // Там же. Авг. С. 120–133.
14. Дополнение о козьей шерсти // Тр. ВЭО. 1766. Ч. 2. С. 106–116.

¹ Статья ошибочно приписывалась Г. Ф. Миллеру. См.: *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867. С. 96; *Он же.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 414.

15. О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти // Там же. С. 89—101.
16. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии // Там же. Ч. 4. С. 30—56.
17. Опыт о козьей шерсти // Там же. Ч. 2. С. 63—68.
18. О деле юфтей // Там же. 1767. Ч. 5. С. 70—77.
19. О кошениле и червце // Там же. Ч. 6. С. 69—83.
20. О сбережении и умножении лесов // Там же. С. 84—112.
21. О содержании пчел // Там же. Ч. 5. С. 150—196.
22. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Там же. Ч. 7. С. 1—25.
23. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб.: Акад. наук, 1767. 120 с.
24. Опыт о березовой воде // Тр. ВЭО. 1767. Ч. 4. С. 57—64.
25. Опыты винного курения на домашний расход // Там же. Ч. 5. С. 46—59.
26. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии // Там же. Ч. 7. С. 111—212.
27. Представление относительно применения в винном курении сыворотки для уменьшения расходов хлеба // Там же. Ч. 5. С. 43—45.
28. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии // Там же. Ч. 6. С. 56—68.
29. Выпись из разных писателей о пчелах и краткие об них примечания // Там же. 1768. Ч. 9. С. 139—163.
30. О горючей угольной земле // Там же. С. 83—91.
31. О рассмотрении самородно растущих трав и семян // Там же. Ч. 8. С. 67—74.
32. О травяных корешках и семенах, пригодных к винной сидке // Там же. Ч. 9. С. 74—82.
33. Первое продолжение о пчелах // Там же. С. 1—27.
34. Прибавление о кошенили и червце // Там же. С. 164—173.
35. Способ к винному курению на домашний расход // Там же. С. 61—72.
36. О краске из травы кипрейника и о пухе из той же и еще из другой травы в прибавлении к прежнему // Там же. 1769. Ч. 13. С. 54—64.
37. О травяном пухе и о домашнем его употреблении вместо хлопчатой бумаги и пр. // Там же. С. 44—53.
38. О урожае хлеба. // Там же. С. 100—106.
39. О урожае хлеба. Дополнение к прежнему // Там же. С. 106—112.
40. Третье продолжение о пчелах // Там же. Ч. 9. С. 1—34.
41. Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина // Там же. 1770. Ч. 16. С. 12—229.
42. О красивой кудели и о употреблении в пряжу и в другие экономические надобности // Там же. Ч. 15. С. 71—75.
43. О размножении российского червеца // Там же. С. 80—87.
44. О стручках перешных // Там же. С. 6—70.
45. О красивой холсте // Там же. 1771. Ч. 18. С. 215—226.
46. О пряже из ветошек и тряпич и о употреблении оной в разные рукоделия // Там же. Ч. 17. С. 167—174.

47. Orenburgische Topographie // A. F. Büsching. Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1771. T. 5/6.
48. Описание Илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания, а при том и об отправлении оной сухопутно и водою в разные места // Тр. ВЭО. 1772. Ч. 20. С. 24–61.
49. Orenburgische Topographie oder Umständliche Beschreibung des Orenburgischen Gouvernements: Verfasst von Peter Rytshkov. Aus dem Russischen übersetzt von Jacob Rodde. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1772. Bd 1/2.
50. О спирте из вербовых цветов и из травы, называемой воробьиной // Тр. ВЭО. 1773. Ч. 24. С. 178–184.
51. Способ к сбережению съестных вещей от повреждения и гнилости // Там же. С. 171–177.
52. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов, а во второй о покорении сего царства под державу российских монархов. М.: Моск. ун-т, 1774. 24 с.
53. О приговлении в пищу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож // Тр. ВЭО. 1774. Ч. 25. С. 119–129.
54. Письма П. И. Рычкова к В. Н. Татищеву и Г. Ф. Миллеру // П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С. 164–194.
55. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 г. Изд. на средства И. Ф. и Ф. И. Базилевских. Оренбург: Оренбург. отд. РГО, 1880. 54 с.
56. Топография Оренбургской губернии: Соч. П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург: Оренбург. отд. РГО, 1887. 420 с.
57. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Оренбург. листок. 1895–1896.
58. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии/Под. ред. и с примеч. Н. М. Гутьяра. Оренбург: Оренбург. губ. стат. ком., 1896. 320 с.
59. Записки Петра Ивановича Рычкова // Рус. арх. 1905. Кн. 3, № 1. С. 289–340.
60. Топография Оренбургской губернии: (Отрывки) // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неустроева/Ред. и вступ. ст. Ф. Н. Милькова. М.: Географгиз, 1949. С. 158–178.
61. Письма П. И. Рычкова к М. В. Ломоносову // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 8. С. 185, 192.
62. Описание осады Оренбурга ² // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 10 т. 1965. Т. 9, ч. 2. С. 205–355.
63. О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани/Публ. Л. З. Мильготиной по рукописи: ЦГАДА. Ф. 199, д. 152, № 12 (см. [361]). // История и историки. 1972. М.: Наука, 1973. С. 372–400.
64. Orenburgische Topographie oder Umständliche Beschreibung des Orenburgischen Gouvernements /Hrsg. von A. Anderle. Leipzig; Weimar, 1983.

² Рукописи этого сочинения встречаются в библиотеках и архивах в полном или рассыпанном виде с неодинаковыми названиями. Помимо рукописей, указанных Р. В. Овчинниковым, см.: [72, 74, 75, 77, 78].

Неопубликованные труды

65. Записка о бывшей князя Александра Бековича в великую Татарию экспедиции // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, № 18. Л. 29–35.
66. Известия о начале и состоянии Оренбургской Комиссии по день наименования оной Оренбургской губернией и о делах киргиз-кайсака, зюнгорцев и других смежных с оною губерниею народов // ЦГАДА. Рукоп. отд. № 52172³. 106 л.; См. также: АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 523/307; ГПБ. Рукоп. отд. № 276/47⁴; Рукоп. отд. БАН СССР.
67. Краткий экстракт о башкирском народе // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, оп. 4, д. 44. Л. 2, с. 1–58; См. также: ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 12. Л. 3–26.
68. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывших в тех местах людей к рассмотрению обстоятельного о сих народах описания⁵ // Арх. АН СССР (ААН СССР). Разряд 2, оп. 1, д. 126. Л. 1–21.
69. Лексикон, или Словарь топографический Оренбургской губернии // ГБЛ. Рукоп. отд. № 2931; См. также: АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 521/442, 522/461.
70. Мероприятия по устройству иноверных народов Оренбургской губернии 1774–1775 гг. // ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 11. Л. 277–283.
71. Мнение о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские страны и о средствах к тому надлежащих // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, № 18. Л. 42–50.
72. О злодействах и бунте разбойника и самозванца Пугачева // Б-ка Казан. ун-та. Рукоп. отд. № 4734. Л. 1–167.
73. О причинах удаления из России калмыков (1771 г.)⁶.
74. Описание г. Рычкова о яичких казаках и об осаде Пугачевым Оренбурга // ААН СССР. Ф. 141, разряд II. Л. 1–174.
75. Описание злых дел самозванца Пугачева: В 6 ч. С акварел. портр. Пугачева // ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 9, ч. 2. Л. 1–182.
76. Описание, из чего и как делается рыбий клей // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, № 18. Л. 55–56.
77. Описание шестимесячной Оренбургской осады, бывшей в 1773–1774 году от самозванца и возмутителя беглого донского казака Емельяна Ивановича сына Пугачева. С кратким показанием начальных причин сего бунта, приходу и усилвания помянутого государственного злодея о бывших от него и от сообщников его к городу Оренбургу приступах, о выласках из города и о других между тем случившихся достопамятных приключениях. Собрано из пись-

³ Ранее: Архив внешней политики России МИД СССР. Ф. 122, оп. 164, кн. 2, ч. 5.

⁴ В этой рукописи в отличие от других имеются карандашные и акварельные зарисовки, которые, несомненно, принадлежат Джону Кэстлю (см.: [287]).

⁵ Предисловие опубликовано П. П. Пекарским [334. С. 29–31].

⁶ Местонахождение рукописи неизвестно.

- менных дел и из очевидных примечаний в то самое время происходивших в Оренбурге в 1774 году⁷ // ГБЛ. Ф. 711, д. 14. Л. 1–17; д. 15. Л. 1–20.
78. Описание шестимесячной осады Оренбургской от самозванца Пугачева с кратким показанием причин сего бунта, сочинено в Оренбурге, в 7 частях и двумя прибавлениями // ЦГАДА. Ф. 375, оп. 1, д. 73.
79. Опыт на задачу о Чермной России // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, № 18. Л. 40–41.
80. Ответы на 19 вопросов о выхухоли // Там же. Л. 53–54.
81. Письма от статского советника Петра Ивановича Рычкова, касающиеся Оренбургской губернии о иноверческих и других орд происшествиях, также и по башкирским делам 1774 и 1775 гг. // ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 8, ч. 2. Л. 1–203.
82. Продолжение «Истории Оренбургской» (1751–1774 гг.)⁸.
83. Реестр медным приискам // ААН СССР. Ф. 141, оп. 1, д. 3.
84. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе // ГПБ. Рукоп. отд. Ф. Поленова, оп. 4, д. 44; См. также: ГБЛ. Рукоп. отд. Ф. Паниных, кн. 11. Л. 10–139; кн. 12. Л. 83–94, 105–139; АЛО ИИ АН СССР. Ф. Воронцовых, № 438/247.

Литература о П. И. Рычкове

85. *Абзалов Р. М.* История географического познания и картографирования Южного Урала и Приуралья в связи с хозяйственным освоением территории с конца XVIII в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1973. 24 с.
86. *Абилев А. К.* Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах П. И. Рычкова // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 19–21.
87. *Абрикосов Х. Н., Александров Л. В., Алексеенко Ф. М.* и др. Словарь-справочник пчеловода. М.: Сельхозгиз, 1955. 420 с.
88. *Агарков В.* Первый академик из Оренбурга // Блокнот агитатора. Оренбург. 1972. № 17. С. 35–41.
89. Академия наук. СССР: Персональный состав. М.: Наука, 1974. Кн. 1. (1724–1917). 480 с.
90. *Акманов И. Г.* П. И. Рычков – первый историк Башкирии // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 3–5.
91. *Аксенов А. В.* Соль Илецкая: Ист.-экон. очерк (1754–1965 гг.). Оренбург, 1969. 52 с. (Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова; Вып. 31).
92. *Алекторов А. Е.* История Оренбургской губернии. 2-е изд. Оренбург, 1883. 128 с.
93. *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 422 с.

⁷ В нотабене (№ 13) значится: «Собрано г-м Рычковым, которое по прочтении я нашел во многом с подлинником произвествием не сходным» (без подписи, рукою, возможно, самого Рычкова). Рукопись неполная, содержит 2 части, заключающие 43 параграфа.

⁸ Местонахождение рукописи неизвестно. См.: [334. С. 60].

94. *Алишев С. Х.* Исследователи XVIII–XIX вв. о татарах Среднего Поволжья и Приуралья // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 22–25.
95. *Алишев С. Х.* Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 215 с.
96. *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Ист. арх. 1951. Т. 6. С. 240–314.
97. *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по географии России // В. Н. Татищев. Избр. тр. по географии России. М.: Географгиз, 1950. С. 3–35.
98. *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // В. Н. Татищев. История Российская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 5–38.
99. *Андрущенко А. И.* и др. Крестьянская война 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961–1970. Т. 1. 587 с.; Т. 2. 512 с.; Т. 3. 488 с.
100. *Анучин Д. Г.* Участие Суворова в усмирении пугачевщины и поимке Пугачева: Материалы для истории пугачевского бунта // Рус. вестн. 1868. Т. 78. С. 5–32.
101. *Аполлова Н. Г.* К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Б. Б. Кафенгауза. М.: Наука, 1964. С. 355–388.
102. *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: ЦК КП(б)К, 1948. 256 с.
103. *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
104. *Ардобацкая А.* Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII в. // Уч. зап. Сарат. ун-та. 1954. Т. 39, вып. ист. С. 138–175.
105. Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов/Под общей ред. Г. А. Князева. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 300 с.
106. *Архипова Н. П.* В. Н. Татищев – первый исследователь природы Среднего Урала // Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. С. 91–112.
107. *Ауслендер С. А.* Пугачевщина. М.: ОГИЗ, 1929. 270 с.
108. *Бак И. С.* Исследователь хозяйства России П. И. Рычков; его экономико-географические труды // История русской экономической мысли. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1, ч. 1. С. 481–489.
109. *Бак И. С.* Экономические воззрения В. Н. Татищева // Ист. зап. 1955. Т. 54. С. 362–381.
110. *Бак И. С.* Экономические воззрения П. И. Рычкова // Там же. 1945. Т. 16. С. 126–138.
111. *Балыков А. Ф.* О двенадцатой карте в атласе И. Красильникова // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 88–90.
112. *Бангыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1847. 400 с.
113. *Бангыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. 376 с.
114. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 128 с.

115. *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
116. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с.
117. *Белокуров С. А.* О намерении Ломоносова принять священство и отправиться с И. К. Кириловым в Оренбургскую экспедицию в 1733 г. // Ломоносов. сб. СПб., 1911. С. 67.
118. *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева: (Формирование антикрепостнической мысли). М.: Изд-во МГУ, 1965. 382 с.
119. *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов — наш первый университет. М.: Изд-во МГУ, 1961. 135 с.
120. *Беляев И. Д.* Русское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II // Б-ка для чтения. 1865. Т. 1, № 3. С. 57–97.
121. *Берг Л. С.* История русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
122. *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 467 с.
123. *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. Первый русский ученый-агроном/Под ред. М. Г. Чижевского. М.: Сельхозгиз, 1949. 184 с.
124. *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.
125. *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725/Пер. с нем. И. Аммона. М., 1902–1903. Ч. 1. 189 с.; Ч. 2. 247 с.; Ч. 3. 199 с.; Ч. 4. 148 с.
126. *Биллярский П.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. 630 с.
127. *Блок Г. П.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
128. *Боднарский М. С.* Очерки по истории русского землевладения. М.: Изд-во АН СССР, 1947. 292 с.
129. *Боднарский М. С.* Первые русские географические атласы // Землевладение. 1932. Т. 34, вып. 1/2. С. 104–104.
130. *Болдырев Н.* Исследователи нашего края // Урал. войск. ведомости. 1874. № 39–42; 1875. № 2–6.
131. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков (1738–1793). СПб., 1872. Т. 3. 1244 стб.
132. *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976. 222 с.
133. *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Соц.-экон. пробл. М.: Мысль, 1980. 342 с.
134. *Буканова Р. Г.* Топографическое исследование Оренбургского края во второй половине XVIII в. // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 98–100.
135. *Булич Н. Б.* Несколько слов о П. И. Рычкове и его сочинениях // Справ. листок г. Казани. 1867. 16 мая.
136. *Бурцев В.* Описание свитков, находящихся в Вологодской Церковно-археологической комиссии. М.; 1874. Вып. 10–12.
137. *Бычков А. Ф.* Описание рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. 256 с.
138. *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных

- с нею землях Азии/Под ред. В. В. Григорьева // Зап. Рус. геогр. о-ва. 1850. С. 260–283.
139. Бюст – ученому // Ленин. знамя. Бугульма, 1935. 23 окт.
 140. *Валк С. Н.* Август Людвиг Шлецер и Василий Никитич Татищев // XVIII век. Л.: Наука, 1975. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. С. 190–199.
 141. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о киргизкайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абулхайра Хана (1748–1765). Уфа, 1853. 126 с.
 142. *Веселовский Н. И.* Пособие к лекциям по истории Востока. СПб., 1901. Ч. 1. 254 с.
 143. *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII–XVIII столетиях. СПб., 1884. 40 с.
 144. *Веселовский Н. И.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах // Туркестан. ведомости. 1879. № 35. С. 8–12.
 145. *Винский Г. С.* Записки Гр. Степ. Винского времен Екатерины II/С предисл. А. И. Тургенева // Рус. арх. 1877. № 1. С. 76–123; № 2. С. 150–197.
 146. *Винский Г. С.* Мое время: Записки Г. С. Винского/Под ред. и вступит. статья П. Е. Щоголева. Пг.: Огни, 1914. 159 с.
 147. *Вигевский В. Н.* Воспоминания о П. И. Рычкове, по случаю 100-летнего юбилея со дня его кончины // Оренбург. листок. 1877. 2 окт. № 40.
 148. *Вигевский В. Н.* Еще о юбилее Рычкова // Там же. 1878. 4 янв. № 1.
 149. *Вигевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Ист. моногр. Казань, 1897. Т. 1. 176 с.; 1890. Т. 2. 191 с.
 150. *Вигевский В. Н.* Петр Иванович Рычков и его значение в истории Оренбургского края // Оренбург. листок. 1878. 1, 14, 21 мая. № 20–23.
 151. *Вигевский В. Н.* П. И. Рычков, первый корреспондент Академии наук // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казан. ун-те. 1878. Т. 15, вып. 1/2. С. 128–140.
 152. *Власов И. И.* Полотняной фабрики директор Иван Тамес. Иваново-Вознесенск, 1928. 20 с (Отд. оттиск из Тр. Иваново-Возн. губ. науч. о-ва краеведения; Вып. 5).
 153. *Волков Д. В.* Записка Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии 1763 г./Публ. В. И. Ламанского // Вестн. имп. РГО. 1859. Ч. 27. С. 49–60.
 154. *Волперский В. П.* Словари XVIII века. М.: Наука, 1986. 254 с.
 155. *Вяткин М.* К истории распада Казахского союза. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 457 с. (Материалы по истории КазССР; Т. 2, ч. 2).
 156. *Гагина Т. Н.* Печатные работы профессора В. В. Скалона: Аннот. список. Иркутск: Иркут. с.-х. ин-т, 1973. 20 с.
 157. *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. М., 1908. Т. 3. 291 с.
 158. Географ-самородок: Н. И. Рычков (1712–1777) // Глобус. М.: Дет. лит., 1977. С. 373–374.
 159. Географическое общество за 125 лет/Под ред. С. В. Калесника. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 258 с.
 160. *Глухов М.* «Сей муж великого разума» // Сов. Татария. 1978. 21 марта.

161. *Глухов М.* Человек великого разума // Там же. 1972. 21 нояб.
162. *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века/Под ред. А. И. Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 445 с.
163. *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронол. обзоры и описание арх. материалов/Под ред. акад. В. Л. Комарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.
164. *Голендухин Л. Д.* Новые материалы к биографии В. Н. Татищева: (Из ранних лет его жизни) // Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. С. 11–37.
165. *Голицын В. Н.* Портфели Г. Ф. Миллера. М.; 1899. 150 с.
166. *Голицын Я. С.* Летопись пчеловодства // Пчеловодство. 1946. № 2/3. С. 53.
167. *Гольденберг Л. А.* Географический департамент Академии наук и создание первого академического атласа (1739–1799 гг.) // Очерки истории географической науки в СССР. М.: Наука, 1976. С. 47–61.
168. *Гольденберг Л. А.* Первый академический атлас России и картографические работы Географического департамента Академии наук // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 4. С. 124–136.
169. *Гольденберг Л. А.* Федор Иванович Соимонов (1692–1780). М.: Наука, 1966. 263 с.
170. *Гольденберг Л. А., Новлянская М. Г., Троицкий С. М.* И. К. Кирилов и его труд «Цветущее состояние Всероссийского государства» // И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 5–24.
171. *Гольденберг Л. А., Троицкий С. М.* О занятиях И. К. Кирилова русской историей: (Материалы к биогр. И. К. Кирилова и В. Н. Татищева) // Археогр. ежегодник за 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 145–157.
172. *Гольденберг Л. А., Шерстобитова В. Г.* Археографическое предисловие // И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 25–31.
173. *Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 425 с.
174. *Григорьев В.* О путешествии Гарбора в Хиву // Изв. РГО. 1870. Т. 11, отд. 1. С. 118–170.
175. *Григорьев В. В.* Историческое обозрение событий в Зауральской степи Оренбургского ведомства и изменений в управлении ею со времени присоединения к России до настоящего времени // ЦВИА СССР. Ф. 183. Д. 57. Л. 3. Рукопись.
176. *Григорьев В. В.* Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1. С. 53–80.
177. *Грот Я. К.* Материалы для истории Пугачевского бунта // Зап. Имп. Акад. наук: Прим. 1875. Т. 25, № 4. 144 с.
178. *Грот Я. К.* Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. 41 с.
179. *Демидова Н. Ф.* Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // Ист. арх. 1950. Т. 5. С. 166–178.

180. *Де-Пуле М. Ф.* Николай Иванович Второв // Рус. арх. 1877. № 6. С. 136–165, 326–353, 426–469.
181. *Діброва О. Т.* (ред.) Видатні вітчизняні географі, мандрівники та мореплавці. Київ: Рад. шк., 1954. Вип. 3. 240 с.
182. *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1. 303 с.; Т. 2. 270 с.
183. *Добросмыслов А. И.* Тургайская область: Ист. очерк. Оренбург, 1900. 524 с. (Изв. Оренбург. отд. РГО; Вып. 15).
184. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. М.: Наука, 1975. 523 с.
185. *Долгова С.* Впервые о Каповой пещере: (Очерки об исследовании Каповой пещеры П. И. Рычковым в 1760 году) // Тропами «Уральского следопыта». М.: Наука, 1978. С. 392, 402–406.
186. *Дорофеев В. В.* Крепость на Яике. Оренбург: Оренбург. отделение ВООПИК, 1981. 128 с.
187. *Дорофеев В. В.* Методические рекомендации, учебные материалы и задания к ним. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова, 1987. 50 с.
188. *Дорофеев В. В.* Над Уралом-рекой. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 271 с.
189. *Дорофеев В. В.* Оренбург в трех столетиях. 1743–1983. Оренбург: Оренбург. отделение ВООПИК, 1983. 21 с.
190. *Дорофеев В. В.* Оренбург, 1833 г. Оренбург: Оренбург. отделение ВООПИК, 1982. 246 с.
191. *Дорофеев В. В.* Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М.: Наука, 1987. С. 481–486.
192. *Евзений, митрополит (Е. А. Болховитинов).* Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. 1/2.
193. *Ершова Е.* «Топография Оренбургской губернии» // Чкалов. коммуна. 1952. 19 марта.
194. *Ефремов А. В.* Быть народному музею // Ленин. знамя. Бугульма, 1982. 21 мая.
195. *Ефремов А. В.* 240 лет тому // Там же. 1983. 13 июля.
196. *Ефремов А. В.* Имени наших земляков // Там же. 1983. 4 мая.
197. *Ефремов А. В.* О могиле П. И. Рычкова // Вопр. истории естествознания и техники. 1983. № 1. С. 169–170.
198. *Ефремов А. В.* О прошлом будущего ради // Ленин. знамя. Бугульма, 1985. 13 дек.
199. *Ефремов А. В.* Первый член-корреспондент Российской Академии наук Петр Иванович Рычков (1712–1777 гг.): Вступ. ст. к программе вечера памяти 14 окт. 1977. Бугульма, 1977. 8 с.
200. *Ефремов А. В.* П. И. Рычков. Ученый-энтузиаст // Ленин. знамя. Бугульма, 1977. 11, 12, 14, 15 окт.
201. *Ефремов А. В.* П. И. Рычков и народное просвещение // Там же. 1982. 1 окт.
202. *Ефремов А. В.* Рыцарь природы: (К 75-летию со дня рождения) // Там же. 1978. 19 мая.
203. *Ефремов А. В.* Удостоен первым // Урал. рабочий. Свердловск, 1984. 19 сент.
204. *Ефремов А. В.* Ученый-энтузиаст // Красный Север. Вологда, 1983. 20 янв.

205. *Ефремов А. В.* Честь беречь. Создать народный музей // Ленин. знамя. Бугульма, 1979. 5 июня.
206. *Ефремов А. В.* и др. Город счастливой судьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. С. 213–217.
207. *Ефремов Ф.* Странствие Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию и Россию. Казань, 1811. 346 с.
208. *Жуковский П. В.* Дополнения к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. 1916. Вып. 33. С. 99–116.
209. *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. 120 с.
210. *Зейфман Н.* Рукопись о Пугачеве // Культура и жизнь. 1969. № 10. С. 46.
211. *Иванов А. Н. В. Н.* Татищев как исследователь карстовых явлений // Вопр. истории естествознания и техники. 1957. Вып. 4. С. 58–70.
212. *Игнатьев Р. Г.* Из Уфы // Сев. почта. 1867. С. 99.
213. *Игнатьев Р. Г.* Исторические и административные сведения о башкирском народе, составленная по приказанию графа Панина в 1175 г. // Уфим. губ. ведомости. 1871. № 33, 34; 1872. № 1, 4, 7, 9, 10, 13, 15, 17; См. также: Памятная книга Уфимской губернии на 1873 г. Уфа, 1872. С. 139–166.
214. *Игнатьев Р. Г.* Могила П. И. Рычкова // Оренбург. листок. 1877. № 5.
215. *Игнатьев Р. Г.* Об ученых трудах П. И. Рычкова // Справочная книга Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1869. С. 1–13.
216. *Игнатьев Р. Г.* Ответ господину Н. Г. О писателе Рычкове // Справ. листок г. Казани. 1867. 8 июня. № 65. С. 269.
217. *Игнатьев Р. Г.* Память о более столетней ученой деятельности П. И. Рычкова в Оренбургском крае // Оренбург. губ. ведомости. 1867. № 7.
218. *Игнатьев Р. Г.* Петр Иванович Рычков и его ученая деятельность в Оренбургском крае / Справ. листок г. Казани. 1887. 11 мая. № 54. С. 205–207.
219. *Игнатьев Р. Г.* Петр Иванович Рычков и его ученая деятельность в Оренбургском крае // Уфим. губ. ведомости. 1867. 29 апр. № 16–17. Ч. неофиц.
220. *Игнатьев Р. Г.* Статья Рычкова о земледелии в Оренбургской губернии // Справочная книга Оренбургской губернии на 1873 г. Оренбург, 1872. С. 87–89.
221. Извлечения из протоколов Отделения Русского языка и словесности за 1867–1868 гг. // Сб. статей, читан. в Отд-нии рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1868. Т. 2. С. 1–37.
222. *Измайлов Н. В.* Оренбургские материалы для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // А. С. Пушкин: Исслед. и материалы: Тр. III Всесоюз. пушкин. конф. М.; Л., 1953. С. 89–113.
223. *Иофа Л. Е.* Современники Ломоносова, И. К. Кирилов и В. Н. Татищев: Географы первой половины XVIII в. М.: Географгиз, 1949. 96 с.
224. Исторический обзор развития отечественной экономической географии // Отечественные экономико-географы XVII–XX вв. М.: Географгиз, 1957. С. 5–35.

225. История Академии наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 483 с.
226. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата: Наука, 1979. Т. 3. 543 с.
227. История родного края: Учеб. пособие/Сост. Ю. С. Зобов, П. Е. Матвиевский, С. А. Попов и др. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. 160 с.
228. История русской экономической мысли. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. Ч. 1. 756 с.
229. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
230. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
231. *Камалов С. К.* Каракалпаки в XVIII–XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан, 1968. 327 с.
232. *Каратаев Н. К.* П. И. Рычков – выдающийся русский экономист XVIII в. // Вестн. АН СССР. 1950. № 3. С. 84–93.
233. *Каратаев Н. К.* Очерки по истории экономических наук в России XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 292 с.
234. *Кауфман И. М.* Русские библиографические словари. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 751 с.
235. *Кауфман М. М.* Русские географические словари // Вопр. географии. 1947. Сб. 4. С. 168–188.
236. *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 355 с.
237. *Кенигсберг М. М.* Опыт медико-топографического исследования г. Оренбурга. СПб., 1886. 200 с.
238. *Кеппен П.* О шелководстве в России // Журн. М-ва внутр. дел (ЖМВД). 1834. № 11. С. 27–35.
239. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
240. Книга Большому Чертежу/Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
241. *Князев Г. А.* Герард Фридрих Миллер: К 150-летию со дня смерти // Вестн. АН СССР. 1933. № 11. С. 29–40.
242. *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л.: Наука, 1964. 226 с.
243. *Козлов А. Г.* Выдающийся уральский ученый П. И. Рычков: (В помощь краеведу). Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 54 с.
244. *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале, XVII – начало XX в.: Биогр. справ. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 222 с.
245. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с.
246. *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859. 237 с.
247. *Крафт И. И.* Принятие киргизами русского подданства // Изв. Оренбург. отд. РГО. 1897. Вып. 12. Отд. отт. 39 с.
248. *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 884 с.
249. *Крашенинникова Н. Л.* Облик русского города XVIII в. на примере Оренбурга // Архит. наследие. 1976. № 24. С. 72–75.

250. Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: документы из сб. Гос. ист. музея/Сост. и комм. С. С. Дрейзен, Е. И. Индова, М. Д. Курмачева и др. М.: Наука, 1973. 440 с.
251. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: Сб. документов/Сост. Р. В. Овчинников, И. М. Гвоздикова, А. П. Николаенко. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1975. 496 с.
252. *Кривошеков А.* Исторические судьбы Оренбургского края // Вестн. Оренбург. учеб. окр. 1912. № 3. С. 94–112; № 4. С. 132–146.
253. *Кузьмин А. Г.* Татищев. М.: Мол. гвардия, 1981. 351 с.
254. *Кулябко Е. С., Черников А. М.* Первый член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков: (К 250-летию со дня рождения П. И. Рычкова) // Вестн. АН СССР. 1962. № 10. С. 90–93.
255. *Куник А.* Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в. СПб., 1865. 358 с.
256. *Курмачева М. Д.* Петербургская Академия наук и М. В. Ломоносов. М.: Наука, 1975. 80 с.
257. *Лебедев В.* Из истории сношений казахов с царской Россией. XVIII в. // Красный арх. 1936. Кн. 5. С. 189–208.
258. *Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XVIII г. (1725–1800 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 273 с.
259. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степи. СПб., 1832. Ч. 1. 334 с.; Ч. 2. 334 с.; Ч. 3. 304 с.
260. *Левшин И. А.* Справочный хронологический перечень событий, относящихся к местности нынешней Оренбургской губернии, с половины XVI века до настоящего времени // Адрес-календарь и памятная книжка Оренбург. губ. на 1885 г. Оренбург, 1894. С. 54–80.
261. *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771. Ч. 1. 394 с.
262. *Лепехин И. И.* Краткое руководство к разведению шелка в России. СПб., 1798. 190 с.
263. *Липатников Ю.* Страницы неизданной книги // Урал. следопыт. 1980. № 8. С. 72–73.
264. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М.: Книга, 1963. Т. 2 (Н–Я). 502 с.
265. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. Л.: Наука, 1950–1983.
266. *Лонгинов М. Н.* Биографические сведения о некоторых русских писателях XVIII века // Рус. старина. 1870. Т. 1. Отд. отд. 6 с.
267. *Лонгинов М. Н.* Дневник камер-юнкера Берхгольца // Рус. вестн. 1860. Т. 21. С. 429–462.
268. *Лукина Т. А.* Иван Иванович Лепехин. М.; Л.: Наука, 1965. 205 с.
269. *Любименко И. И.* Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1766–1782). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 606 с.
270. *Лярский П. А. П. И.* Рычков – выдающийся русский географ XVIII века: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1954. 48 с.

271. *Лярский П. А. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века* // Географический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 3: История географических знаний и географических открытия. С. 45–78.
272. *Мавродиц В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1961–1966. Т. 1, 2.
273. *Майорова А. С. Общественно-политические взгляды П. И. Рычкова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Саратов, 1986. 20 с.
274. *Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев.* М.; Л.: Просвещение, 1965. 152 с.
275. *Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: Творческий путь.* М.; Л.: Гослитгиздат, 1961. 443 с.
276. *Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века.* М.; Л.: Гослитгиздат, 1952. 544 с.
277. *Макшеев А. Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае.* СПб., 1878. 24 с.
278. *Марков С. Историк азиатских степей* // Север. 1971. № 3. С. 86–87.
279. *Марков С. Историк азиатских степей: (К 175-летию со дня смерти П. И. Рычкова)* // Чкалов. коммуна. Оренбург, 1952. 28 окт.
280. *Марков С. Н. Вечные следы: Книги о землепроходцах и мореходах.* М.: Современник, 1982. 575 с.
281. *Матвиевский П. Е. Абулхаир – поборник единения казахского народа с русским* // Уч. зап. Чкалов. (Оренбург.) пед. ин-та, 1948. Т. 1. С. 66–111.
282. *Матвиевский П. Е. Архивные дела губернской канцелярии о Пугачевском восстании* // Археография Южного Урала. Уфа: БФ АН СССР, 1976. С. 76–89.
283. *Матвиевский П. Е. Великий ученый (М. В. Ломоносов) и Оренбургский край* // Юж. Урал. 1961. 25 нояб.
284. *Матвиевский П. Е. Г. Ф. Генс и его оренбургские записки о русско-индийских связях в XVIII в. – первой трети XIX в.* // Из истории Южного Урала. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 49–70.
285. *Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кестля как источник по истории и этнографии казахов* // История СССР. 1958. № 4. С. 138–144.
286. *Матвиевский П. Е. Из истории иностранной библейской пропаганды среди нерусских народностей России* // Материалы и тез. докл. XVI науч. конф. Оренбург. пед. ин-та. Оренбург, 1968. С. 40–41.
287. *Матвиевский П. Е. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII в.* // Изв. Чкалов. (Оренбург.) отд. геогр. о-ва СССР. 1948. Вып. 2. С. 71–78.
288. *Матвиевский П. Е. Крестьянская война под водительством Е. И. Пугачева.* Оренбург: Кн. изд-во, 1973. 124 с.
289. *Матвиевский П. Е. «Лексикон... топографический» – последний труд П. И. Рычкова* // Материалы регион. науч. конф. 12–14 мая в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 12–15.
290. *Матвиевский П. Е. Медаль Е. Д. Рычковой* // Юж. Урал. Оренбург, 1975. 14 янв.

291. *Матвиевский П. Е.* О роли Оренбурга в русско-индийской торговле XVIII в. // История СССР. 1969. № 3. С. 98–111.
292. *Матвиевский П. Е.* Об образовании русской нации // Вопр. истории. 1956. № 8. С. 18–21.
293. *Матвиевский П. Е.* Оренбург – форпост зонального научно-политического освоения Юго-Восточной и Азиатской России в XVIII – начале XIX в. // Материалы регион. науч. конф. 12–14 мая в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 9–12.
294. *Матвиевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Ист. очерки. Оренбург: Кн. изд-во, 1962. 128 с.
295. *Матвиевский П. Е.* Первые разведки оренбургских недр // Юж. Урал. Оренбург, 1968. 8 авг.
296. *Матвиевский П. Е.* Сношения оренбургских татар с Индией в XVIII в. // Тр. О-ва истории, археологии и этнографии при Казан. ун-те. 1963. № 1 (36). С. 132–144.
297. *Матвиевский П. Е.* Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII–XVIII вв. // Героические страницы истории народов нашей Родины: Докл. Всесоюз. науч. конф., посвящ. 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 г. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 51–62.
298. Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
299. Материалы по истории Башкирской АССР/Под. ред. А. Н. Усманова; Сост. Н. Ф. Демидова. М.: Изд-во. АН СССР, 1956. Т. 4, ч. 2. 666 с.
300. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828)/Под ред. В. И. Лебедева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1–4.
301. *Мертваго Д. Б.* Записки. (1760–1824). СПб., 1867. 337 с. (Рус. арх.). Т. 5. Прил.
302. *Мильгогина Л. З.* Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина // История и историки: Историогр. ежегодник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 396–431.
303. *Мильков Ф. Н.* Естествоиспытатели Оренбургского края. Оренбург (Чкалов): ОГИЗ, 1948. 59 с.
304. *Мильков Ф. Н.* К 175-летию со дня смерти П. И. Рычкова // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1952. № 5. С. 34–39.
305. *Мильков Ф. Н.* Н. П. Рычков и его географические исследования в Заволжье // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1953. № 4. С. 77–83.
306. *Мильков Ф. Н.* Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неустроева // Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неустроева. М.: Географгиз, 1949. С. 3–39.
307. *Мильков Ф. Н.* П. И. Рычков: Жизнь и географические труды. М.: Географгиз, 1953. 144 с.
308. *Милютин В. А.* Очерки русской журналистики // Современник. 1851. Т. 25–26.
309. *Михалева Г. А.* Сейтовский посад Оренбурга и его роль в развитии русско-среднеазиатской торговли // Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 2. С. 57–65.
310. *Модестов Н.* Основание г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его: (По донесению И. К. Кирилова и св.

- Синод) // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. 1917. Т. 35. С. 57–74.
311. Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Под ред. В. И. Буганова. Уфа: БФАН, 1977. 186 с.
 312. *Небольсин П. И.* Башкирцы: Рассказы проезжего. СПб., 1854. 375 с.
 313. *Неплюев И. И.* Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893. 197 с.
 314. *Никитенко А. В.* Отчет по Отделению русского языка и словесности за 1867 г. // Сб. статей, читан. в Отд-нии рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1868. Т. 2, № 7. Отд. отд. 39 с.
 315. *Никитин Н. П.* Зарождение экономической географии в России: Обзор материалов XVIII в. // Вопр. географии. 1950. Сб. 17. С. 66–74.
 316. *Новиков Н.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 510 с.
 317. *Новлянская М. Г.* Иван Кирилович Кирилов, географ XVIII в. М.; Л.: Наука, 1964. 142 с.
 318. *Новлянская М. Г.* И. К. Кирилов и его «Атлас Всероссийской империи». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 78 с.
 319. *Новлянская М. Г.* Научные работы Оренбургской экспедиции (1734–1737 гг.) // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. 1959. Т. 27. С. 26–43.
 320. *Новлянская М. Г.* П. И. Рычков: (250-летие со дня рождения) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва 1963. Т. 95. С. 84–89.
 321. *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л.: Наука, 1966. 95 с.
 322. *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина // Под ред. А. А. Преображенского. М.: Наука, 1985. 161 с.
 323. *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 274 с.
 324. *Овчинников Р. В.* Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. документов. М.: Наука, 1965. 656 с.
 325. *Овчинников Р. В.* Рычков П. И. // Сов. ист. энцикл. 1954. Т. 12. С. 324–325.
 326. *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. 1765–1917: Ист.-экон. очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 195 с.
 327. Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Баранского и др. М.: Учпедгиз, 1957. 328 с.
 328. Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 692 с.
 329. *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 566 с.
 330. *Павлова Г. Е.* Степан Яковлевич Румовский (1734–1812). М.: Наука. 1979. 200 с.
 331. *Павлова Г. Е., Федоров А. С.* Михаил Васильевич Ломоносов / Отв. ред. Е. П. Велихов. М.: Наука, 1986. 462 с.
 332. *Паллас П.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. 117 с.; Ч. 2, кн. 1. 476 с.; кн. 2. 571 с.
 333. *Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Зап. имп. Акад. наук. 1866. Т. 8. Прил. 7. С. 28–65.

334. *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. С портретом и снимком почерка Рычкова. СПб.: Акад. наук, 1867. 348 с.
335. *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1. 774 с., Т. 2. 1024 с.
336. *Пекарский П. П.* Новые известия о В. Н. Татищеве // Зап. имп. Акад. наук. 1864. Т. 4. № 4. Прил. С. 66–98.
337. *Пекарский П. П.* Редакторы, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Сб. статей, читан. в Отд. нии рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 1867. Т. 2, № 4. С. 1–88.
338. *Пекарский П. П.* Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1856. № 4. С. 53–90; № 5. С. 29–62; № 8. С. 63–120.
339. *Пекарский П. П.* Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии // Торжеств. собр. Акад. наук 29 дек. 1865 г. СПб., 1866. С. 6–18.
340. Песни и сказания о Разине и Пугачеве/Под ред. А. Н. Лозановой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 418 с.
341. *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Ч. 2. 344 с.
342. *Платэ А. Ф., Быков Г. В., Эвентова М. С.* Владимир Васильевич Марковников. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 152 с.
343. *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1933. Т. 3. 583 с.
344. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. Записки путешествия академика Лепехина. 632 с.
345. *Попов А. В.* Петр Иванович Рычков // Оренбург. газ. 1912. № 273–276.
346. *Попов А. В.* Петр Иванович Рычков // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. 1916. Вып. 33. С. 77–97.
347. *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861. 804 с.
348. *Попов Н. А.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. СПб., 1887. 53 с.
349. *Попов С. А.* Дом П. И. Рычкова // Юж. Урал. Оренбург, 1962. 25 окт.
350. *Попов С. А.* Оренбург // Степ. огни. 1958. № 15. С. 122–133.
351. *Попов С. А.* Село Рычковка // Юж. Урал. Оренбург, 1985. 22 дек.
352. *Попов С. А.* Село Тоцкое // Там же. 1979, 23 сент.
353. *Попов С. А.* «Сказал сущую правду...» // Там же. 1978. 22 авг.
354. *Попов С. А.* «Сорочий городок» // Там же. 1979. 15 дек.
355. *Попов С. А.* Что было до Оренбурга // Там же. 1981, 2 июля.
356. *Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения/Под ред. и с коммент. В. В. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1937. 293 с.
357. *Преображенский А. А.* Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII–XVIII вв. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М.: Изд-во АН СССР, 1982. С. 248–261.
358. Протоколы Академии наук. СПб., 1900. Т. 3. 628 с.
359. *Прусс А. П.* Исследователь Оренбургского края П. И. Рычков в оценке П. П. Пекарского // Материалы регион. науч. конф. в Оренбурге. Свердловск, 1983. С. 53–54.

360. *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 472 с.
361. *Пушкин А. С.* Письма последних лет. 1834—1837 гг./Под ред. Н. В. Измайлова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 528 с.
362. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 8. 580 с.; Т. 10. 893 с.
363. *Раскин Н. М.* Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1962. 340 с.
364. *Распопов Д.* Деятели прежнего времени в Оренбургском крае: П. И. Рычков/Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Оренбург, 1889. Вып. 2. С. 57—72.
365. *Рейнсдорп И. А.* Записка Оренбургского губернатора Рейнсдорпа о недостатках вверенной его управлению губернии. 1770 г./Публ. В. И. Ламанского // Вестн. имп. РГО. 1859. Ч. 27. С. 90—104.
366. *Рубинштейн Н. Д.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в.—Памятники географического и экономического изучения России // Вопр. географии. 1953. Сб. 31. С. 58—63.
367. *Рунич П. С.* Записки сенатора о пугачевском бунте // Рус. старина. 1870. Т. 2. С. 116—131, 241—253, 321—372.
368. *Рычков К. И.* Родословная потомков П. И. Рычкова. Оренбург, 1908. 150 с.
369. *Рычков Н. П.* Отрывок из семейных записок Рожновых // Б-ка для чтения. 1862. № 1/2 (янв.-февр.).
370. *Рычков Н. П.* Дневные записки Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771. СПб., 1772. 107 с.
371. *Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769—1770 гг. СПб., 1770—1772. Ч. 1/2. 190 с.
372. *Рычков Н. П.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. 132 с.
373. Сборник имп. Русского исторического общества. СПб. 1879.
374. *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914. 161 с.
375. *Семенюк Г.* Талантливый современник М. В. Ломоносова: (О русском ученом П. И. Рычкове. 1712—1777) // Простор. 1961. № 11. С. 117—119.
376. *Сивков К. В.* Вопросы сельского хозяйства в журналах XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М.: Наука, 1952. Сб. 1. С. 18—23.
377. *Сивков К. В.* Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М.: Наука, 1952. С. 241—248.
378. *Сидоренко С. А.* П. И. Рычков как историк // Вопр. истории. 1975. № 7. С. 260—266.
379. *Сидоренко С. А.* П. И. Рычков — один из зачинателей буржуазного направления в русской исторической науке // Вопр. историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 17—21.

380. *Скалон В. Н.* Печатные работы профессора В. Н. Скалона / Под ред. Т. Н. Гагиной. Иркутск: Изд-во Иркутск. с-х. ин-та, 1973. 180 с.
381. *Соболев А.* Автор «Топографии Оренбургской» // Орский рабочий (Орск). 1962. 25 марта.
382. *Соколов Д. Н.* Оренбургская губерния: Геогр. очерк. М., 1916. 58 с.
383. *Соловьев О. Ф.* Из истории русско-индийских связей. М.: Соцэкгиз, 1958. 99 с.
384. *Соловьев С. М.* Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Т. 47, № 10. С. 115–150.
385. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во АН СССР, 1959–1966. Кн. 1–15.
386. *Степанов С.* Башкирские бунты // Рукоп. отд. науч. б-ки Казан. ун-та. № 5361. 38 л.
387. *Столянский П. Н.* Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. 399 с.
388. *Столянский П. Н.* Очерки из Оренбургской стороны. Оренбург, 1902. 98 с.
389. *Страленберг Ф. И.* Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л.: Наука, 1985. 220 с.
390. *Тарасов Ю. М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.
391. *Татаринцев Н.* Научная конференция // Юж. Урал. Оренбург, 1962. 14 окт.
392. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 464 с.
393. *Татищев В. Н.* Избранные произведения по географии России / Под ред. А. И. Андреева. М.: Географгиз, 1950. 248 с.
394. *Татищев В. Н.* История Российская. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962–1968. Т 1. 500 с.
395. *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1–3.
396. *Татищев и изучение русского летописания: Сб. статей.* М.: Наука, 1981. 256 с.
397. *Тевкелев А. И.* Разные бумаги генерал майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах, 1762 // Временник Мос. о-ва истории и древностей российских. 1853. Т. 13. Смесь. С. 15–19.
398. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 395 с.
399. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1889–1917. Вып. 1–35.
400. *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 156 с.
401. *Уханов И.* Оренбургский пуховый // Урал. следопыт. 1976. № 5. С. 61–64.
402. *Фальк И. П.* Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. 546 с.
403. *Федосов И. А.* Из истории общественной мысли: М. М. Щербатов. М.: Изд-во МГУ, 1967. 260 с.

404. *Федчина В. Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М.: Наука, 1967. 132 с.
405. *Фель С. Е.* Картография России XVIII века. М.: Геодезиздат. 1960. 226 с.
406. *Фрадкин Н. Г.* Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773. М.: Географгиз, 1953. 222 с.
407. *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
408. *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (1-я половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 376 с.
409. *Ханыков Я. В.* О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно // Геогр. изв. СПб. 1850. С. 661–663.
410. *Ханыков Я. В.* Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Геогр. изв. СПб., 1850. С. 519–599.
411. *Ханыков Я. В.* Сведения о роде Тевкелевых // Временник Мос. о-ва истории и древностей российских. 1853. Кн. 13. С. 19–21.
412. *Ходнев А. И.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865. 667 с.
413. *Чабров Г. Н.* Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957. 71 с.
414. *Черепнин Л. В.* Русская историография до XIX века: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1957. 306 с.
415. *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900. Вып. 1. 346 с.; 1901–1902. Вып. 2. 1057 с.
416. *Чернов И. В.* Записки Ивана Васильевича Чернова // Тр. Оренбург. учен. арх. комис. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 234–280.
417. *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. 115 с.
418. *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1781. Т. 1, кн. 1. 564 с.; кн. 2. 618 с.; Т. 2, кн. 1. 705 с.; кн. 2. 626 с.; кн. 3. 646 с.
419. *Шевченко Т. Г.* Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. 647 с.
420. *Шейман Л.* Русский ученый XVIII в. о киргизах // Лит. Киргизстан. 1959. № 2. С. 122–126.
421. *Шгильмарк Ф. Р.* Василий Николаевич Скалон // Проблемы экологии позвоночных Сибири. Кемерово: Изд-во КГУ, 1978. С. 187–189.
422. *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М.: Наука, 1965. 306 с.
423. *Щебальский П.* Жизнь и литературная переписка П. Пекарского: Рецензия // Беседы в О-ве любителей Российской словесности при Мос. ун-те. М., 1868. Вып. 2, отд. 2. С. 95–99.
424. *Южт А. И.* Связи В. Н. Татищева с Академией наук // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.: Наука, 1976. С. 355–358.
425. *Яковлев.* Мулла Ирناзар Максютов, бухарский посланник // Сиб. вестн. 1824. Кн. 5. С. 405–473.
426. *Яровой Г. В.* Анкета Вольного экономического общества как источник по истории сельского хозяйства и крестьянства

- Урала второй половины XVIII в. // *Историография и источниковедение: Межвуз. сб. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 115–125.*
427. *Ястребов Е. В.* Талантливый русский естествоиспытатель // *Природа.* 1962. № 10. С. 91–92.
 428. *Anderle A. Einleitung* // P. Rytschkow. Orenburgische Topographie. Leipzig, Weimar, 1983. S. 9–23.
 429. *Berg E.* Repertorium der Literatur über die Mineralogie, Geologie, Paleontologie, berg- und Hüttenkunde Russlands bis zum Schlusse des XVIII. Jahrhunderts. St.-Petersburg, 1862.
 430. *Büsching A. F.* Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg-Halle. 1770–1774. Bd. 1–22.
 431. *Donnert E.* Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zum Beginn der Regierungszeit Katharinas II. Gesellschaftstheorien und Staatslehren in der Ära des aufgeklärten Absolutismus. B., 1976.
 432. *Donnert E.* Zum Wirken der Petersburger Freien Ökonomischen Gesellschaft in der zweiten Hälfte des 18. Jh. // *Jahrbuch für der sozialistischen Länder Europas.* B. 1973. Bd 17/1.
 433. *Falk J. B.* Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reich. Hrsg. J. G. Georgi. St.-Petersburg, 1785–1786. B 1–3.
 434. *Georgi J. G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches. St.-Petersburg, 1776–1780. Bd 1–2.
 435. *Georgi J. G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. St.-Petersburg, 1775. Bd 1–2.
 436. *Hanway Y.* An historical account of the British trade over the Caspian Sea. 2d ed. L. 1754. Vol. 1–2.
 437. *Köppen Th.* Biographien solcher Schriftsteller (Naturforscher, Geographen, Statistiker, Reisender, Aertzte etc.), welche über die Thierwelt, Jagd- und Fischfang Russlands, bis zum Schlusse von 1885, gehandelt haben, und überhaupt solcher Autoren, deren Schriften im vorliegenden Werke verzeichnet sind // *Bibliotheca zoologica rossica. Literatur über die Thierwelt Gesamtrusslands bis zum Jahre 1885.* St.-Petersburg, 1907. Bd 2, I. Hal. S. 43–239.
 438. *Krünitz J. G.* Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-, Stadt-, Haus- und Landwirtschaft in alphabetischer Ordnung. B. 1784.
 439. *Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaiser Peters des Großen.* Riga, 1784.
 440. *Pallas P. S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-Petersburg, 1771–1776. Bd 1–3.

Именной указатель

- Абдурахманов И. (Махмуд) 52, 194
Абилев А. К. 18
Аблай 111
Абу-л-Гази Бахадур-хан 123
Абулхаир 28, 29, 31, 35, 36, 39, 40, 48, 49, 62–65, 69, 72–78, 81, 85, 90, 91, 96, 98
Агафонов В. 236
Айчувак 75, 85, 91
Акманов К. 18, 236
Аксаков П. Д. 67, 85
Аксенов А. В. 195
Амман И. 33
Андерле А. 143
Анзимиров М. А. 231
Аничков Д. С. 198
Анна Иоанновна 29, 31
Арапов М. 194
Арсланов Ш. 98
Ауслендер С. А. 230
- Базилевский И. Ф. 12
Бак И. С. 14
Бакимаметов Е. 100
Бантыш-Каменский Д. Н. 10
Барак 76, 77
Барсов А. А. 198
Бартенев П. И. 11
Батов П. 96
Батыр 98
Бекматаев А. 74
Бекович-Черкасский А. (Девлет-Кизден-Мурза) 30, 92
Бекчурин М. 194
Белинский В. Г. 10, 12, 22
Берхгольц Ф. В. 24
Бестужев-Рюмин А. П. 102
- Бирон Э. И. 55, 95
Болотов А. Т. 20, 169
Брюс Я. В. 50
Буртова И. 200
Бюшинг А. Ф. 143
- Валленштерн К. 204
Винский Г. С. 20, 222, 223
Витевский В. Н. 13, 59, 60, 90, 109, 234
Волков Д. В. 20, 161, 184, 185
Вольнский А. П. 30, 59
Воробьев А. И. 104
Воронцов М. И. 102
Второв А. 61, 194
- Габлиц К. И. 132
Гагина-Скалон Т. Н. 231
Газе Х. Г. 143
Галафеев Л. 62, 63
Ганвей Дж. 94
Гейнцельман И. Г. 33, 42
Георг II 93
Георги И. Г. 7, 177
Гладышев Д. В. 49, 68
Гмелин И. Г. 121, 174
Гокк Р. (Реональд) 95, 96, 97
Голиков И. И. 10
Голицын П. М. 200, 201, 206
Гуляев Я. С. 91
Гурьев И. 104
Гутьяр Н. М. 13
Гюнтер Н. М. 230
- Давыдов А. Р. 133, 161
Дашкова Е. Р. 198
Десницкий С. Е. 198
Джанбек 63, 98

- Дорофеев В. В. 18, 61, 66
 Дорофеев Д. 61
 Дю Гамель Ж. Б. 149
- Екатерина II** 159–161, 165, 184,
 192, 213, 225, 228
 Елизавета Петровна 49, 59
 Еропкин Н. Д. 188, 213
 Ершов Ф. 61, 203
 Ефремов А. В. 19, 20
- Жуковский П. В.** 14
- Зубарев И. 88
- Иванов В.** 104, 105
Иванов К. 191
Иванов С. 83, 104, 194
Игнатьев Р. Г. 12, 234
Измайлов Н. В. 17
- Каип** 28
- Карамзин Н. М.** 13
Каратаев Н. К. 14
Кирилов И. К. 6, 20, 21, 25,
 26, 31–42, 44–47, 50, 51, 88,
 93, 113, 136, 184, 194, 196
Кисилев А. 105
Клингштет Т. И. 186
Князев Г. А. 182
Колумб Х. 13
Коптяжев И. А. 61, 194
Корф И. А. 42
Костицын И. 201
Кочнев И. 203
Красильников И. 114
Крафт В. Л. 174, 177
Кулябко Е. С. 16
Курбанбазаров А. 100
Куроедов М. 66, 96, 97
Кэстль Дж. (Кассель Я.) 35,
 37, 38, 47, 49, 73, 80, 84, 93
- Левшин А. А.** 10
Лейтгольд 56
Ленин В. И. 5, 82, 207
- Лепехин И. И.** 7, 9, 10, 174–176,
 220
Ловиц Г. М. 174, 177
Ломоносов М. В. 5, 7, 9, 13, 16,
 20, 22, 35, 86–88, 105, 115–
 118, 128–132, 141, 152–154,
 156, 167, 181, 226
Лысов Ю. С. 205
Люткин 89
Лярский П. А. 15
- Майоров А. С.** 18
Максютов И. 100
Маленький С. М. 101
Марагви Бараев 38
Марков А. 194
Марковников В. В. 229
Маслов М. Я. 210
Матвиевский П. Е. 1, 19, 20
Мертваго Д. В. 20
Мелиссино И. И. 198
Миллер К. 48, 68
Миллер Г. Ф. 9–11, 20, 43,
 115–121, 125–128, 130–132,
 136, 140, 141, 145–149, 151–
 154, 156, 159, 161, 162, 173,
 175, 177, 181–183, 185–188,
 197–199, 207, 209–216, 219,
 223, 224, 227, 228
Мильготина Л. З. 18
Мильков Ф. Н. 15, 141, 143,
 145, 166, 177, 180, 224, 225
Муравин И. 49, 57
Мюллер И. В. 110
Модель И. Г. 151
Мурашкинцов И. 139
Мясников И. С. 137
- Назимов 58**
Нартов А. А. 9, 166, 171–173,
 198
Небольсин П. И. 10
Неплюев И. И. 6, 13, 20, 30,
 58–65, 67–69, 72–74, 76, 77,
 81–86, 88–91, 101, 102, 105,

- 108–110, 114, 133, 136, 170,
194, 215, 221
- Никитенко А. В. 12
- Никитин А. 101
- Ниязкулов А. 100
- Новиков Н. И. 10, 20, 198
- Новлянская М. Г. 16, 136
- Нурали 48, 61, 77, 81, 90, 91,
133
- Овчинников Р. В. 17**
- Озерецковский Н. Я. 10
- Орлов Г. Г. 150, 154, 172, 186
- Осокин Н. Н. 135, 139, 236
- Останков Б. 66
- Павленко Н. И. 16**
- Падуров Т. И. 201, 204, 205
- Паллас П. С. 7, 9, 10, 134, 143,
174, 176, 177, 180, 182, 192, 209,
221
- Панин Н. И. 68
- Панин И. И. 68
- Панин П. И. 68, 213–219
- Пекарский П. П. 10, 12, 59,
105, 120, 134, 176, 212, 218,
224, 233
- Перфильев А. 210
- Петр I 6, 9, 13, 24, 26, 28, 30,
31, 43, 45, 59, 81, 92, 142, 192
- Петр III 68, 161, 184, 202
- Петров Ф. 215
- Пешков А. 61
- Пештич С. Л. 16, 17, 183
- Писарев А. 57, 114
- Покровский М. Н. 199
- Поликарпов П. 83
- Попов А. В. 13, 14, 60, 66
- Попов С. 194
- Попов С. А. 18, 232, 233
- Прусс А. Н. 18
- Птуха М. В. 16
- Пугачев Е. И. 8, 12, 17, 195,
200–202, 205–208, 210, 211,
213, 214
- Пунай ханша 65, 76, 85
- Путятин А. А. 188
- Пушкин А. С. 7, 11, 12, 17, 30,
190, 200, 202, 204–207, 208,
211
- Радищев А. Н. 7, 20**
- Разин С. Т. 18, 199, 200, 209
- Разумовский К. Г. 131
- Ратиславский А. М. 41, 56
- Рейнсдорп И. А. 20, 188, 189,
198, 200, 201, 204, 205, 212,
213, 217–219, 228
- Ригельман А. И. 136**
- Риндер А. А. 133
- Роготов А. М. 157
- Румовский С. Я. 174, 183
- Рунич П. С. 20, 210
- Рычков А. П. 106, 107, 109, 157,
158, 162, 197, 201, 209, 210,
211, 230, 234
- Рычков В. П. 159, 164, 197, 209,
210, 219, 223, 229
- Рычков Д. Н. 11
- Рычков И. И. 22, 23, 46, 48
- Рычков И. П. 159, 162, 197, 209,
222
- Рычков Ксенофонт 156, 179,
219
- Рычков Константин И. 221
- Рычков Н. Д. 11, 229, 230
- Рычков Н. П. 7, 106, 107, 159,
162, 175, 177–180, 210, 219–
221, 229
- Рычков П. 107
- Рычков П. А. 158, 163, 211
- Рычков Ф. 107
- Рычкова Агриппина 107, 197
- Рычкова Александра 107, 197
- Рычкова Анна 156, 197
- Рычкова А. П. (урожд. Гуляе-
ва), 25, 106
- Рычкова Е. 107
- Рычкова Е. Д. (урожд. Чиря-

- кова) 107, 158, 170, 172, 173, 182, 227
- Рычкова К. 107
- Рычкова Л. Д. 235
- Рычкова М. 107, 197
- Рычкова М. П. (в замужестве Толстая) 107, 197, 219, 222
- Рычкова Н. 107
- Рычкова П. 107
- Рычкова С. Н. 230
- Сафиров Н. 101, 226
- Сергеев И. 105
- Сидоренко С. А. 17
- Скалон А. Д. 230
- Скалон В. Н. 231, 232
- Скалон В. Ю. 230
- Скалон Н. В. 230
- Соймонов Л. Я. 57, 58, 61, 62
- Соймонов Ф. И. 182, 183
- Соколов А. И. 132
- Соловьев С. М. 116, 187
- Строганов А. С. 146
- Страленберг И. Ф. Т. 52
- Суворов А. В. 210
- Сумароков А. П. 198
- Сусальников Г. 191
- Тамес И. П. 24
- Татищев В. Н. 6, 7, 9, 10, 11, 20, 36, 44–58, 63, 72, 88, 94, 95, 101, 113, 118, 121–124, 127, 136, 181, 194, 225
- Тауберт И. И. 20, 130, 131, 166, 172, 173, 182
- Тауке хан 28
- Твердышев И. Б. 136, 137, 139, 150, 203
- Тевкелев А. И. (Мамешев К. М.) 30, 31, 40, 46, 55, 64, 72, 74–77, 85, 91, 101, 106, 108, 110, 133, 162, 195
- Тельнов А. 56, 62
- Толстой И. В. 219
- Томсон Г. 95
- Урусов В. А. 55–58, 96
- Уханов И. 175
- Фальк И. П. 7, 174, 177, 190, 191, 193
- Фель С. Е. 58
- Фонвизин Д. И. 193
- Хакк-Назар 28
- Хаялин С. 100, 170
- Херасков М. М. 198
- Хлопуша (Соколов А. Т.) 205
- Ходжа-Ахмет 65, 72, 75, 85
- Чеботарев П. В. 198
- Чекалов Ф. 194
- Черепнин Л. В. 16
- Черников А. И. 16
- Чингиз 65
- Чучалов П. Н. 194, 200, 218
- Шафиров П. П. 30
- Шевченко Т. Г. 199
- Шеслер К. Ф. 33
- Шлёцер А. Л. 10, 144, 182
- Штелин Я. 130, 131, 172
- Штокман фон 66, 85
- Шумахер И. Д. 55, 126
- Щебальский П. 12
- Щербатов Ф. Ф. 201, 220
- Эйлер Х. 174, 177
- Эльмсен В. 25
- Эльтон Дж. 34, 51, 94, 95, 113
- Эрали 31, 39, 48, 63, 81
- Юдин Л. 101
- Юсупов М. 98
- Ягоферов Я. 101, 226
- Яровой Г. В. 18
- Ярыгин М. 236

Содержание

Введение	5
Купеческий сын	22
Детство, юность, обучение и первая служба	22
Предпосылки создания Оренбургской экспедиции 1734 г.	26
Подготовка к походу	32
Служба в Оренбургской экспедиции и комиссии	36
Работа под руководством И. К. Кирилова	36
Сотрудничество с В. Н. Татищевым	44
Освоение Оренбургского края	55
В Оренбургской губернской канцелярии	59
П. И. Рычков и И. И. Неплюев. Строительство Орен- бурга	59
Русско-казахские отношения	71
Управление Оренбургской губернией	82
Организация торговли со странами Азии	91
Домашние заботы	103
Администратор и политик	108
«Топография Оренбургской губернии»	113
Первые печатные работы	116
С мыслью о будущем. «История Оренбургская»	121
Первый член-корреспондент Академии наук	127
Время научной зрелости	134
Спасское	134
Познание края — познание Родины	140
Сотрудничество с Академией наук	146
Дела семейные	156
Вольное экономическое общество	165
Медаль Е. Д. Рычковой	170
Академические экспедиции	174
Спасское десятилетие	180
Крестьянская война (1773—1775)	190
Будни крепости на Яике	190
Летописец осады Оренбурга войсками Пугачева	199
Труды последних лет	209
Суровое время	209

«Экстракты»	214
«Лексикон»	223
Завершение жизненного пути	227
Вместо послесловия	229
Основные даты жизни и деятельности П. И. Рычкова	238
Литература	240
Сочинения П. И. Рычкова	240
Литература о П. И. Рычкове	244
Именной указатель	261

Матвиевский П. Е., Ефремов А. В.

М33 Петр Иванович Рычков. 1712—1777/Отв. ред.
Г. Е. Павлова.— М.: Наука, 1991.— 272 с., ил.
(Научно-биографическая литература).
ISBN 5-02-003438-X

Книга посвящена жизни и многогранной деятельности Петра Ивановича Рычкова — талантливого отечественного ученого и дипломата. Географ и натуралист, историк и экономист, он стал первым русским членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и активно участвовал во многих ее начинаниях. Как ученый-краевед П. И. Рычков составил первое историко-географическое и этнографическое описание Оренбургского края, Казахстана и ряда районов Средней Азии. Своей прогрессивной деятельностью в Оренбургском крае он во многом способствовал укреплению дружбы и взаимопонимания между людьми различной национальности. Будучи членом Вольного экономического общества, П. И. Рычков внес большой вклад в развитие экономической мощи России.

Для читателей, интересующихся историей России и ее науки.

Научное издание

Матвиевский
Павел Евменович
Ефремов
Анатолий Васильевич

Петр Иванович Рычков
1712—1777

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Редактор издательства **В. П. Большаков**
Художник **С. Марутич**
Художественный редактор **И. В. Монастырская**
Технический редактор **И. В. Чудецкая**
Корректоры **А. Б. Васильев, Ф. Г. Сурова**

ИБ № 47227

Сдано в набор 07.05.90

Подписано к печати 27.02.91

Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр. отт. 14,5. Уч.-изд. л. 14,8

Тираж 650 экз. Тип. зак. 784

Цена 6 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485. Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Издательство «Наука»
Готовятся к печати книги:

**Дневник русской комплексной
академической экспедиции
в Бразилию в 1824—1826 гг.**

В книге впервые воспроизведен в переводе на русский язык по сохранившейся в Архиве АН СССР рукописи дневник путешествия академика Петербургской Академии наук Г. И. Лангсдорфа (1774—1852) во внутренние районы Бразилии в 1824—1826 гг. Она содержит уникальные наблюдения о народах, их быте и нравах, экономике, природе, растениях и животных Бразилии первой четверти XIX в. Экспедицию сопровождал художник, иллюстрации которого дополняют текст.

Для историков науки и культуры, зоологов и ботаников, этнографов.

И. В. Козлов, А. В. Козлова
Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский
1827—1914

Книга представляет научную биографию одного из выдающихся ученых и общественных деятелей России второй половины XIX—начала XX в.— Петра Петровича Семенова, к фамилии которого в 1906 г. было добавлено «Тянь-Шанский», так как его экспедиции открыли для науки эту горную страну. Авторы на основе опубликованных трудов ученого и обширного архивного материала осветили деятельность П. П. Семенова-Тянь-Шанского по организации крупнейших русских экспедиций, созданию Русского географического общества и статистической службы в России, его вклад в теорию и историю географической науки и искусствоведение, в пополнение коллекций Эрмитажа.

Для читателей, интересующихся историей отечественной и мировой науки.

Книга высылается наложенным платежом

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга – почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 252208 Киев, пр-т Правды, 80а, магазин «Книга – почтой»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга – почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга – почтой».

Петр Иванович РЫЧКОВ

П.Е.Матвиевский А.В.Ефремов

*П.Е.Матвиевский
А.В.Ефремов*

**Петр Иванович
РЫЧКОВ**

6 руб.

